Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№7

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Андрей ВАСИЛЬЕВ, Антон ДЬЯКОВ. **Боснийское интермеццо.** *Киноповесть* 3

Говард ЛАВКРАФТ. **Изгой.** *Рассказ* 90

Дмитрий ШЕПЕЛЕВ. **Вопреки.** *Рассказ* 100

Акшин ЕНИСЕЙ. **Изгнание из ада**. *Рассказ* 110

ЛАЧИН. **Futurum exactum.** *соч. 94. Рассказ* 124

ПОЭЗИЯ

Татьяна ВОЛЬТСКАЯ. *Стихи* 86

ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий ШЕПЕЛЕВ. **Лавкрафт, Кафка, Майринк.** *Сравнительное жизнеописание* 94

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик Меликли, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 3.07. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ АНТОН ДЬЯКОВ

БОСНИЙСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Киноповесть

…В основе этой киноповести лежат реальные события. Все так и было или могло так быть. Историческая реконструкция неизбежна там, где документы уничтожены или тщательно скрываются. Пришлось вводить в повествование некоторые второстепенные детали и придумывать диалоги, что было совершенно необходимо для связи между подтвержденными фактами. Не говоря уже о том, что каждая книга, каждый фильм о войне, пусть и основанные на выверенных фактах, – это не точный слепок с жизни, а всего лишь воспроизведение твоего представления о ней. И, конечно, приходилось учитывать законы кино, поскольку повесть писалась как сценарий. Но, несмотря на все эти оговорки, не думаю, что эти допуски сильно повредили истине. А она, похоже, была не только сурова, но часто и бесчеловечна.

Первым о том, как спасали маршала Тито, много лет назад рассказал мне отец. Неохотно и скупо. Как все фронтовики, он не любил вспоминать те тяжелые годы. Ему в 1944-м было 26 лет. Лейтенант, оперативник армейской контрразведки. За спиной Финская война и четыре года Великой Отечественной. Для него эта дерзкая операция была всего лишь одним из эпизодов в длинной череде боев, забросок в немецкий тыл, ранений и смертей друзей. Он никогда не жалел, что орден Партизанской Звезды, которым он, как и его товарищи, был награжден, пришлось вернуть после того, как Сталин разорвал отношения с Югославией. И уж тем более не беспокоил его тот факт, что операция была засекречена, а её участники забыты. Но нам это не позволительно. Мы должны помнить, как это было.

Андрей Васильев

В начале 1944 года положение немецких войск на Балканах стало критическим. Советская армия вышла к границам Румынии. Возникала серьезная угроза прорыва на территорию рейха с юга. Помимо этого, ситуация была опасна и тем, что с румынского плацдарма открывался путь в Болгарию, Югославию, Албанию и Грецию, где эсэсовские части и зондеркоманды уже с трудом противостояли отрядам Сопротивления. Поддержи партизан советские части, и дорога на Австрию будет открыта. Именно тогда Гитлер предпринял отчаянную попытку кардинальным образом изменить ситуацию.

21 мая 1944 года. Бессарабия. 3-й Украинский фронт. Прифронтовая полоса

До восхода солнца оставалось не более получаса. Небо уже потеряло глубину, высветлилось и посерело. Звезды одна за другой меркли, и начали проступать контуры облаков. Во влажном воздухе, напоенном весенними дождями, почувствовалось легкое движение – утренний ветерок нежно коснулся верхушек деревьев.

От разделявшего поле перелеска отделились четыре фигуры. Разобрать, кто это, в предутренних сумерках было трудно, но, судя по одинаковым армейским плащ-палаткам, скорее всего, это был патруль или возвращающиеся в часть военнослужащие. Недолго посовещавшись, они направились к видневшемуся неподалеку селу.

Шли, особо не торопясь, но, тем не менее, по-солдатски споро, и скоро уже были у околицы. Здесь тропинка, попетляв между кустами ракитника, выныривала на небольшой лужок – деревенский выгон. За ним начиналась пустынная в этот ранний час улица. Но не успели военные сделать и несколько шагов по лужку, как в спину им прозвучало:

– Стоять! Оружие на землю! При сопротивлении открываем огонь.

Сказано это было не в приказном тоне, а как-то устало и буднично. Наверное, поэтому и реакция на команду была спокойная. Все четверо разом развернулись, молча разглядывая людей в маскировочных костюмах с автоматами на изготовку. Наконец, один из задержанных, по-видимому, старший, с ленцой отозвался:

– А вы-то кем будете?

– Контрразведка СМЕРШ!

– Да вы что, товарищи?! – говоривший и не пытался скрыть своего раздражения. – Я – капитан Шевчук. Рота связи. Откомандирован для получения телефонных аппаратов. Вот документы!

Капитан запустил руку под плащ-палатку, но извлек не бумаги, а пистолет. И тут же получил автоматную очередь в грудь. Не успел он осесть на землю, а смершевцы, повалив на землю, уже вязали двоих диверсантов. Третий, стоявший чуть поодаль, попытался бежать, но его достал в прыжке крепко сбитый парень, убивший лже-капитана. Однако диверсант не собирался сдаваться. Пустить в ход висевший на груди ППШ он не мог – его правая рука была в жестком захвате, однако, изловчившись, он вытянул левой нож из-за голенища сапога. Но его противник был настороже. Мгновенно перехватил руку и, резко вывернув кисть, всадил в горло диверсанту его же нож. И тут же получил удар в лицо от подбежавшего к нему командира.

– Ты что творишь?!

Парень, не отвечая, медленно поднялся с колен. Старший нагнулся к телу, поискал пульс. Признаков жизни диверсант не подавал. В общем, был мертвее мертвого. Не обращая больше внимания на провинившегося подчиненного, командир отошел к оперативникам, обыскивавшим задержанных.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

По длинному коридору самого секретного учреждения Третьего рейха шел молодой офицер в форме СС. В руках он держал тонкую папку. Попадавшиеся ему навстречу сотрудники РСХА, даже те, что были старше по званию, сторонились, уступая ему дорогу. Еще бы! Гауптштурмфюрер Курт Россман был личным помощником Генриха Гиммлера. И бумаги в папке, по всей видимости, предназначались всемогущему рейхфюреру СС, рейхсминистру внутренних дел, рейхсляйтеру, имперскому комиссару по вопросам консолидации германского народа, начальнику всех полицейских формирований и сил безопасности, второму по значимости человеку в рейхе.

На секунду задержавшись, чтобы проверить, в порядке ли мундир, Россман вошел в приемную. Скучавший за столом адъютант кивком головы указал на дверь в кабинет Гиммлера. Набрав воздуха в легкие, словно перед прыжком в воду, гауптштурмфюрер приоткрыл створку и вступил в святую святых нацистской империи.

Курт, уже два года исполнявший обязанности помощника Гиммлера, казалось бы, уже должен был привыкнуть к своей работе, к тому, что ему по несколько раз в день приходилось встречаться с рейхсфюрером, выполнять не только секретные, но и весьма деликатные поручения. И, тем не менее, он – убежденный наци, воспитанник гитлерюгенда – не столько благоговел перед Гиммлером, сколько боялся его. Боялся до такой степени, что неоднократно собирался подать рапорт об отправке на фронт.

Ничего удивительного в этом патологическом страхе не было. В Гиммлере из человеческого была только одна черта – зависть. Он откровенно пресмыкался перед Гитлером, – в ближайшем окружении фюрера его не без иронии именовали «верный Генрих», – однако был готов при первом удобном случае убрать Гитлера и занять его место. Фюрер, который неплохо разбирался в людях, об этом догадывался и поэтому всегда сохранял дистанцию в отношениях с Гиммлером, в отличие от пользовавшихся его доверием Геринга, Бормана, Шпеера, Геббельса. Их Гиммлер тоже ненавидел и был не прочь дискредитировать перед Гитлером. В общем рейхсфюрер ненавидел практически всех, кто стоял выше него.

Но таких было немного. Этот тщедушный человек, вечно страдавший болями в желудке, сын школьного учителя, агроном по образованию (в 1922 году он закончил Мюнхенский технический университет), неудавшийся офицер вермахта, поклонник оккультных наук и убежденный антисемит сделал в нацистской Германии блестящую карьеру. Во многом благодаря тому, что таких понятий, как нравственность и мораль, для него не существовало. Он не был изувером или психопатом. Физическая ликвидация политических противников режима, как и прочих неугодных лиц, а также целых народов – славян, цыган, евреев – была для него работой, которую он старался выполнять профессионально и тщательно, не отвлекаясь на эмоции. Последних, кстати, у него было не особенно много. Он был равнодушен ко всем окружающим, к их страданиям, к испытываемой, – а в его случае причиняемой, – боли, к их смерти.

Скажем, деятельность лагеря смерти Дахау Гиммлер изучал, как хороший инженер функционирование новой высокоэффективной турбины. Его интересовали любые «мелочи»: охрана лагеря, система наказаний, организация казней, утилизация трупов. Ему с гордостью показывали, а он с интересом рассматривал оборудование для пыток, печи крематория, производство по изготовлению мыла из человеческого жира, склады волос и золотых зубных коронок.

Не имевший друзей и практически никому не доверявший, кроме своего сподвижника Рейнхарда Гейдриха, казненного чешскими патриотами в 1942 году, безразличный к деньгам и драгоценностям, к картинам и скульптурам, загородным поместьям и особнякам, не увлекающийся женщинами (у него была любовница, но навещал он её крайне редко), Гиммлер в гитлеровской империи выполнял роль оператора огромной машины, созданной для уничтожения людей, и по сути был одним из самых жестоких убийц в истории. Даже те, кто принадлежал к нацистской верхушке, опасались Гиммлера, а многие из них его откровенно боялись. Стоит ли удивляться тому, что у Россмана перед его кабинетом желудок сжимало так, что его подташнивало.

Иногда страх почти не ощущался, чаще был на грани паники, но полностью он никогда не проходил. Когда всесильный шеф обращал на него взгляд, в памяти Курта возникала одна и та же картина: пятилетним мальчишкой в серпентарии берлинского зоопарка он рассматривает сквозь толстое стекло огромного удава и вдруг понимает, что это удав рассматривает его.

Тихо затворив дверь, гауптштурмфюрер застыл без движения, ожидая, когда рейхсфюрер обратит на него внимание.

Кабинет был заставлен тяжелой дубовой мебелью, но без каких-либо излишеств. Украшал его только портрет Гитлера, висевший над столом. Зато стол был поистине гигантских размеров, и вся его обширная поверхность, словно приусадебный участок у хорошего хозяина, была задействована. Всё, необходимое для работы, было, что называется, под рукой: отдельная папка со сводками военных действий, донесения из гестапо и уголовной полиции, отчеты из концлагерей, запросы на снабжение войск СС, цифры по работе «Германского экономического предприятия» – промышленного холдинга, принадлежавшего СС, книги по оккультизму, расовой теории, истории Германии и т.д.

По позднему времени плотные шторы на окнах были задернуты, а верхний свет выключен. Гиммлер писал при настольной лампе. В темноте, окутавшей почти весь кабинет, она, подобно театральному прожектору, высвечивала лишь его лицо – высокий лоб, прямой нос и неожиданно пухлые щеки, близко поставленные глаза, прикрытые очками в тонкой оправе. На петлицах черного мундира тускло мерцали три дубовых листа, окруженные венком, – такие знаки имел право носить лишь глава СС.

– Что-нибудь срочное, Россман? – Гиммлер поднял глаза от бумаги, над которой работал.

– Донесение из радиоцентра, герр рейхсфюрер. На связь вышел наш агент в штабе Тито, – отрапортовал гауптштурмфюрер.

– Это интересно. Давайте, – сказано это было столь безразлично, будто Россман, прекрасно знавший о равнодушии Гиммлера к еде, предложил шефу попробовать какое-то новое блюдо.

Несколько раз перечитав короткую радиограмму, неизменно сдержанный глава службы безопасности рейха все-таки не смог скрыть своей радости.

– Вот наш партизанский маршал и попался, – с удовлетворением констатировал Гиммлер. Он снял пенсне, белоснежным платком промокнул воспаленные глаза, несколько секунд молчал, обдумывая решение. – Приготовьте к 7 утра самолет. Я вылетаю в Растенбург. Буду докладывать фюреру.

22 мая 1944 года. День первый. Растенбург. Ставка Гитлера в Восточной Пруссии

В зале для заседаний Растенбурга в это утро присутствовала чуть ли не вся элита Третьего рейха. В ожидании появления Гитлера фельдмаршалы, адмиралы, министры, руководители важнейших спецслужб тихо беседовали, разбившись на небольшие группы. Это были своеобразные временные союзы по интересам, ибо в конечном счете здесь каждый был только за себя. От небольшого стола, за которым фюрер обычно подписывал приказы и директивы, они старались держаться подальше, выбирая для общения места у стен, завешанных картинами на мифологические и исторические сюжеты, благо, тут опасность быть подслушанным была меньше. Ни для кого не было секретом, что наушничество, как, впрочем, и злословие, в нацистской Германии процветали во всех слоях общества.

Здесь можно было увидеть Гиммлера, рейхсмаршала Германа Геринга, начальника штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, командующего группой армий «F» генерал-фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса, множество других генералов и старших офицеров в мундирах разных родов войск. При этом Гиммлер и Геринг постарались встать так, чтобы не смешиваться с генералитетом вермахта. Свое несогласие с ним и даже некоторую враждебность они демонстрировали уже больше года, фактически с начала череды поражений на Восточном фронте.

– У фельдмаршала такой потрепанный вид, словно он всю ночь провел в борделе, – Геринг взглядом показал Гиммлеру на Кейтеля, который, положив на стул папку с бумагами, поправлял слегка перекосившийся Рыцарский крест, висевший у него под воротником.

– Вы, Герман, нашли очень точное название для штаба Кивающего осла, – тут же отозвался Гиммлер. – По-моему, единственное, чем они там занимаются, – выдумыванием слезливых историй, объясняющих их очередное грехопадение на Восточном фронте.

Оба они ненавидели немецких генералов, кичившихся своим аристократизмом.

И рейхсфюрер, и рейхсмаршал были для генералов партийными выскочками, которые ровным счетом ничего не понимают в благородной науке ведения войн.

Прусские аристократы еще могли смириться с Германом Герингом, который был из хорошей семьи и закончил Первую мировую войну командиром легендарной эскадрильи асов «Рихтгофен», но Гиммлер – сын учителя, ни одного дня не воевавший агроном, вызывал у них презрение. В свою очередь, Гиммлер не мог простить вермахту пренебрежительного отношения к выпестованным им частям ваффен-СС. Всё самое современное оружие армия забирала себе, предоставляя эсэсовцам снабжаться за счет трофеев из оккупированных государств.

– Вы – ядовитый человек, рейхсфюрер. Уверен, вы способны вогнать в краску даже нашего министра пропаганды, – улыбнулся рейхсмаршал.

– Не преувеличивайте, Герман. Я всего лишь скромный чиновник. Блистать остроумием – не по моей части. Для этого есть Риббентроп и его болтуны из министерства иностранных дел, – тут же парировал Гиммлер, который в словесных дуэлях легко побеждал грубоватого Геринга.

За дверью, рядом с которой злоязычничала эта не терпевшая друг друга парочка, послышались шаги. Все разговоры и перешептывания мгновенно стихли, словно это был не зал заседаний Ставки, а класс, который замирает перед появлением строгого учителя.

Сопровождаемый свитой в зал вошел рейхсканцлер, верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии Адольф Гитлер. Не ответив на приветствия, фюрер прошел к своему столу и начал просматривать подаваемые адъютантом бумаги, подчеркнуто не обращая внимания на генералов. Часть документов он откладывал в сторону, некоторые прочитывал дважды, какие-то сразу подписывал. Всем стало ясно, что Гитлер сильно раздражен. Подобное настроение легко могло вылиться в административную бурю с разносами и снятием с должностей. В зале повисла напряженная тишина, которую буквально разорвал треск бумаги, раздираемой сухим пером. Встряхнув ручку и убедившись в том, что чернила закончились, фюрер в сердцах швырнул её на пол.

– Черт бы вас побрал, Кейтель! – выкрикнул Гитлер. Все с облегчением вздохнули. Похоже, на роль мальчика для битья сегодня был избран фельдмаршал. Вслед за ручкой на пол последовала пачка рапортов. – Я не фокусник, чтобы по первому требованию доставать из шляпы новые дивизии. И для чего? Чтобы ваши бездарные генералы оставляли их в русских котлах?! – фюрер все больше заводился. Он уже не кричал, а вещал, будто выступал на очередном митинге. – Мальчишки заменяют у станков ушедших на фронт отцов. Женщины берут в руки оружие. Вся нация напрягает мускулы в этой последней битве с большевизмом. А вы?! Нужна идея. Нужен прорыв. С чем вы пришли?!

Фюрер обвел взглядом застывших в оцепенении генералов.

– С этим? – Гитлер с брезгливой миной на лице ткнул рукой в стопку еще не разобранных бумаг. Больше сказать ему было нечего. Он подошел к висящему на стене батальному полотну и стал внимательно рассматривать его, как будто ответ был запрятан между фигурами сражающихся воинов.

Впрочем, едва ли устроенная фюрером истерика кого-то из присутствующих удивила. Это был всего лишь один из ораторских приемов, которых в запасе у Гитлера было множество. Еще в двадцатые годы, выступая на собраниях единомышленников, а затем и на многолюдных митингах, он подчас вел себя, как опьяненный мухомором берсеркер. Искусно сыгранные приступы священной ярости вызывали восторг у законопослушных немцев. А потом, как часто бывает, истеричность постепенно стала чертой характера. Но сегодня этот приступ раздражения свидетельствовал лишь о бессилии Гитлера, его неспособности найти выход из ситуации, которая неотвратимо должна была привести Третий рейх к гибели. И хотя он ни за что не согласился бы с таким утверждением, продолжая верить в свою избранность, страх за все содеянное в последние месяцы все чаще лишал его способности принимать пра-

вильные решения. Но показать растерянность этой своре! Об этом не могло быть и речи. Поэтому паузу, как хороший актер, он держал долго. Наконец, фюрер развернулся к генералам.

– Господин Вейхс, какими силами вы сейчас располагаете на Балканах?

Командующий группой армий «F» этого вопроса ждал. Он был уверен, что в условиях отсутствия реального плана противодействия наступлению русских войск Гитлер опять займется перетасовкой частей, хотя ни к чему, кроме путаницы, это не приводило. Все людские резервы давно были исчерпаны, оружие возмездия, о котором так много болтал фюрер, было, похоже, мифом, а противник ежемесячно наращивал силу ударов. Генерал-фельдмаршал видел спасение только в создании жесткой обороны, которая дала бы возможность сохранить status quo на самом опасном Восточном фронте. И уж, конечно, меньше всего он желал ослабления своих сил на Балканах, где ему и без того приходилось нелегко. Поэтому ответ был дан скорее в стиле дипломата, чем военного.

– Нельзя сказать, чтобы они были велики, мой фюрер.

У Гитлера слова фон Вейхса вызвали новую вспышку бешенства.

– Почти миллион человек?! По-вашему, это мало?! Миллион солдат отсиживается в тылу, когда они так нужны нам на Восточном фронте!

Объяснять фюреру, что большая часть его армии – это откровенный сброд из боснийцев, хорватов, сербов и албанцев, да еще в присутствии рейхсфюрера, которому подчинялись все эти разноязыкие дивизии, бригады, легионы и корпуса СС, набранные из фольксдойче и, как выражался Гиммлер, «родственных немцам народов», было занятием бесполезным. Но фон Вейхс все-таки попробовал хоть что-то сказать в свое оправдание.

– У меня очень мало надежных немецких частей.

– А дивизия СС «Принц Ойген»?! А дивизия «Кама»?! – продемонстрировал Гитлер свое умение держать в памяти колоссальные объемы информации.

Командующего эта перепалка с дилетантом порядком раздражала. Но он сдержался и постарался ответить спокойно.

– Дивизия «Принц Ойген» понесла большие потери в Черногории. Дивизия «Кама» еще только формируется. И они, и другие части почти постоянно задействованы в карательных операциях и в охране мостов и дорог.

Оставить последнее слово за представителем столь ненавистного генеральского корпуса Гитлер никак не мог. Но и весомых аргументов для продолжения спора у него не было. Поэтому он решил просто припугнуть уж слишком уверенного в своей правоте фельдмаршала.

– Надеюсь, вы не сомневаетесь в важности акций возмездия?! – подойдя вплотную к фон Вейхсу, поинтересовался фюрер. Сказано это было так, будто для себя Гитлер уже всё решил: фон Вейхс – несомненный предатель, и его следует сразу же после окончания совещания расстрелять.

Однако нервы у старого фельдмаршала оказались достаточно крепкими. Внешне соглашаясь, он продолжал гнуть свою линию.

– Нет, мой фюрер. Они, конечно, необходимы. Но мне приходится воевать не только с населением. Против нас действуют 150 тысяч хорошо вооруженных партизан.

Именно этот момент, когда спор зашел в очевидный тупик, Гиммлер счел самым подходящим для обнародования своего плана.

– Разрешите, мой фюрер? – Гиммлер сделал шаг вперед, как бы отделяя себя от командования вермахта.

Опять проигравший схватку с генералами, Гитлер был рад любой передышке. Но показывать это рейхсфюреру он не хотел, поэтому просто кивнул, давая тому слово.

– Если мешающую нам партизанскую гадину невозможно изрубить на мелкие куски, то почему бы не отсечь ей голову, – почти продекламировал Гиммлер.

Начало было более чем неудачное. Фюреру давно надоели все эти мифические Зигфриды, роковые тайны крови и замшелые тибетские мудрецы, которые ничем не могли помочь в нынешнем тяжелом положении. Гитлеру нужны были свежие армии, новое оружие, сырье для предприятий, рабочие руки и, конечно, деньги. Ну, или хотя бы дельный совет. Опять слушать оккультный бред рейхсфюрера у Гитлера не было никакого желания. И он прервал его речь протестующим движением руки.

– Можно без вашей любимой мистики?!

Покорно приняв оплеуху от вождя, Гиммлер стал разворачивать на столе карту Югославии.

– Наша разведка выяснила расположение штаба Тито, – пояснил рейхсфюрер уже деловым тоном. – Это маленький городок Дрвар на западе Боснии, – Гиммлер ткнул в Дрвар пальцем. – Штаб охраняет всего батальон партизан. Смелый рейд сравнительно небольшими силами парашютистов – и проблема с Тито будет решена, а его армия превратится в неуправляемую толпу. Мы сможем высвободить по меньшей мере пять дивизий, которые перебросим на Восточный фронт.

Гитлер несколько минут разглядывал карту. И чем внимательнее он вглядывался во все эти бесчисленные горные хребты, редкие кружочки городов, голубые нитки рек, тем больше ему нравилось предложение рейхсфюрера. Смена настроения не ускользнула от Гиммлера. Он расслабился и быстро вытер платком пот со лба.

– Не пять, а пятнадцать, – прошептал Гитлер, а затем повторил во весь голос. – Пятнадцать дивизий, как минимум! И с ними ударить по русским так, чтобы только клочки полетели! Кто возглавит десант? – фюрер требовательно посмотрел на Гиммлера.

– Я полагаю... – начал рейхсфюрер.

– Скорцени! – выкрикнул Гитлер, после спасения дуче считавший, что этому диверсанту любая сложная задача по плечу.

– Так точно, мой фюрер! – пришлось согласиться Гиммлеру, хотя он собирался предложить другую кандидатуру.

– Именно! Для этого человека нет ничего невозможного, – Гитлер был, как в лихорадке. Удача! Наконец, пришла удача, которую он так ждал. Теперь он был уверен, все изменится. – Надо как-то назвать эту операцию. Предлагаю «Ход конем».

Теперь это была операция фюрера. План поменял хозяина. Однако полностью отказываться от авторства Гиммлер не хотел и напомнил о себе еще одним предложением:

– Я бы приурочил эту операцию к 25 мая. Тито будет отмечать свой день рождения.

Этот завершающий штрих очень понравился Гитлеру. Он посмотрел на рейхсфюрера с благодарностью.

– А мы приготовим ему подарок. Действуйте, рейхсфюрер! Совещание закончено!

Гитлер направился к двери. Теперь это был другой человек. Все сомнения и тревоги оставили его. Исповедуя принцип вождизма, фюрер был уверен, что с устранением Тито партизанскому движению в Югославии придет конец. Он покажет этим чванливым генералам, как надо выигрывать войны. За ним к выходу потянулись и остальные участники совещания. Судя по хмурым лицам представителей вермахта, оптимизма фюрера никто из них не разделял. Не столь уж и велик был вес Тито на весах богини войны Беллоны, чтобы с его устранением можно было изменить ситуацию не то что на Восточном фронте, но даже на Балканах. Это опять были дворцовые игры, в которых Гиммлер был мастак. Впрочем, даже в них Геринг не хотел уступать верховенство. Он задержался около рейхсфюрера, складывавшего в папку карты.

– Не проще бы было нанести хороший бомбовый удар? – рейхсмаршалу очень хотелось испортить настроение рейхсфюреру. – Я готов выделить полк бомбардировщиков, которые сравняют это партизанское логово с землей.

Но Гиммлер не даром считался неплохим фехтовальщиком. Неуклюжий выпад Геринга он отбил с легкостью.

– Я очень ценю, Герман, ваших асов, но разве вы можете гарантировать стопроцентную зачистку? Тем более, что штаб Тито спрятан в горных пещерах. Вы только спугнете их, – и рейхсфюрер тонко улыбнулся.

Бессарабия. 3-й Украинский фронт

Тропа была хоть и широкая, но на редкость неудобная. Замусоренная непонятно откуда взявшимися камнями, изрытая, словно оспинами, рытвинами, ямами и канавами. Идти по ней надо было с осторожностью, не отрывая взгляда от земли. Иначе полетишь вверх тормашками в колючие кусты шиповника, что росли по сторонам дорожки, и так физиономию разукрасишь, что родная мать не узнает. А глаза то и дело слипались. Трое суток без сна давали о себе знать. Поэтому, чтобы не закемарить на ходу, разговаривали. Понятно, не все. Шагавший впереди майор Кузнецов молчал. Он вообще был не из разговорчивых, в пустом трепе никогда не принимал участие. Если было, что сказать по делу, говорил. А больше предпочитал тишину. Надо полагать, что привычку эту, – одну из немногих, – он сохранил от мирной жизни, в которой был не старшим группы оперативников СМЕРШ, а сотрудником Института истории, где большую часть времени проводил не с людьми, а с архивными документами. Да и не было у него особого желания болтать: обыск диверсантов показал, что задание фактически провалено. За Кузнецовым гуськом шли двое пленных. Рты им затыкать не стали – всё-таки на своей территории, – и время от времени роняли они черные матерные слова, понимая, что ждет их в ближайшем будущем трибунал, а за ним – расстрел. А вот конвоировавшие диверсантов капитан Можаев и старший лейтенант Калуев, служившие в контрразведке с 1943 года, перебрасывались фразами, пытаясь не заснуть на ходу, а заодно разобраться, в какой момент все пошло не так, что упустили, не предусмотрели, не додумали.

– Вся работа коту под хвост! Твою мать! Вместо радиоигры – два трупа! – капитан в сердцах сплюнул.

– Три дня в засаде комаров кормили! Борь, я только тех двоих зафиксировал, а тут… мясокомбинат, – вторил ему Калуев. Обернувшись, старлей с укором посмотрел на виновника провала лейтенанта Белова. Тот, понурив голову, шел последним. – Ну, на кой хрен радиста было резать?!

Можаев отстегнул флягу, попил воды и протянул её Калуеву. Тот, отказываясь, мотнул головой.

– Совсем с катушек слетел, – констатировал капитан, вешая флягу назад на ремень. – Чем отчитываться будем?!

– Да… Майора по головке не погладят, – сокрушенно вздохнул Калуев.

– Майора?! – Можаев даже остановился, удивленный такой наивностью. – Полковник каждого индивидуально отхарит.

Обозначенная капитаном перспектива была более чем реальной. Это старший лейтенант понимал. Но все равно было обидно.

– На фронте проще, – посетовал Калуев. – Убил фрица – получай медаль. А тут нянькайся с каждой гнидой. Он на тебя ствол наставляет, а ты не моги его тронуть.

– Ну, и подай рапорт о переводе, – отрезал Можаев, который не терпел нытья.

– Ну, ты скажешь! – обиделся Калуев. – Майор же уговаривать не станет. Молча отвернется, и всё. Нет тебя больше для него. И стоишь, как оплеванный. Нет уж!

– Это верно. Эх! Сейчас бы пару кружек холодного пива, – вздохнул капитан.

– А я бы пожрал. Почему после операций так есть хочется, – покрутил головой старший лейтенант. – Пропади пропадом эти немцы! – и Калуев подтолкнул автоматом еле тащившегося диверсанта. – Давай шагай, Мата Харя!

Идущий следом младший лейтенант Тимур Мамедов, совсем еще мальчик с нежным смуглым лицом, с интересом прислушивался к разговору старших товарищей. Но, поняв, что ничего полезного не услышит, приотстал и пристроился рядом с виновником всех бед группы лейтенантом Беловым.

Тот был старше Мамедова всего года на три и на целую войну, на которой был с первого дня. На ней он был выкован и ею же покалечен. Не столько физически, – два легких ранения не в счет, – сколько психологически. Он не знал элементарных вещей, которые естественно становятся частью жизни любого молодого человека в мирное время. Музыка ему была знакома только в виде строевых песен, которые он пел вместе со всеми в офицерском училище. Об архитектуре и живописи не имел никакого представления, а из школьного курса литературы мог вспомнить лишь несколько строк. Он ни разу не был на танцах, никогда не ухаживал за девушкой, даже на концерты фронтовых бригад ему не довелось попасть. Зато он умел бесшумно ходить, маскироваться, работать на рации, ориентироваться по карте, стрелять из всех видов оружия и главное – убивать. Ножом, саперной лопаткой, голыми руками.

Нельзя сказать, что его в группе не любили. Скорее, сторонились. Особенно в последнее время, когда его обычная угрюмость стала переходить в озлобленность. В бою он стал терять контроль над собой, что уже дважды ставило операции под угрозу срыва. И хотя грань, отделяющую здорового человека от психопата, которому убийства доставляют радость, он еще не перешел, но, возможно, был близок к этому. Такое случалось, не сказать, чтобы часто, но бывало. Требование жесткости было одним из условий их работы, а она иногда перерождалась в жестокость. От таких людей стремились избавляться. Они были непредсказуемы и потому опасны прежде всего для своих же товарищей.

Дружил с Беловым только Мамедов. В контрразведке он был новичком, и его восхищали многочисленные воинские умения лейтенанта. Тот дружбу младшего товарища принимал, но не больше. Откровенных разговоров между ними не случалось. Не хотел, да и не умел Белов откровенничать… Вот и сейчас он лишь вопросительно посмотрел на поравнявшегося с ним Мамедова.

– Петя! Что с тобой? – с искренним участием спросил Тимур.

Белов долго молчал, потом с трудом выдавил:

– Не знаю. После того, как этот гад пистолет выхватил, я…

И опять замолчал. Он действительно не понимал, что с ним происходит.

– Слушай, это же не первый раз, – младший лейтенант укоризненно покачал головой. Ему очень хотелось как-то обойтись без упреков, но обида за сорванную операцию захлестывала. – Люди напрягаются, а ты…

Белов ничего не ответил. Порылся в карманах, достал папиросы и, не закурив, опять сунул их в карман.

– Ты не обижайся, но, может, правда, тебе в госпиталь, а? – для убедительности своих слов Тимур даже попытался приобнять за плечи лейтенанта. Но тот резко стряхнул его руку.

– Пошел ты!

Мамедов с жалостью посмотрел на друга. Он чувствовал, что тому нестерпимо тяжело. Уж какие тут могут быть обиды!

– Ну, видишь, – с легкой укоризной заметил Тимур. – Ладно, Петя, успокойся! – дальше он шел рядом с Беловым молча.

Майор Кузнецов не успел поздороваться, как по его нахмуренному лицу начальник отдела контрразведки 46-й армии полковник Вахлин уже понял: операция провалилась, и нахлобучки от генерала на этот раз не избежать.

Он боялся двух напрямую связанных вещей – гнева начальства и передовой. И от того, и от другого друзья по прежней работе в центральном аппарате НКВД три года его отмазывали.

Но бесконечно покрывать Вахлина они не могли. В работе с вражеской агентурой он ни черта не смыслил, хотя количество выявленных им японских, английских и финских шпионов исчислялось весьма серьезной цифрой, что было даже отмечено двумя орденами. Но те шпионы, которыми он пополнял лагеря НКВД, не имели ничего общего с настоящими разведчиками и диверсантами, на борьбу с которыми его направили из Москвы полгода назад.

Пока он как-то справлялся с работой, выезжая за счет опыта подчиненных, но рано или поздно доброхоты, которых в штабе армии хватало, непременно доложат начальству о его вопиющем дилетантизме, и тогда – передовая. Что он будет убит первым же снарядом, Вахлин ни секунды не сомневался. И вот теперь, похоже, все страхи, которые ночами не давали ему уснуть, становились реальностью. Операция, которую проводила группа Кузнецова, была на контроле у Москвы. И санкции за её срыв миновать полковника никак не могли. Тем не менее, еще на что-то надеясь, он, прервав рапорт майора, предложил ему сесть, а своего заместителя капитана Федорова, дабы лишних ушей не было, отослал с каким-то надуманным поручением в штаб.

Убедившись в том, что в соседней комнате никого нет, Вахлин сел за стол и подмигнул майору. Дескать, если какая ерунда приключилась, не робей! Останется между нами. Но уже первые слова Кузнецова развеяли надежды полковника на благополучный исход.

– Двое при задержании убиты, – не стал темнить майор.

– Но командира группы и радиста, конечно, взяли? – полковник умоляюще посмотрел на Кузнецова. Тот отрицательно покачал головой.

– Они и убиты.

Вахлин выскочил из-за стола. Всё! С должности снимут, как не обеспечившего. Хорошо, если полк дадут. А могут, понизив в звании, и батальон. И вперед! В атаку! За Родину! За Сталина! Твою мать! За что ему все это! Набрали в оперативники дуболомов, а он – Вахлин – отвечай! Нет уж! Не на того напали.

– Тээк! Правильно ли я вас понял, товарищ майор? – Вахлин всей тушей навис над сидящим Кузнецовым. – Операция провалена. Ни частоты, ни кодов. Зато есть два трупа. Можешь их отправить в Москву. Приложить к рапорту. Просрали! А если эта группа не единственная? На другие как выходить?! Как их вычислить?! Ну, теперь жди проверяющих из управления. Что молчишь?

Лицо Кузнецова даже не дрогнуло.

– Виноват, товарищ полковник. Мой просчет.

– Твой! Твой! – по-бабьи блажил напуганный до икоты Вахлин. – И за него ответишь. И не ты один, а все ответите! Думаешь, в штрафники тебя сдам с твоими головорезами? Это еще заслужить надо.

– Виноват, – повторил майор.

Поняв, что майор уперся и ничего другого он не услышит, полковник опять плюхнулся на стул, сжал руками голову и пробормотал:

– Всё! Иди!

Майор вышел из хаты, в которой размещался отдел, и присел на лавочку, врытую под высоченным тополем. На часах было 10.15. День только начинался, и его продолжение не сулило ничего хорошего. Голова от недосыпа болела, а надо было еще составить рапорт, который Вахлин, конечно, заставит переписать, чтобы максимально выбелить себя. Да и других дел, пока сидели в засаде, накопилось немало. Кузнецов вздохнул и хотел уже было подняться, чтобы идти к своим, но тут на крыльцо выскочил полковник.

– Майор! Подойди! – позвал он с таким выражением на лице, словно у него для Кузнецова был приготовлен подарок, и ему не терпится вручить его. Кузнецов поднялся по ступенькам к полковнику. Тот ухватил его за рукав и вполголоса, чтобы не слышал расхаживающий неподалеку часовой, зачастил: – Ведь напортачил опять Белов? Так? Ведь так было! Хватит его покрывать! Он же неуправляемый. Укажи в рапорте. Ну, отчислят его на передовую. Нам же надо хоть как-то этот провал объяснить. Может, хоть головы сохраним.

Полковник в эту минуту походил на школьника, упрашивающего мать написать записку классной руководительнице с просьбой об освобождении от контрольной. Зрелище было одновременно и смешное, и мерзкое. Кузнецов слегка отстранился и также вполголоса сказал:

– Нет! Командовал операцией я!

Тихая деревенская улица, когда-то густо заросшая одуванчиками, жилистым подорожником и гигантскими лопухами, сейчас была так изрыта и искорежена колесами армейских студебеккеров и траками танков, что майор был вынужден пробираться по самой кромке, то и дело цепляясь за увешенные макитрами плетни. Благо, идти было недалеко – группа разместилась в третьей хате от дома, в котором квартировал Вахлин. Картина, открывшаяся Кузнецову, была по военному времени идиллическая. Под цветущими яблонями загорали голые по пояс оперативники. На ветках сушились выстиранные маскировочные куртки и гимнастерки. Тут же, привалившись к стене, сидели связанные диверсанты. В нескольких метрах от них пристроился на чурбаке чистивший автомат Белов. Навалившись на плетень, майор с грустью смотрел на своих ребят. С группы его, конечно, снимут. Это уж точно. Вахлин постарается. Но это не страшно. Плохо, что вместе служить уже не придется. А жаль! Он успел привыкнуть к ним. Точнее, привык полагаться на них. В той, порядком подзабытой мирной жизни рядом с ним таких людей не было.

В госпитале, где пришлось год назад полежать, Кузнецов слышал рассуждения одного капитана о том, что на войне лучше от подобных чувств держаться подальше. Ведь в пехоте как? Скомандовали «В атаку!» – и трети роты как не бывало. Кто убит, кого в тыл на лечение. Повредиться умом можно, если каждого, с кем в окопе мерз, с кем пайку делил, вспоминать. Понятно, СМЕРШ на доты не гоняют. Но с 1943-го, когда его перевели в контрразведку, он тоже немало товарищей потерял. Друзья гибли, терялись в водовороте войны, появлялись новые люди, и казалось, что с ними-то довоюет, никак нельзя без них, они частью тебя стали, они ближе, чем любая родня. Ан нет! Опять судьба разведет. И удастся ли снова встретиться – бог весть…

Майор так глубоко погрузился в свои мысли, что не сразу сообразил: команда «Товарищи офицеры!», поданная Можаевым, предназначена не для него, а для его подчиненных. Кузнецов перемахнул через плетень и подошел к вытянувшимся оперативникам. У всех на лицах был один и тот же вопрос, но решился его озвучить только Можаев:

– Как там? Что сказал полковник?

– Ничего хорошего! – не стал врать майор. Окинул взглядом разом потускневшие лица и скомандовал. – Приведите себя в порядок.

Офицеры споро натянули так и не успевшие высохнуть гимнастерки, застегнули ремни, надели пилотки. В этот момент один из пленных, – верткий, жилистый парень, – незаметно сумев освободиться от веревок, метнулся к сложенным у входа в хату автоматам. Рывок его был настолько неожиданным и стремительным, что все на какую-то секунду оторопели. Лишь майор успел выхватить пистолет. Но стрелять ему не пришлось. Стоявший ближе всех к оружию Белов ударом ноги сбил диверсанта на землю и мгновенно заломил ему руки за спину.

– Ишь ты, какой шустрый! – пробормотал Белов, стягивая запястья извлеченным из кармана сыромятным ремешком.

Кузнецов убрал пистолет в кобуру и подошел к месту, где сидел пленный. На земле валялась перетертая о торчащий из стены гвоздь веревка.

– Вязать надо надежней. Тогда и свою лихость не надо будет демонстрировать, – сухо заметил майор, как бы обращаясь ко всем, но явно адресуя свои слова Белову.

– Так это не я, – откликнулся лейтенант и, обиженный несправедливым упреком, замолк.

Никак не отреагировав на его слова, Кузнецов повернулся к Можаеву.

– Отправляйте пленных к капитану Федорову. Пусть первый допрос снимет.

Офицеры стояли, понурив головы, словно напроказившие ученики. Самому младшему из них – Тимуру Мамедову недавно исполнилось 20, Петру Белову было 23, Александр Калуев был на год его старше, а Борису Можаеву уже стукнуло 28. Но все в этой четверке были неуловимо схожи, будто отлиты в одной форме. Крепкие, поджарые, а человек опытный добавил бы в их характеристику – опасные в бою.

– Давайте поедим? У Семеныча все готово, – прервал тягостное молчание Можаев. Он негласно считался заместителем командира группы, поскольку и по званию был капитаном, и оперативником был самым знающим. Кузнецов в ответ только кивнул.

Хатка, в которой разместились оперативники, похоже, была давно заброшена. Что случилось с её хозяевами, спросить было некого: соседние дома тоже пустовали. Может, их обитатели погибли, может, их угнали в Германию. В общем, сгинули. Но видно было, что жили люди трудно, хоть и старались как-то бедность прикрыть, приукрасить. Аккуратно выбеленная печь была расписана красными петухами, хвостатыми и задиристыми. На стенах висели вырезанные из журналов картинки, почтовые открытки, фотографии в самодельных рамках. Других свидетельств зажиточности не имелось. Стол и лавки были самодельные, как и два сбитых из досок топчана, на которых теперь лежали шинели оперативников.

Смершевцев эта неприкрытая нищета, понятно, мало занимала. Глаз он даже на знаки беды замыливается, когда их так много. Таких брошенных домов за войну столько перевидано было, не счесть. Офицеры споро рассаживались за столом, на котором уже были расставлены миски, стояли две вскрытые банки консервов и только что снятый с огня, еще курившийся легким парком котелок. Пожилой сержант пластал финкой буханку черного хлеба. Закончив, он с одобрением осмотрел стол, по всей видимости, остался доволен собой и на манер знающего толк в еде официанта огласил меню:

– Гороховый концентрат, тушенка, суп с перловкой.

– Обед прямо-таки царский, – откликнулся Можаев. – А выпить-то есть?

– А то! У этих лиходеев изъял, – успокоил сержант и достал из кармана бутылку водки. – Я проверил. Качественный продукт довоенной выделки.

– Ну-ка дай её! – Можаев выхватил бутылку у сержанта и продемонстрировал её всем. – Я смотрю, Семеныч, ты тщательно проверял. Почти уполовинил.

– Всего два глотка. А вдруг она отравлена! – ничуть не смущаясь, объяснил сержант.

– Рисковый ты мужик, Семеныч! – не удержался Кузнецов. – Придется тебя представить к медали «За отвагу».

Можаев начал разливать водку по кружкам, когда в комнату влетел запыхавшийся Мамедов.

– Товарищ майор, пленных сдал Федорову. Полковник там кричит, ногами топает.

– Ладно, – оборвал его Кузнецов. – Садись! Ну, будем!

На шестерых водки вышло по чуть-чуть. Проглотили и не заметили. Майор тоже поднял кружку, но так и не выпил. Поставил её на стол и обвел взглядом подчиненных.

– Ну, как же так?! Вы же опытные оперативники! У каждого по два, по три ордена!

– Я, – хотел повиниться Белов, но майор так посмотрел на него, что у того слова застряли в горле.

– Ты молчи! Контролировать себя разучились?! Да и к чему! Вы же герои! Волкодавы! Сверхчеловеки! А минута свободная нашлась, так вы либо водку пьете, либо спите. Хоть бы кто-нибудь книгу в руки взял! В театре кто-нибудь из вас хоть раз в жизни был?!

Он было собрался еще что-то сказать, обидные слова так и лезли на язык, но сумел остановиться, потому что понял, какую ерунду несет. Нашел, чем попрекнуть! Какой театр, какие книги могут быть на этой войне! Да они видели такое, что ни одна бумага не выдержит. Конечно, ему просто было досадно, что теперь непременно разгонят группу. Вот и сорвался, наговорил глупостей. Однако слова майора все приняли всерьез. С его жесткой оценкой результатов операции никто спорить не стал. Но вот упрек в бескультурье почему-то всех возмутил. Первым не выдержал Тимур Мамедов.

– Я в школе много книг прочитал. А театра у нас в городе нет, – развел он руками. – Маленький очень город.

– А я в театре, между прочим, не то что бывал, а даже работал, – поддержал товарища Саша Калуев. – В Ростовском театре музыкальной комедии.

– Смотрите! Артист! – Тимур от восторга даже захлопал в ладоши.

Да и Кузнецов невольно улыбнулся на такой поворот дела.

– И кого же ты играл? – не без иронии поинтересовался майор. – Разбойников и злодеев?

– Играл? – искренне удивился Калуев. – Нет! Я же электриком работал.

– Вы не сомневайтесь, товарищ майор! – вступил Можаев, которому очень хотелось поднять настроение командиру. – Вот закончится война… Брюки со стрелочкой, белая сорочка. Галстучек. Всё, как положено. И обязательно в театр. Можно даже с девушкой. В буфете лимонад, пиво, пирожные. Культурный отдых. Кто же против?!

Все, в том числе и никогда не видевший театра Тимур, тут же представили эту картину, как они гуляют по фойе под ручку с девушкой, которая обязательно в белом платье. Девушку каждый видел предельно отчетливо, но вообразить себя радостно-расслабленным, в гражданской одежде, без оружия никто так и не смог. На это фантазии не хватило даже у Можаева, который в силу возраста до того, как ушел на фронт, естественно, и за девушками ухаживал, и пару раз в театре побывал. В общем, помечтать не получилось. Поэтому пришлось вернуться к реальности и быстро доесть остывающий суп.

Все они, конечно, ждали окончания войны. Но едва ли кто-то всерьез задумывался о том, как они будут жить в мирное время. Уж планов точно никто не строил. Причины на то были. И беду боялись накликать, сглазить военную удачу, которая берегла их в боях, и, честно говоря, плохо представляли, как оно будет. Понятно, что лучше, чем до войны, – в этом был уверен каждый. Да и как иначе: народ на такие жертвы пошел. Но в чем это «лучше» будет конкретно выражаться, и вообразить никто не мог. Воспитанные в коммунистическом аскетизме, привычные к скромному быту, по сути мало отличавшемуся от бедности, они в своих чаяниях не шли дальше просторной комнаты, приличного костюма, самой неприхотливой пищи. Впрочем, и эти атрибуты благополучия, скорее всего, не слишком занимали их мысли, как и будущие мирные профессии. Для них было бы достаточно вернуться к прежней работе, которая сегодня им казалась идеалом стабильности и предсказуемости завтрашнего дня. И задай кто-нибудь вопрос: «Что будете делать после разгрома немцев?», они бы только пожали плечами, настолько тяжелый путь им предстояло еще пройти до Победы. И случиться на нем могло всякое.

Кузнецов к еде так и не прикоснулся. Он еще некоторое время посидел за столом, потом, видно, о чем-то вспомнив, встал.

– Да, вот еще, – заметил он от двери. Оперативники замерли, ожидая продолжения разноса. – Побрейтесь, товарищи офицеры! Вот так. – И вышел из хаты.

Несколько минут все сидели молча, лишь недоуменно переглядываясь.

– Что с командиром? – наконец спросил Тимур. – Есть не стал, пить не стал.

– А ты не понял? – вздохнул Можаев. – Трибунал нам всем светит за невыполнение приказа.

– Какой-такой трибунал! – возмутился Мамедов. – Что мы дезертиры или самострелы?!

Можаев посмотрел на него с сожалением, как на мальчишку, который влез во взрослые разговоры и, конечно, ничего в них не понял.

– Ты не Ванька-взводный в пехоте, а оперативник контрразведки. С тебя и спрос иной, – пояснил капитан и опять взялся за ложку.

Берлин. Отель «Амбассадор»

В меблировке номера было что-то от декораций провинциального театра, ставящего пьесу из жизни высшего общества. Слишком много бархата, портьер, витых шнуров и хрусталя во всех видах. Но полковнику Зоммеру – адъютанту командующего группой армий «F» генерал-фельдмаршала фон Вейхса – здесь нравилось. Казенщина штабов надоела ему до чертиков. Он немного посидел в мягком кресле, постоял у венецианского окна, рассматривая сильно поблекшую за последние месяцы столицу, а потом начал раскладывать на столе бумаги. Лишь только Зоммер закончил с ними, как из ванной вышел фон Вейхс, чисто выбритый, в свежей белоснежной сорочке. Несмотря на отдохнувший вид, настроение у генерала было паршивое, что он и не преминул продемонстрировать.

– Черт! Из чего они делают такой вонючий одеколон?! Из большевистских комиссаров? – проворчал генерал. – Карл, попросите, пожалуйста, кофе и бутылку минеральной воды. После общения с рейхсфюрером мне всегда хочется вымыть руки с мылом и прополоскать горло.

– Слушаюсь, герр фельдмаршал, – коротко ответил адъютант. Он успел хорошо изучить командующего и знал, когда лучше сделать вид, что ничего особенного не сказано.

Зоммер поднял трубку телефона и сделал заказ в номер. Фон Вейхс тем временем уже углубился в бумаги, что-то подчеркивая карандашом и делая пометки у себя в записной книжке. В дверь негромко постучали, и пожилой коридорный, – вся молодежь была в армии, – вкатил в комнату тележку с кофейником. Постелил на стол накрахмаленную до хруста салфетку, поставил на неё бутылку минеральной воды, маленький молочник, сахарницу и две изящные чашки. Ловко, не пролив ни капли, налил генералу кофе и бесшумно ретировался. Фон Вейхс отложил бумаги, обдумывая мучившую его с утра мысль, прошелся по комнате и опять уселся за стол.

– Карл, выпейте кофе, – предложил генерал. – Мне надо с вами кое-что обсудить.

– С удовольствием, – откликнулся полковник, устраиваясь напротив фон Вейхса.

Тот несколько минут молчал, как будто не зная, как начать разговор.

– Вы, кажется, собирались в Кёльн, навестить семью? – неожиданно для Зоммера спросил генерал.

– Да, я не видел их уже два года, – подтвердил полковник.

– К сожалению, ваш отпуск придется отложить, – тихо сказал генерал, и по его тону чувствовалось, что ему действительно неприятно огорчать своего адъютанта. –

Я хочу поручить планирование операции «Ход конем» вам.

– Мне?! – от удивления Зоммер даже привстал. – Я думал, что ею займется ведомство рейхсфюрера.

– О, нет! Приказ отдали нам, – сокрушенно вздохнул командующий. – Если операция провалится, это будет провал вермахта, и вина ляжет опять на генералов. А если Тито удастся уничтожить, то фюреру напомнят, что идея принадлежала Гиммлеру. В любом случае этот аграрий соберет в свои амбары урожай.

Генерал вновь принялся расхаживать по комнате. Так ему легче думалось.

– Карл, вы ведь до ранения служили в парашютно-десантных войсках. И, кажется, участник высадки на Крит?

– Так точно, – расстроенный сорвавшимся отпуском полковник был краток.

– Переброска наших частей в район Дрвара, можно не сомневаться, будет замечена разведкой партизан. А по нашим данным, в Боснии дислоцируются две их дивизии. Вооружение у них преимущественно стрелковое, однако есть и минометы, и артиллерийские орудия. В горной местности их части способны оказать серьезное сопротивление. Поэтому вот что я думаю. Дайте, Карл, карту.

Зоммер извлек из портфеля карту Боснии и расстелил её на столе.

– XV горный корпус с 373-й пехотной дивизией и 7-я дивизия СС «Принц Ойген» с приданными частями хорватов образуют внешнее кольцо, – командующий очертил круг на карте. – Их задача: связать боем действия партизан, не дать им прийти на выручку Тито. В самый Дрвар, – фон Вейхс пометил город крестом, – мы выбрасываем парашютный десант под командованием Скорцени, который и должен уничтожить Тито и его штаб. Дивизии начнут выдвижение на исходные позиции с завтрашнего утра. Что же касается десанта, то он высадится рано утром 25 мая.

Возможно, план фон Вейхса был и неплох, но полковнику он активно не нравился. Слишком мало времени отводил генерал на передислокацию и концентрацию войск. А потому слишком велика была вероятность неизбежной в такой спешке путаницы. И молчать об этом Зоммер не собирался. Он был боевым офицером, фронтовиком и не особенно ценил службу в качестве адъютанта, хотя и уважал фон Вейхса за прямоту суждений и смелость при разработке операций.

– На подготовку у нас всего три дня, герр фельдмаршал, – с нажимом напомнил Зоммер.

– Да, это так, – не стал спорить генерал, который отлично понимал, что задача, поставленная им перед полковником, трудновыполнимая. – Поэтому действовать надо быстро, но максимально скрытно. Скорцени сейчас в Берлине. Обговорите с ним все детали. Наведайтесь в ведомство Геринга. Нам потребуется поддержка авиации. Координацию с СС обеспечит гауптштурмфюрер Россман. Будьте с ним осторожны, Карл, – предупредил генерал. – Он обо всем будет докладывать рейхсфюреру. И да поможет нам Бог!

Теперь каждый час был у полковника на счету. Подготовив приказы и сделав все необходимые распоряжения, Зоммер решил нанести визит в штаб воздушного флота «Рейх», которому была поручена авиационная поддержка операции «Ход конем». Вызванная по телефону машина через пять минут стояла у подъезда гостиницы. Полковник забрался на заднее сиденье «опель-капитана» – ему хотелось еще раз все хорошо обдумать.

– Ванзее! – бросил он шоферу и откинулся на спинку.

– Цу бефель, герр оберст! – рявкнул сидевший за рулем унтер-офицер и резко рванул с места.

Шофер вез Зоммера по центральным улицам, и полковник не узнавал столицу. Когда-то красавец-город выглядел грязным и неопрятным. Часто встречались следы авиационных налетов: обрушившиеся стены, выбитые окна. Витрины магазинов были либо заколочены, либо заложены мешками с песком.

Полковник был не столько потрясен этой разрухой, – видел и не такое, – сколько удивлен и огорчен. Он никак не ожидал, что шедшая пока еще довольно далеко война могла затронуть и Берлин. Мысли тут же перескочили на Кёльн, где жили мать, жена и двое детей. Он слышал, что город постоянно подвергается бомбардировкам. Гибнет много мирных жителей. Не дай бог в их число попадут и его близкие.

– Можете так не гнать. У нас еще есть время, – сказал он в спину унтер-офицеру.

– Скоро начнется воздушный налет, господин полковник, – шофер все-таки немного сбавил скорость. – Американцы строго соблюдают расписание. Днем – они, ночью – англичане.

И действительно, прошло всего несколько минут, и над городом завыли сирены. А следом стали слышны приближающиеся разрывы бомб.

– Извините, герр оберст, сегодня они прилетели раньше. Но сейчас мы выедем из опасного района, – шофер снова втопил педаль газа.

– Разве сейчас в Германии есть безопасные места?! – пробормотал Зоммер и надвинул козырек фуражки на глаза. – Черт бы побрал рейхсфюрера с его идиотскими планами.

Район Берлина Ванзее. Штаб воздушного флота «Рейх»

Последняя серия бомб легла так близко, что в кабинете начальника оперативного отдела подполковника Ганса Кастнера чуть не вылетели стекла. Покинуть штаб он все равно не мог, поэтому задернул шторы, достал из стола термос с кофе и налил немного в чашку. «Однажды они обязательно попадут», – мелькнула мысль. Впрочем, ему было по большому счету все равно. Он не верил, – и на то имелись весьма веские причины, – что сможет дотянуть до конца войны.

Дверь в кабинет распахнулась. В царившей полутьме, – настольную лампу Кастнер поленился зажечь, – он не сразу узнал старого приятеля. И лишь когда услышал знакомый голос, понял, что перед ним Карл Зоммер, с которым еще в 1935 году в полку «Герман Геринг» учился прыгать с парашютом. Кастнер поспешно раздвинул шторы и не мог сдержать возгласа удивления, увидев, что мундир на Карле порван и измазан в какой-то дряни.

– Карл! Черт побери! У вас такой вид, будто вы собирали пыль по всем подвалам Берлина?

– Угодили под бомбежку. Успели выскочить из машины за минуту до попадания, – объяснил полковник, безуспешно пытаясь отчистить грязь.

– Сейчас найду вам щетку, – засуетился Кастнер. – К сожалению, в нашей противовоздушной обороне становится все больше дыр. Не хватает истребителей. Очень мало опытных летчиков. Мы не в состоянии прикрыть даже самые важные промышленные объекты.

– Раз бомбы падают на Берлин, то рейхсмаршал должен взять еврейскую фамилию Мейер, как он и обещал фюреру, – с раздражением заметил Зоммер.

– Бросьте, Карл! Не будьте столь суровы, – примирительно сказал Кастнер, но предложение Зоммера ему понравилось. Он очень живо представил, как его хвастливый начальник, украшенный пейсами и ермолкой, отдает рапорт Гитлеру. Но со своим бывшим товарищем по учебе этой мыслью подполковник делиться не стал. А напротив, стал оправдывать Геринга. – Мало ли что можно было обещать, когда самолеты люфтваффе бомбили Лондон и Москву.

– Это верно, – согласился Зоммер, падая в кресло. – В той эйфории от побед обещаний было дано много. Впрочем, Бог с ними. Вашу ситуацию я понимаю, поэтому воздушную армию просить не буду. Разве что для начала несколько самолетов-разведчиков.

– Так, значит, это поручили вам. Мне всего час назад доставили приказ рейхсмаршала. Но, честно говоря, я не очень понял, что от меня требуется. Все формулировки в нем весьма расплывчаты, кроме разве «оказать максимальное содействие», – Кастнер невесело рассмеялся. – В условиях, когда нехватка всего, звучит почти издевательски.

Зоммер недовольно поморщился. Но возразить ему было нечего. Ресурсы у всех были на исходе.

– Ганс, нам нужно будет перебросить на запад Боснии, как минимум, батальон десантников. И, конечно, нужен хороший бомбовый удар, чтобы расчистить путь штурмовым отрядам.

Кастнер достал папку, просмотрел несколько бумаг.

– Могу предоставить вам 40 транспортных самолетов Ju 52.

– Этого мало, – сразу же возразил Зоммер. – Чтобы выполнить поставленную задачу, необходима, как минимум, тысяча человек. Им надо что-то есть двое суток. Им надо чем-то воевать. Я же не могу послать людей в бой только с перочинными ножами и пакетиками леденцов.

– 40 самолетов доставят вам все необходимое за несколько рейсов, – стоял на своем начальник оперативного отдела.

– Ганс, это – не выход. Там горная местность. Самолетам негде приземлиться. Только небольшие поляны, на которых пасут скот.

– Это усложняет дело, – вынужден был признать Кастнер и опять стал просматривать бумаги. – Добавлю 38 планеров DFS 230. Поверьте, Карл, больше у меня ничего нет.

Полковнику начал надоедать этот торг.

– Я десантировался с DFS, – не скрывая раздражения, сказал он. – Они берут на борт 8 человек со стрелковым оружием. И никаких минометов или безоткатных орудий.

– Да, это так, – развел руками Кастнер. – Но это все, чем я располагаю.

– Даже приказ рейхсмаршала? – переспросил на всякий случай полковник.

– Даже самого фюрера, – решительным тоном ответил Кастнер, давая понять, что ни на какие уступки он больше не пойдет. – На планерах доставите боеприпасы, а солдатам придется прыгать с парашютами. Причем надо будет организовать не менее двух вылетов. Десантировать весь батальон за один раз не удастся.

– Это очень плохо, – Зоммер понял, что его план рушится. – Первой волне десантников из-за малочисленности не удастся полностью подавить сопротивление партизан.

– Я могу выделить вам две эскадры – истребительную и штурмовую, – с сочувствием посмотрел на него Кастнер. – Они обработают место десантирования.

– Хоть какая-то поддержка, – нехотя согласился Зоммер.

– Последний вопрос: время начала операции, – Кастнер захлопнул свою волшебную папку.

– К 24 мая все задействованные самолеты должны быть переброшены на аэродромы в Боснии.

– Вы шутите! – возмутился Кастнер.

– Нет! – вздохнул Зоммер. – Это приказ фюрера, и он не обсуждается.

Полковник взялся за фуражку – разговор был закончен. Но Кастнер остановил его.

– Карл, вы ни слова не сказали о своей семье. У вас же растут две девочки? – Кастнер вопросительно посмотрел на друга.

Зоммер благодарно улыбнулся.

– Растут. Вот только, какими они стали, не знаю. Им уже по пять лет. Совсем взрослые. Жена пишет, что они уже сами читают. Похоже, Ганс, я пропустил столько интересного… И этого уже не вернешь.

Лишь только за полковником захлопнулась дверь, как Кастнер извлек из шкафа тубус с картами, нашел лист с картой Боснии и почти полчаса изучал её. Затем оторвал от чистого листа бумаги четвертушку и что-то записал. Записку он спрятал в бумажнике среди купюр.

За окном уже смеркалось. Подполковник посмотрел на часы. «Пожалуй, пора!» – подумал он. Достал из того же шкафа двубортный костюм, плащ, шляпу и быстро переоделся. Теперь он выглядел, как обычный зажиточный берлинец. Кастнер закрыл на ключ кабинет, спустился по лестнице и вышел на улицу. Часовой, привыкший к частым визитам в штаб гражданских, проводил его равнодушным взглядом.

Из-за частых авиационных налетов всегда оживленный вечером Берлин был по-провинциальному пустынным. Прохожие встречались редко, гуляющих, несмотря на чудесную весеннюю погоду, тоже не было, зато хватало военных и полицейских патрулей. Однако Кастнеру повезло: его ни разу не остановили для проверки документов. Всего через двадцать минут подполковник был у богато отделанного подъезда трехэтажного дома. Он оглянулся – улица была пуста – и проскользнул в дверь.

В просторной прихожей Кастнера встретил швейцар, который с поклоном принял у него плащ и шляпу. Причесавшись перед зеркалом, подполковник прошел в зал. Его можно было бы принять за небольшой ресторан, если бы не фривольно одетые дамы, которые в одиночку или с мужчинами сидели за столиками. Впрочем, даже поползновений на разгул не наблюдалось. Всё было более чем пристойно, как и положено в «заведении для приличных господ».

Кастнер огляделся, разыскивая хозяйку публичного дома. Мадам что-то оживленно обсуждала со старшим кельнером, но, заметив подполковника, сразу же направилась к нему. Элегантная женщина лет пятидесяти была сама любезность. Радостное выражение её лица свидетельствовало о том, что Кастнер – здесь частый и весьма ценимый гость. Вот только называла она его другим именем. Впрочем, в местах подобного рода клиенты, оберегая свою репутацию, редко сообщают паспортные данные.

– Господин Келлер! Рада вас опять видеть. Вы совсем о нас забыли, – попеняла подполковнику хозяйка, когда тот склонился к ее руке.

– Дела, фрау Шульц, дела, – посетовал Кастнер.

– Надеюсь, они идут успешно? – поинтересовалась фрау Шульц, улыбаясь с профессиональной томностью.

– Если бы! – лицо Кастнера стало озабоченным. – Ну, кому сегодня нужны люстры и настольные лампы?! Но надо как-то жить. А почему я не вижу фрейлен Лотту?

– Она у себя в комнате. Ей нездоровится, – пояснила хозяйка, которой явно хотелось еще поболтать с таким вежливым и солидным мужчиной. – Проводить вас? – любезно предложила она.

– Благодарю. Дорогу я помню, – с легким нажимом ответил подполковник, давая понять, что сюда он пришел все-таки не из-за хозяйки.

– Конечно, конечно, – сразу же согласилась та и направилась к стойке бара.

Второй этаж, куда поднялся «торговец электротоварами», состоял из длинного коридора, по обеим сторонам которого располагались комнаты дам. В них они жили, в них же принимали гостей. Кастнер постучался в одну из дверей и сразу же услышал: «Входите!»

Комната была обставлена с претензией на благопристойность, хотя назначение её определяли не развешанные по стенам пасторальные картинки и уютные маленькие креслица, а огромная кровать с множеством подушек. На ней, укрывшись до пояса пледом, лежала молодая, ярко накрашенная женщина в полупрозрачном пеньюаре, не столько скрывавшем, сколько намекавшем на несомненные достоинства фигуры.

– Добрый вечер, фрейлен Лотта! – поздоровался подполковник.

– Здравствуйте, герр Келлер, – вежливо, но с оттенком безразличия в голосе ответила дама.

– Как ваше здоровье? – не менее равнодушно поинтересовался лже-Келлер. – Мне сказали, что вы себя плохо чувствуете?

– Ничего страшного, – поддержала «светскую» беседу Лотта. – Легкая простуда. Вы, наверное, устали? Если хотите, я принесу вам кофе и коньяк.

Кастнер сделал протестующий жест.

– Нет. Благодарю. Думаю, будет лучше не прерывать ваш отдых. Я, собственно, и зашел лишь для того, чтобы вернуть старый долг.

Подполковник, до этого не сделавший даже попытки приблизиться к ложу очаровательной хозяйки, наконец подошел к кровати и передал Лотте свернутую в несколько раз купюру, которую секундой раньше достал из бумажника.

– Право не стоило из-за такой ерунды беспокоиться, – заметила Лотта, пряча деньги под подушку. – Но все-таки очень признательна. Надеюсь, что в скором времени вас увижу.

– Непременно, – уже от двери ответил Кастнер. – Всего доброго. Выздоравливайте.

Не прошло и десяти минут после ухода Кастнера, как из подъезда борделя выскользнула «больная» Лотта.

Её облик разительно изменился. Все знаки древнейшей профессии были убраны с лица. Скромное серое пальто, в которое она была одета, как и дешевая безвкусная шляпка, больше подошли бы работнице с фабрики или продавщице из дешевой лавки, нежели девушке из «приличного заведения». Даже походка у неё была именно та, которой тысячи берлинских женщин спешат домой после тяжелого трудового дня.

Миновав перекресток, Лотта свернула на соседнюю улицу, где села в трамвай. По позднему времени он был полупустой, однако, прежде чем войти в вагон с площадки, девушка внимательно осмотрела всех пассажиров. Да и все сорок минут, пока трамвай трясся по Берлину, выбираясь в пригород, Лотта не отрывала глаз от входа, пристально разглядывая каждого вошедшего.

На нужной ей остановке она сошла буквально за секунду до отправления трамвая. Некоторое время подождала, не спрыгнет ли кто-нибудь на ходу, и, лишь убедившись, что из вагона вышла только она, Лотта быстро зашагала по тротуару. Он тянулся вдоль казавшейся в темноте бесконечной стены высоких металлических оград. За ними стояли особняки и дорогие коттеджи. В ворота одного из них, несуразной доминой высившегося в глубине порядком запущенного парка, девушка зашла, добежала до украшенного колоннами входа и негромко постучала в щедро отделанную бронзовыми накладками дверь.

Дверь тут же приоткрылась, словно её ждали. Однако пожилой привратник в ливрее посмотрел на неё, как на незнакомого человека.

– Фрейлен? Чем могу быть полезен? – высокомерно процедил он.

– Я принесла господину барону письмо от фрау Кунольт, – затараторила Лотта, ничуть не смущенная подобной встречей.

– Большое спасибо! – также важно поблагодарил привратник. – Господин барон давно его ждет.

Лотта вручила ему небольшой конвертик, и дверь тут же захлопнулась. Но, заперев её на несколько замков и накинув засов, привратник не поспешил к якобы ожидавшему вестей владельцу особняка, а поднялся в свою комнату на третьем этаже. Там он вскрыл конверт и извлек из него маленький листок с четырьмя столбцами цифр. Затем, стараясь не шуметь, отодвинул шкаф и снял стенную панель. В неглубокой нише стоял радиопередатчик.

Привратник подтащил стул, включил и настроил рацию, а затем уверенно заработал на ключе. Он прервал передачу лишь один раз, когда услышал шум проехавшего по улице тяжелого армейского грузовика. Но через минуту стало опять тихо, и радист снова начал выстукивать точки и тире.

Лондон. Радиоцентр Подразделения по исполнению специальных операций (ИСО)

Молоденький сержант-радист закончил прием радиограммы, отметил время в журнале и передал листок с группами цифр дежурному офицеру.

– Спасибо, Дженкинс, – поблагодарил офицер. – Продолжайте слушать на этой частоте.

Сержант опять склонился к рации, а офицер поспешил в шифровальный отдел. Информация, передаваемая этим агентом, была на особом контроле. Если от него приходили сообщения, дежурные имели строгий приказ тут же докладывать об этом руководству ИСО. Расшифровка радиограммы была сделана вне всякой очереди. Теперь уже с запечатанным пакетом офицер постучался в кабинет главы ИСО – бригадира Джеймса Роулинсона. Развалившись в глубоком кресле, пожилой сухопарый человек в дорогом двубортном костюме просматривал газету. В камине горел огонь, бросая веселые отблески на стекла изысканных цветных гравюр времен королевы Виктории. На полках стояли огромные фолианты в кожаных переплетах, перемежаемые восточными безделушками, фигурками из нефрита, африканскими статуэтками из слоновой кости. Больше всего эта обстановка походила на обиталище какого-нибудь отставного генерала Британской империи, а не одного из самых умелых разведчиков Второй мировой войны.

– Разрешите, сэр? – офицер, хорошо знакомый с барскими привычками начальника, покорно ждал ответа.

– Входите, Пайкс, – наконец отозвался Роулинсон, откладывая газету. – Что еще начирикали ваши пташки?

– Вот, сэр, – офицер положил перед бригадиром пакет. – Только что закончили дешифровку.

Просмотр радиограммы занял у бригадира несколько секунд. По всей видимости, её содержание не только заинтересовало, но и взволновало его, поскольку сибаритская разнеженность слетела с него в одно мгновение. Голос обрел четкость и властность.

– Майора Роджерса ко мне, – приказал Роулинсон.

Офицер пулей выскочил из кабинета.

Майор Роджерс, человек лет тридцати в помятом мундире, со сдвинутым набок форменным галстуком и прочими свидетельствами приверженности штатскому образу жизни, появился в кабинете бригадира с настолько недовольным лицом, что было ясно: его оторвали от очень важного дела. Другому бы Роулинсон эту кислую мину не спустил, но Роджерса он ценил как блестящего специалиста по Балканам и к тому же человека отчаянной смелости. Майора не раз забрасывали к югославским партизанам, он подолгу скрывался на конспиративных квартирах, участвовал в боях и перестрелках. Поэтому ему прощалось пренебрежение к требованиям армейской службы, чем Роджерс, не стесняясь, пользовался. Не ожидая приглашения бригадира, майор плюхнулся в кресло и вопросительно уставился на Роулинсона. Ценя свое и чужое время, тот сразу перешел к делу.

– Наш агент в Берлине сообщает, что командование группы армий «F» готовит воздушно-десантную операцию силами батальона на западе Боснии. Начало операции или вечером 24 мая, или утром 25-го. Приказ исходит от самого Гитлера. Как, по-вашему, Роджерс, что немцы затевают?

– Догадаться не сложно, – майор достал из кармана сигареты и закурил. – Запад Боснии – один из центров югославского движения Сопротивления. Там располагается штаб маршала Тито. А 25 мая – его день рождения. Они решили разом уничтожить все партизанское руководство, а заодно английскую, американскую и советскую миссии.

Обдумав услышанное, бригадир вынужден был признать:

– Боюсь, вы правы, Роджерс. Угроза нешуточная. А, следовательно, необходимо поставить в известность премьер-министра.

Хотя интенсивность авиационных ударов в последние месяцы снизилась – летчики люфтваффе уже не чувствовали себя в небе над Лондоном полными хозяевами – город, тем не менее, каждый вечер освещался огнем горящих после немецкой бомбардировки зданий. Машину бригадира несколько раз останавливали и направляли в объезд пожара. В результате до резиденции премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля Роулинсон добрался фактически лишь к ночи. К счастью, Черчилль еще работал и сразу же распорядился провести бригадира в свой кабинет.

По позднему времени премьер-министр был без пиджака, но при традиционной бабочке. Увидев входящего Роулинсона, он поднялся ему навстречу и пожал руку, как хорошему знакомому.

– Что случилось, бригадир? – проворчал Черчилль. – Я уже собирался отправиться ко сну. Чертовски устал.

Роулинсон был по-военному краток.

– Информация из Берлина. Немцы собираются уничтожить штаб маршала Тито.

Однако премьер-министр отнесся к этой информации довольно спокойно.

– И когда они намереваются это сделать? – без каких бы то ни было эмоций поинтересовался он.

– Через три дня. 25 мая, – бригадир выжидающе посмотрел на премьер-министра.

Тот, ничего не ответив, опустился в кресло и не спеша раскурил сигару.

– Кто об этом знает? – после долгой паузы спросил Черчилль.

– Если не брать в расчет немцев, то мой агент в Берлине, начальник отдела операций на Балканах майор Роджерс и, естественно, я, – перечислил руководитель ИСО.

Черчилль опять замолчал. Похоже, он проигрывал в голове очередную политическую многоходовку, на которые был большой мастер.

– И давайте на этом список закроем, – жестко сказал премьер-министр, видимо, приняв решение. – Более того, меня в нем не будет. Вы мне ничего не говорили.

Надо полагать, что бригадир ожидал услышать нечто иное, поскольку сразу же возразил.

– Тито – наш союзник. Мы помогаем ему с 1943 года.

На Черчилля этот аргумент не подействовал. В его видении мира констант не было. Политическую целесообразность он ставил выше договоров, обязательств и обещаний. В системе координат, которой пользовался премьер-министр, союзник мог быть опаснее врага, а враг – полезнее друга. Это Черчилль в очередной раз и продемонстрировал, разъясняя свою мысль Роулинсону.

– Вы заблуждаетесь, Джеймс. Тито – союзник Сталина. Именно поэтому мы, считайте, уже потеряли Балканы. Но уход Тито может создать новые возможности. Скажем, появится более приемлемая для нас фигура.

Поскольку бригадир ничего на это не ответил, Черчилль счел разговор законченным.

– У вас всё, Джеймс? – на всякий случай переспросил премьер-министр. – Тогда спокойной ночи.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

Несмотря на близость к рейхсфюреру, Россман оказался вполне покладистым человеком. Излишних сложностей не создавал, в вопросы, в которых не разбирался, не лез, оставляя последнее слово за полковником Зоммером, чей опыт планирования операций такого масштаба был несравненно больше. Точнее, он вообще был несопоставим, так как, хотя части ваффен-СС вроде бы непосредственно подчинялись Гиммлеру, при их участии в боевых действиях руководство оставалось за вермахтом. Иначе говоря, в части разработки и проведения военных операций гауптштурмфюрер был полный нуль. Зато Россман был совершенно незаменим, когда речь шла о тыловом обеспечении. Ему достаточно было произнести в телефонную трубку магическое слово «рейхсфюрер», как проблема мгновенно решалась. За три часа плотной работы они вдвоем успели немало сделать. План уточнялся, наполнялся деталями, обретал реальность. Полковник начинал верить, что «Ход конем» может действительно принести успех. Открытым оставался вопрос о парашютном десанте, но Зоммер считал, что Скорцени – лучший специалист по этой теме в рейхе – легко с ним справится. Но все-таки ему хотелось обговорить все подробности непосредственно с оберштурмбаннфюрером, который с недавнего времени стал еще и начальником секретной службы СС в VI отделе. Однако Скорцени не звонил и не появлялся, хотя ему было предписано прибыть на совещание к 18.00, а сейчас часы показывали уже восемь вечера. Зоммер, начиная раздражаться от такой необязательности, хотел попросить Россммана заняться розысками Скорцени, но тут дверь распахнулась, и в кабинет вступил во всем великолепии множества орденов, медалей, значков и нашивок «лучший диверсант Германии» Отто Скорцени. Ничуть не смущенный опозданием, он приветствовал Зоммера и Россмана небрежным «Хайль Гитлер!» и прошел к столу, на котором были разложены карты и бумаги.

– Наконец-то! – обрадовался гауптштурмфюрер. – Вы нам срочно нужны.

– У меня были неотложные дела, – даже не подумал извиниться Скорцени. – У вас нет коньяка, Россман?

– Хорошего нет, а пить плохой – не имеет смысла, – отрезал оскорбленный такой наглостью помощник рейхсфюрера.

– Жаль, – не смутился Скорцени. Его, похоже, вообще трудно было хоть чем-то смутить. – Я бы выпил рюмку, чтобы прочистить мозги, – и, потеряв интерес к Россману, обратился к полковнику. – Рейхсфюрер познакомил меня с вашим планом, полковник. Он неплох, но, к сожалению, трудновыполним.

Упоминание о встрече с Гиммлером, конечно, было не случайным. Тем самым Скорцени давал понять, что он – не исполнитель, не консультант, а представитель руководства, причем с правом решающего голоса, и не считаться с ним нельзя. Впрочем, на Зоммера это не произвело никакого впечатления. У него был свой начальник – фон Вейхс, который поручил ему планирование этой операции, и на амбиции Скорцени ему было откровенно наплевать. Но, с другой стороны, ссориться с ним у него намерений не было, поэтому он согласился, что некоторые сложности при реализации плана могут неизбежно возникнуть. Диверсант, однако, этих нюансов не заметил, а, скорее всего, просто не захотел обращать на такие мелочи внимания.

– Обязательно возникнут, – с ноткой торжества в голосе подтвердил Скорцени. – И первая опасность следующая, – оберштурмбаннфюрер взял со стола фотографию Тито и некоторое время всматривался в его лицо, держа паузу не хуже актеров Немецкого театра. – Как только Тито узнает, что к Дрвару стягиваются наши части, он вызовет подкрепления, а сам переберется в другое место. Возможно ли лишить его связи?

Зоммер вынужден был признать, что замечание дельное. Хвастун оказался не так уж глуп, как ему поначалу показалось.

– Но как это сделать? – спросил полковник. Ответ у Скорцени был готов.

– У вас же, гауптштурмфюрер, в его штабе сидит агент, – оберштурмбаннфюрер еще раз продемонстрировал, что к этому разговору он хорошо приготовился.

Но Россману такая осведомленность не понравилась.

– Конечно, я могу отдать ему приказ вывести из строя радиоцентр, но сделать это будет непросто. Агента мы скорей всего потеряем, – запротестовал гауптштурмфюрер.

– Все равно жизни ему осталось три дня, – парировал возражение Скорцени. – Вероятность того, что он выживет в предстоящей мясорубке, очень мала. А мясорубку я вам гарантирую.

– Есть предложение, – прервал зарождавшуюся пикировку Зоммер. – Дрварские пещеры, в которых прячется Тито, – конечно, неплохое убежище. Но в случае мощного налета авиации неизбежно возникнет если не паника, то хотя бы сумятица. И тогда одной гранаты будет достаточно, чтобы уничтожить радиоцентр. Сейчас светает рано. 3 часа утра – самое подходящее время для авиационного налета. Ваш агент должен быть готов к диверсии.

– В 24.00 он обычно выходит на связь, – вспомнил Россман, которому хотелось поддержать полковника.

– Сейчас 20.50, – посмотрел на наручные часы Скорцени. – В нашем распоряжении шесть часов. Можем успеть, если авиация не подведет.

Лондон

Здание ИСО Роджерс покинул даже не в раздражении, а в бешенстве. Приказ бригадира Роулинсона забыть о содержании радиограммы из Берлина сначала вызвал у майора недоумение, а потом бурный протест. Роджерс неоднократно встречался с Тито, знал многих людей из его окружения и искренне их уважал. А теперь, когда им грозила смертельная опасность, он должен был делать вид, что в Боснии ровным счетом ничего не происходит. Собственно, Роулинсон так ему и сказал: «Для всех, в том числе и для вас, в Боснии обстановка остается без изменений. Никакой новой информации о намерениях немцев у нас нет. Запомните это, Роджерс!»

Какова была цель бригадира, майор сказать не мог, хотя кое о чем догадывался. Ему было известно, что Черчилль достаточно долгое время рассматривал Балканский полуостров как плацдарм для англо-американского вторжения в Европу. Поэтому, несмотря на все трудности военной кампании 1941-1942 годов, англичане старались максимально укрепить отряды четников бывшего полковника Королевской армии Дражи Михайловича. Он более чем устраивал Лондон, потому что успешно воевал и с немцами, и с партизанами-коммунистами. Но постепенно движение четников дискредитировало себя, пойдя на сотрудничество с оккупантами. Оно потеряло поддержку населения и уже не представляло угрозы для немцев. Правительству Великобритании пришлось переориентироваться на сотрудничество с Тито. Его Народно-освободительная армия Югославии к началу 1944 года сковывала значительные силы фашистов. Однако последовательный антикоммунист Уинстон Черчилль, по-видимому, не мог смириться с тем, что лидерство перешло к просоветски настроенному Тито, и помогать ему он не хотел.

Роджерс допускал, что приказ молчать мог последовать непосредственно от премьер-министра. Но с Роджерса это не снимало ответственности за жизнь друзей в Югославии.

Сколько бы Черчилль ни развлекался политическими играми, в них гибли не его близкие, не его коллеги из правительства и парламента, а люди, за которых, как считал майор, он несет личную ответственность. Но как быть в такой ситуации? Что сделать? Не может же он нарушить прямой приказ!

От этих мыслей голова у Роджерса раскалывалась, а настроение было такое, что хотелось застрелиться. Ну, или хотя бы напиться. И, проходя мимо отеля, в котором жили иностранные корреспонденты (бар там работал всю ночь), майор решил туда зайти. В отличие от предыдущих посещений, бар на этот раз был пуст, если не считать сидевшего в углу и что-то строчившего в блокноте журналиста. Но Роджерс с ним, к счастью, не был знаком, а значит, с разговорами тот приставать не станет. Майор уселся за стойку и заказал скотч. Первая порция никакого эффекта не произвела. Виски всосалось в желудок, как вода в сухой песок. Роджерс собрался заказать вторую порцию, но обнаружил, что бармен куда-то отошел. Пришлось сделать вынужденный перерыв. Именно в этот момент на табурет рядом с ним взобралась симпатичная молодая брюнетка в скромном плаще из серого габардина. Девушка неуверенно огляделась вокруг, по всей видимости, тоже разыскивая бармена, и, не найдя его, обратилась к Роджерсу:

– Извините, у вас нет спичек?

– Да, пожалуйста, – майор щелкнул зажигалкой, давая девушке прикурить. Её рука с сигаретой мелко дрожала.

Она пару раз жадно затянулась и опять обратилась с вопросом к Роджерсу:

– А где бармен?

– Он отошел. Наверное, сейчас вернется, – майор вгляделся в соседку. Она была настоящей красавицей. Точеный нос, высокие скулы, пухлые губы, большие зеленые глаза, пышные волосы. Роджерс невольно залюбовался ею.

– Стыдно признаться, но очень хочется выпить, – девушка смущенно улыбнулась. – В нашу клинику сегодня попала бомба. Прямо в операционную. Вся хирургическая бригада вместе с парнем, которого собирались оперировать… То, что осталось от врачей, пожарные выносили в ведрах… А меня за минуту до этого послали на склад за тампонами.

Такие истории за время налетов немецкой авиации на Лондон стали привычными. «Но привыкнуть к ним все-таки нельзя, – подумал майор. – Девчонке здорово досталось. После такого и у крепкого мужчины руки будут ходить ходуном».

– Вам действительно надо снять шок, – с участием сказал он. – Что будете? Может, как и я, скотч?

– Ох, мне все равно, – на глаза у неё навернулись слезы, которые она быстро промокнула изящным платочком.

– Два скотча, – попросил Роджерс вернувшегося бармена.

Девушка, не манерничая, выпила залпом. Майор последовал её примеру. Она все больше нравилась ему.

– Еще по одной? – предложил майор.

– Пожалуй, – согласилась она. – Кажется, начинает отпускать. Меня зовут Кэтрин Брэйн. Хирургическая медсестра.

– Николас Роджерс. Военный, как видите, – в свою очередь представился он. – Выпейте еще, Кэтрин, станет легче. У меня, признаться, тоже не лучший день.

Кэтрин согласно кивнула головой. Она была просто восхитительна.

23 мая 1944 года. День второй. Босния. Штаб маршала Тито

В предутренних сумерках, окутывающих горы, возник гул авиационных моторов. Через пару минут из-за закрывающего горизонт хребта выплыло первое звено бомбардировщиков, затем второе, третье. Самолеты выстроились в круг для бомбометания. И вот с неба посыпались бомбы. Летчики укладывали фугасы прицельно, как на учениях. Зенитных орудий у партизан было немного, и помешать немцам они особо не могли. Взрывы гремели у входов в пещеры, в которых расположился штаб мар-

шала Тито, рядом с ними, над ними. Со сводов обрушивались целые пласты земли и потоки камней, в забитом пылью воздухе ничего не было видно. Полураздетые люди, разбуженные бомбежкой, спешили укрыться в дальних штольнях. В вырубленной в скале пещере, в которой расположился радиоцентр, радист прервал передачу и с тревогой прислушался к нараставшему звуку взрывов. Схватив кусок брезента, он стал накрывать аппаратуру. Сержант был настолько занят спасением рации, что не увидел, как от входа к его ногам подкатилась граната. Грянул взрыв.

Лондон. Квартира в районе Блумзбери

Майор проснулся с ощущением острейшего похмелья. Голова болела, вчерашний вечер вспоминался с трудом. Все-таки здорово они ночью нагрузились с новой знакомой. «Кэтрин, – вспомнил майор. – Её зовут Кэтрин. Кажется, я проводил её до дома, и она предложила остаться. Или не предлагала, а я просто свалился от усталости и несчетных порций виски». Но как он оказался в её постели, Роджерс не мог сообразить. Он пошарил рукой, подушка рядом с ним была пуста.

– Я здесь, майор! – прозвучал веселый голос Кэтрин.

Роджерсу удалось наконец разлепить глаза. Его новая знакомая, Кэтрин Брэйн, уже одетая и причесанная, сидела у стены в кресле. По соседству с ней устроился мужчина самого неприметного вида в строгом темном костюме, белой сорочке и скромном галстуке. Обычный клерк. В мирное время такие особи тысячами встречались в Сити.

– Доброе утро, мистер Роджерс! – вежливо поздоровался «клерк». – Извините за столь ранний визит. Но мне не терпелось показать вам вот эти фотографии. – С абсолютно равнодушным лицом, как будто выполняя порядком ему надоевшую, но необходимую работу, он извлек из кармана пиджака пачку фотографий и стал перебирать снимки. – Очень интересно. Майор британской секретной службы развлекается в обществе сотрудницы советского посольства, – скучным голосом прокомментировал «клерк» фотографии и бросил пачку Роджерсу. – Хотелось бы знать, как к этому отнесется ваш непосредственный начальник – бригадир Роулинсон? Надо полагать, он едва ли одобрит это знакомство. – Мужчина вопросительно посмотрел на Роджерса. Майор молчал, ожидая следующего шага «клерка». Никаких сомнений тут быть не могло. Его собирались завербовать или, как минимум, потребовать «слить информацию». – Мы знаем, что вы занимаетесь Балканами. У вас там немало друзей, и эти люди о вас очень хорошо отзываются, – все тем же размеренным голосом продолжил «клерк». – Поэтому я не буду пытаться завербовать вас, как и шантажировать в дальнейшем. Могу хоть сейчас вернуть негативы. Но нас очень интересует один вопрос, и, возможно, вы сможете нам помочь. Вчера в ставке Гитлера прошло совещание. Речь на нем шла о Балканах. Но что конкретно затевают немцы?

Майор захохотал и подмигнул Кэтрин. Настроение у него неожиданно улучшилось.

Москва. Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны

Заместитель начальника ГУКР СМЕРШ по разведработе генерал Селивановский завтракал. В правой руке он держал большой бутерброд с докторской колбасой, в левой – стакан со сладким чаем. Ел генерал не спеша, наслаждаясь каждой минутой отдыха. Закончив, он вытер руки носовым платком и снял трубку телефона.

– Рыклина! – приказал он.

Не прошло и минуты, как в кабинет быстро вошел молодой и поджарый капитан госбезопасности.

– Вызывали, товарищ генерал?

– Садись, Рыклин. Чаю хочешь? – предложил Селивановский.

– Спасибо, товарищ генерал. Недавно пил, – отозвался капитан.

– Твое дело, – не стал настаивать генерал. – Югославия в твоем секторе?

– Так точно, – подобрался капитан.

Селивановский достал из ящика стола папку и извлек из неё листок.

– Из нашего посольства в Лондоне, – пояснил он. – Англичане пронюхали, что немцы начинают в западной Боснии большое наступление на партизан. Вот я и думаю, что это за такое странное наступление? Ведь им сейчас надо зачищать восток Югославии, а они почему-то на запад полезли?

Рыклин внимательно перечитал радиограмму, которую передал ему генерал, несколько минут подумал. Селивановский, не мешая ему, терпеливо ждал.

– Разрешите высказать свои соображения, товарищ генерал? – наконец попросил капитан.

– Валяй! – Селивановский приглашающе махнул рукой.

– В западной Боснии, в районе города Дрвар, находится ставка маршала Тито, – начал объяснять капитан, но продолжить ему не дали. Дверь распахнулась, и в кабинет вплыла большая картонная коробка. С трудом удерживавший её на весу молоденький лейтенант, не видящий из-за неё, что у Селивановского сидит Рыклин, с порога начал хвастаться своей удачливостью.

– Вот, товарищ генерал, всё удалось получить. И консервы, и коньяк, и даже вместо одеколона выпросил духи для Надежды Сергеевны, – лейтенант, изловчившись, захлопнул дверь ногой и поставил коробку в угол. – Ой! Извините, товарищ генерал, – смутился он, увидев капитана.

– Ничего, ничего, – успокоил его Селивановский. – Иди! Потом вызову.

Лейтенант исчез из кабинета с такой быстротой, что моргни Рыклин в этот момент, он бы решил, что генеральский порученец растворился в воздухе.

– Так… Теперь понятно, что они затеяли, – вернулся к обсуждению радиограммы Селивановский. – Надо партизан предупредить.

– Сегодня ночью, точнее в 3 утра, рация в ставке Тито, с которой велась передача, неожиданно замолчала, – сообщил капитан. – Что там случилось, не знаю. Но связи до сих пор нет.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

Из-за раннего часа в офицерской столовой было немноголюдно. Смертельно уставшие Россман и Скорцени уже заканчивали завтрак, когда к их столу подошел полковник Зоммер. Он провел эту ночь в штабе воздушного флота «Рейх», координируя действия авиационных частей, проводивших налет на штаб югославских партизан. Выглядел он не лучше коллег, однако бодро пожелал им доброго утра.

– Добрым его назвать сложно, – проворчал в ответ злой из-за недосыпа Скорцени. – Какие новости?

– Войска начали передислокацию. Не позднее завтрашнего вечера они закончат окружение Дрвара, – сообщил Зоммер и налил себе чашку кофе. От кофе пахло жженой пробкой, поскольку главным ингредиентом в нем был цикорий. Но другого средства отбить сон все равно не было.

Россман, который до появления полковника откровенно клевал носом, сразу взбодрился. Для него подобные операции были в новинку, и то, что пункты, сформулированные вчера у него в кабинете, стали вдруг движителями огромной массы людей и техники, восхищало его.

– Я доложу об этом рейхсфюреру, – пообещал Россман. – Теперь дело за вами, господин оберштурмбаннфюрер. На каком аэродроме вы соберете десантную группу?

– Десантную группу?! – искренне удивился Скорцени. – Её у меня нет.

Лица полковника и гауптштурмфюрера вытянулись. Такого афронта они никак не ожидали. Зоммеру пришлось даже закурить, чтобы успокоиться. План, потребовавший столько усилий и ухищрений, рушился на глазах руками этого самодовольного болвана, возомнившего себя лучшим специалистом в мире по диверсионным операциям.

– Черт возьми! Как нет?! Что же нам делать? – нарочито тихим голосом спросил Зоммер. Он очень боялся сорваться на крик.

– Взять готовую часть и максимально её усилить, – ответил Скорцени с самодовольной улыбкой человека, уже не первый раз выручающего всех. – Могу рекомендовать одну. Парашютно-десантный батальон СС 500.

Теперь пришла очередь Россмана. Он буквально взорвался. В эту минуту ему было плевать на то, что Скорцени старше его по званию, что он пользуется почетом в СС и увешан наградами, как рождественская ёлка игрушками. В общем, плевать на все, так его возмутило предложение оберштурмбаннфюрера.

– Вы сошли с ума! – злобно прошипел Россман. – Половина его состава – офицеры и солдаты СС, осужденные за различные преступления.

Но Скорцени был непробиваем. Он никак не среагировал на возмущение Россмана. В глубине души он считал и полковника, и помощника рейхсфюрера дилетантами и штабными крысами, не способными ни гранату кинуть, ни окоп вырыть.

– Может, дисциплина в батальоне и хромает, зато у всех есть боевой опыт, – с ноткой презрения в голосе пояснил он. – Каждый из этих десантников стоит десяти. А это для нас важнее всего. Кроме того, часть сейчас дислоцируется в районе Загреба. Пополним её из дивизии «Бранденбург» профессиональными диверсантами. И вперед! – Скорцени победно посмотрел на своих собеседников.

– И вы готовы возглавить такой сборный отряд? – поинтересовался полковник, которого уже подташнивало от самоуверенности Скорцени.

– Я?! Зачем? У батальона есть свой командир, – оберштурмбаннфюрер, казалось, бравировал своей наглостью.

– Батальоном командует гауптштурмфюрер Рибке, – пояснил Россман.

– Совершенно верно, – согласился Скорцени. – Он знает своих людей, ему и вести их в бой. Но подготовиться к этой операции, конечно, помогу. Поэтому уже вечером вылетаю в Загреб.

Считая на этом разговор законченным, а свою миссию выполненной, Скорцени вскинул руку в приветствии и покинул столовую. Зоммер и Россман, совершенно не разделявшие оптимизма Скорцени, сидели подавленные. Выверенная, казалось бы, во всех деталях операция превращалась в авантюру. Но делать было нечего, приходилось играть по сценарию, навязанному «первым диверсантом рейха».

– Ну, что же, роли расписаны, и занавес скоро поднимется, – устало произнес Зоммер. – Главное, что проблему с десантом оберштурмбаннфюрер решит.

– А вот у меня такой уверенности нет, – возразил Россман, которому было безумно обидно, что полковник так легко принял предложение Скорцени, даже не попытавшись оспорить его. – За свою карьеру «первого диверсанта рейха» Скорцени удалось успешно осуществить только одну операцию – выкрасть Муссолини. И то он умудрился при этом потерять половину людей.

– Но, по крайней мере, в личной храбрости вы ему не откажете, – заметил полковник, считавший себя справедливым человеком. Он никогда не пытался умалить достоинства других, чтобы лучше смотреться на их фоне.

– Конечно, нет, – деланно рассмеялся Россман. – После «Хрустальной ночи» наш бравый Скорцени храбро присвоил особняк одного богатого еврея, а заодно и его заводы, которые записал на свою жену. А вот с Восточного фронта он удрал, сославшись на болезнь.

– Так почему его держат в СС? – настроение полковника ухудшилось еще на несколько градусов.

– Вы не догадываетесь, герр оберст? Он – любимец фюрера, – гауптштурмфюрер встал из-за стола. – Мне пора идти. Рейхсфюрер ждет отчет.

Босния. Деревня в окрестностях Дрвара

Весенний день набирал силу. Солнце уже жарило вовсю, отбеливая проходящую через маленькое боснийское село пыльную дорогу, накаляя крытые черепицей крыши домов, пробивая лучами густую виноградную листву, закрывавшую сверху дворик придорожного трактира. Пожилой мужчина, по всей видимости, его хозяин, снял пиджак, повесил на гвоздик за стойкой и продолжил начищать медную кастрюлю, которая и без того блестела, будто только что с рынка. Внезапно ему показалось, что он слышит какие-то крики. Старик выглянул в окно, прислушался. Похоже, действительно, что-то случилось. Он подождал. Крики приближались. Прошло еще немного времени, и в конце улицы трактирщик увидел бегущего изо всех сил мальчишку-подпаска.

– Прячьтесь! Прячьтесь! Немцы! – кричал тот, задыхаясь.

Из-за поворота, громко треща плохо отрегулированным мотором, вылетел мотоцикл. Сидевший в коляске пулеметчик дал очередь, и мальчик повалился в пыль. Немец слез с седла и оттащил худенькое тело пастушка к канаве. В деревню втягивалась колонна из бронетранспортеров и грузовиков, набитых солдатами. С трудом преодолев оцепенение от этой страшной картины, старик бросился в дом. Он вбежал в заднюю комнату, где за столом с шитьем сидела его племянница. Совсем еще девочка. Прошедшей зимой ей исполнилось всего семнадцать. Она с удивлением посмотрела на трактирщика, который только хватал ртом воздух, не в состоянии выдавить из себя хоть слово.

– Что? Что там, дядя Мирчо? – с улыбкой поинтересовалась она.

– Зарина! Убегай! – справился наконец с волнением трактирщик. – Через задний двор. Уходи в горы! Скорее!

– А вы, дядя? – испуганно спросила Зарина.

– Обо мне не беспокойся. Беги, тебе говорят! – закричал старик, видя, что племянница продолжает стоять. Но наконец до неё дошло, что пришла беда, и она метнулась к двери. – Стой! – остановил её старик. – Ружьё возьми!

Трактирщик снял со стены двустволку и бросил её Зарине. Она ловко поймала ружье и выскочила во двор. Миновав сад, который переходил в низкорослый лесок, девушка стала быстро подниматься по склону, прячась за деревьями и кустами. Ей было настолько страшно, что оглянуться она решилась, лишь отбежав метров на двести. Тут и там над домами вставали черные султаны дыма. Деревня горела.

Москва. Кремль. Кабинет верховного главнокомандующего Иосифа Сталина

Совещание собрали в узком составе. Вопрос, который предстояло обсудить, не относился к числу главных. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели, тихо переговариваясь, начальник Генерального штаба маршал Василевский, Берия и Молотов. Сталин по своему обыкновению расхаживал по кабинету, чутко ловя реплики присутствующих. Вызванные на совещание начальник ГУКР СМЕРШ комиссар ГБ 2-го ранга Абакумов и генерал-лейтенант Селивановский стояли навытяжку в торце стола.

Выслушав краткий доклад Абакумова, Сталин постоял у окна, а затем обратился к главному контрразведчику.

– Насколько надежен ваш источник, товарищ Абакумов? – глуховатый голос Сталина, в котором, несмотря на долгие годы, прожитые в России, все так же явственно чувствовался грузинский акцент, звучал спокойно и размеренно.

– Сомнений покуда не вызывал, товарищ Сталин, – молодецки выкатив грудь, отчеканил Абакумов.

Сталин одарил Абакумова таким взглядом, что у того все внутри заледенело, а затрепетавшее от страха сердце провалилось в желудок.

– А вот вы, товарищ Абакумов, после того, как прошляпили немецкую агентуру под Курском, вызываете у меня сильные сомнения, – все так же спокойно сказал Сталин.

У Абакумова начала мелко дрожать нога и подергиваться щека. Уж он-то хорошо знал, что может последовать после такого замечания.

Сталин сел за стол и, взяв в руки тонкую папку, открыл её и не спеша изучил содержимое.

– Напомните, кто вы по образованию? – попросил он.

– Я заканчивал городское училище, товарищ Сталин, – откашлявшись, – в горле стоял ком, который никак не удавалось проглотить, – сообщил Абакумов.

– Четыре класса, – уточнил Сталин и снова углубился в папку. – Не маловато ли для начальника Главного управления контрразведки?

– Мы его подучим, – попробовал перевести все в шутку Берия, которому надо было прикрыть своего ставленника.

Верховный подчеркнуто проигнорировал его реплику. Лаврентий Павлович, всего несколько дней назад назначенный Сталиным заместителем председателя Государственного комитета обороны и, естественно, полагавший, что его новый статус предполагает большую степень свободы, чем раньше, стал нервно протирать пенсне. Сталин между тем повернулся к Василевскому.

– Товарищ Василевский, военная разведка проверяла информацию, которую предоставил СМЕРШ?

– С военной миссией при штабе Тито связи нет уже несколько часов, – вынужден был признать маршал.

– Англичане и американцы тоже молчат? – этот вопрос Сталин адресовал министру иностранных дел Молотову.

– Американцев Балканы пока не очень интересуют, а отношение Черчилля к Тито известно. Для англичан он не самый удобный человек, – немногословно пояснил Вячеслав Михайлович.

Сталин вновь принялся прогуливаться по кабинету. Сам Тито его мало занимал, к судьбам людей, даже хорошо знакомых, он чаще всего был равнодушен. Важны были последствия разгрома партизанского штаба. Вот эту опасность надо было трезво оценить.

Понимая, над чем размышляет Верховный, Василевский, пользовавшийся немалым авторитетом у Сталина, решился подсказать:

– Народно-освободительная армия Югославии может оказать нам серьезную помощь во время готовящегося летнего наступления. Они и сейчас сковывают шестнадцать дивизий немцев и их союзников. Это почти полмиллиона солдат.

– Так чем же мы можем помочь товарищу Тито? – по-видимому, приняв решение, спросил Сталин.

У желавшего реабилитироваться Берии ответ был уже готов:

– Есть предложение. Докладывайте, товарищ Селивановский.

Селивановский разложил на столе карту Югославии.

– По рации мы связаться со штабом Тито не можем, – начал заместитель начальника ГУКР СМЕРШ по разведработе. – Необходимо послать туда группу наших оперативников, которая организовала бы эвакуацию. Штаб находится вот здесь, близ

города Дрвар. Местность там горная, посадить транспортный самолет негде. Значит, надо вывести людей в направлении на Купрешко Поле, где у партизан есть аэродром. Туда по сигналу нашей группы с английской базы Бари в Италии вылетит самолет, который вывезет югославских товарищей.

– Когда начнете операцию? – уточнил Сталин.

Селивановский собрался уже ответить, но его опередил Абакумов, которого никак не устраивало то, что его подчиненный вылез вперед.

– Забросить группу в район Дрвара планируем сегодня ночью. В её состав войдут оперативники СМЕРШа 3-го Украинского фронта, – доложил Абакумов.

– Хорошо. Утверждаю ваш план, – согласился Сталин. Абакумов, Берия, Тито больше не занимали его. В приемной ждал генерал Антонов – главный разработчик операции «Багратион».

Босния. Штаб маршала Тито

Радиоцентр был разгромлен. Взрыв гранаты уничтожил всю аппаратуру, и восстановить что-либо из неё не представлялось возможным. Это было ясно и неспециалисту. Погиб и лучший в штабе радист, который дежурил в ночь налета люфтваффе. Начальник разведотдела полковник НОАЮ Ковач подождал, пока бойцы, укладывавшие на носилки тело убитого товарища, вышли в тоннель, и сказал своему помощнику командиру разведгруппы Петричу:

– Всё! Связи больше нет, – Петрич в ответ согласно кивнул. – Можно не гадать. У нас в штабе немецкий агент. Но зачем ему было идти на такой риск – уничтожать радиоцентр? Может, немцы что-то готовят? Что скажешь, разведка? – Ковач вопросительно посмотрел на Петрича.

Разведчик пожал плечами.

– Сегодня утром вернулась еще одна группа. Правда, поиск был коротким – всего на двадцать километров отошли. Но говорят, что все спокойно. Никакой активности со стороны немцев или усташей не наблюдали.

– Странно, – Ковач подобрал с земли чудом сохранившийся листок с радиограммой, которую за минуту до взрыва принимал радист, прочитал её и, свернув, убрал в карман френча. – И, тем не менее, пошли людей в 3-ю бригаду. Пусть подтянутся сюда и заодно доставят новую рацию. Надо усилить секреты и выдвинуть их как можно дальше. А агента будем искать. Не откладывая.

Бессарабия. 46-я армия 3-го Украинского фронта

Умение быстро обживать еще вчера не знакомое место для солдата столь же необходимо, как и владение винтовкой. Без него воевать трудно. Вроде бы какой из землянки или чужой хаты, куда тебя определили на постой, дом?! Скорее, временное жилье. А все-таки хочется туда вернуться. Всё уютнее, чем в окопе или в чистом поле.

С удобством расположившись за столом, Калуев не спеша, со вкусом разбирал немецкий пулемет MG-42. У него за спиной лежал на кровати Петр Белов. Спать ему не хотелось, но и двигаться не было никакого желания. Навалилось разом всё: и усталость, и обида на игнорировавших его товарищей, и стыд за то, что из-за своей несдержанности сорвал операцию и подставил под разнос начальства командира. И он уже второй час, заложив руки за голову, рассматривал потолок хаты. А Можаев прилаживал к новой гимнастерке медали перед висящим на стене потускневшим от старости зеркалом. Их у него было четыре, а на правой стороне груди он уже прикрутил два ордена Красной Звезды.

– Здорово! – восхитился Саша Калуев.

– Ты так считаешь? – переспросил Можаев и еще раз придирчиво оглядел себя в зеркале. – Может, нашивку за ранение пришить? – решил посоветоваться он с другом.

– Ты о чем? – не отрывая глаз от разложенных деталей пулемета, уточнил Калуев.

– Как о чем?! О себе! – возмутился капитан. – Первый раз за год парадную гимнастерку надел, а ты от этого пулемета оторваться не можешь!

– Боря, ты посмотри, какая машина! – Калуев не обратил никакого внимания на обиженный тон друга.

– Ну, тебя к черту! Пулемет, как пулемет, – Можаев поправил косо приколотую медаль и зачастил, словно зачитывая инструкцию. – Разработан в 1942 году. В том же году взят на вооружение вермахтом. Вес – одиннадцать с половиной килограммов. Скорострельность – от 1200 до 1500 выстрелов в минуту. Лента – на 250 патронов. При длинных очередях ствол перегревается. По-нашему, «Циркулярка Гитлера». Когда немцы из него лупят – голову не поднимешь. Саня, ты лучше на меня посмотри! – искательным тоном попросил он. – Ну, как? Солидно?

Калуев оценивающе взглянул на капитана.

– В таком виде, Боря, ты тянешь на адъютанта командующего фронтом, – признал он.

– Знаком с ним? – с ехидцей поинтересовался Можаев.

– Видел, было дело, – признался Калуев. – Только у него медалей поболее.

– Ну, уж куда нам до него при нашей бедности, – окончательно обиделся капитан, однако быстро отошел и сделал товарищу, на его взгляд, весьма перспективное предложение. – Пойдем, Саня, в гости к телефонисткам.

– Не, не пойду, – отмахнулся Калуев. – Они хихикать будут, а ты будешь сидеть дурак дураком и плоско острить. Не знаешь ты обращения с женским полом.

Капитан только собрался объяснить другу, насколько глубоки его познания в этом вопросе, как в хату ввалился сержант с котелком, доверху набитым кусками сырого мяса.

– Товарищ капитан, вы Мамедова не видели? – озабоченно спросил Семеныч.

– Спит, небось, где-нибудь твой любимец, – буркнул Можаев, которому не дали рассказать о его победах над женщинами в довоенной жизни.

Калуев с удовольствием потянулся, а затем подошел к распахнутому в сад окну.

– Мамедов! Срочно к сержанту! – дурачась, закричал он.

Заспанный Мамедов выбрался из-за печки, куда он спрятался, чтобы хоть немного покемарить в покое.

– Что ты кричишь, как голодный ишак? – попенял ему младший лейтенант. – Что ты хорошему человеку спать не даешь?

– Тимур, гляди! Мяса достал, – Семеныч с торжеством грохнул на стол котелок. – Давай кишлак делать.

– Какой-такой «кишлак»? – выкатил на него глаза Тимур.

– Ну, мясо на палочках, – пояснил недогадливому Семеныч.

– Шашлык, темный ты человек, – захохотал Мамедов и повторил за Семенычем, будто пробуя слово на вкус: – «Кишлак».

– Да какая разница! – горячился Семеныч. – Я в кино видел. Красота! Ты же с Кавказа. Должен уметь.

– Какой из меня кебабчи! – пренебрежительно махнул рукой Тимур. – Мы жили бедно, мясо редко ели.

– Значит, не умеешь? – расстроился Семеныч.

– Прости, Семеныч, не умею, – сокрушенно вздохнул Мамедов, но мясо, тем не менее, внимательно осмотрел и вынес свой вердикт. – С картошкой и луком пожарим. Джыз-быз называется. Ложку проглотишь, как вкусно.

– Вот черт! – ругнулся капитан. – От ваших разговоров опять жрать захотелось, – и он надел фуражку, залихватски сдвинув её набекрень.

– Обедать сегодня, Можаев, не придется, – сказал от двери слышавший последнюю фразу майор. – Товарищи офицеры, получен приказ. Предстоит десантирование в глубокий тыл противника. Прыгать будем с парашютами, потом бросок по горной местности. Берем только самое необходимое для боя и паек на два дня.

Майор, не скрывая иронии, оглядел расфранченного капитана.

– Документы и награды сдать капитану Федорову. Знаки различия снять. Готовность через двадцать минут, – приказал Кузнецов и вышел из комнаты.

– Отдохнули, – вздохнул Можаев.

Калуев уже сноровисто собирал пулемет. Тимур Мамедов, скинув гимнастерку, снимал погоны. Белов лежал, не двигаясь. Тимур встревоженно посмотрел на него.

– Белов! Подъём! Вставай, Петя! – потряс он Белова за плечи. – За лежание на койке ордена пока не дают.

– А я не за ордена воюю, – огрызнулся лейтенант.

Отстегивавший от гимнастерки медали капитан Можаев понимающе покивал головой:

– Конечно, ты у нас идейный борец с фашизмом. Немцев только мертвыми можешь видеть. Давай поднимайся! Времени на раскачку нам не выделили.

Загреб. Лагерь парашютно-десантного батальона СС 500

В батальоне было явно не все ладно. А точнее, всё было более чем скверно. Часовой на контрольно-пропускном пункте отсутствовал, а шлагбаум задрался к небу, приглашая войти всех желающих. На плацу не было ни души. Территория была замусорена ржавыми консервными банками, рваным тряпьем и обрывками газет. В общем, картина, открывшаяся перед Отто Скорцени, была самая неприглядная. Приказав сопровождавшим его солдатам из дивизии «Бранденбург» покинуть грузовики, оберштурмбаннфюрер некоторое время стоял в полном недоумении, к кому обратиться, но, к счастью, увидел неторопливо бредущего к казарме солдата. На высокий эсэсовский чин прибывшего тот не обратил ровно никакого внимания. Скорцени пришлось окликнуть его.

– Унтершарфюрер! Где гауптштурмфюрер Рибке?

Солдат, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону небольшого домика, стоящего сбоку от казарм.

Однокомнатный домик, в котором размещался командир батальона Курт Рибке, служил ему одновременно и служебным кабинетом, и жильем. Причем жильем, достаточно запущенным. Койка была не заправлена, стол завален бумагами, мисками с засохшей едой, стаканами и пустыми бутылками. Из распахнутой дверцы сейфа, грозя обрушиться на пол, вылезли папки с документами. Мундир, украшенный Железным крестом с мечами, висел на спинке стула. На том же стуле стояли грязные сапоги. Сам Рибке валялся в койке и даже легким движением не отреагировал на появление в дверях Скорцени.

Впрочем, оберштурмбаннфюрера такой прием ничуть не обескуражил. Скинув сапоги со стула, он уселся на него, закинул ногу на ногу и скомандовал:

– Встать! Я – оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени.

Поведение Рибке было зеркальным отражением манеры держаться Скорцени. Он сел в койке, сладко потянулся и гостеприимно сказал:

– Рад вас приветствовать, камрад. Вы приехали принять командование? Не завидую. Это не солдаты, а настоящее отребье.

Рибке поднялся, прошел к столу, зубами вытащил пробку из початой бутылки с вином и сделал несколько глотков. Скорцени понял, что они с Рибке одного поля

ягоды. Его наглость наткнулась на наглость еще более бесстыдную. Наглость отчаяния, когда терять уже абсолютно нечего.

– Это не моя проблема, – открестился от командования Скорцени. – Фюрер поручил вашему батальону выполнение особо важного задания. На рассвете 25 мая вы должны будете десантироваться в районе боснийского города Дрвар, окружить и уничтожить штаб Тито. Если приказ не будет выполнен, вас расстреляют первым. Я об этом позабочусь. А сейчас я хотел бы обратиться к вашим солдатам.

Рибке с недоумением посмотрел на Скорцени. Произносить речи перед этим сборищем откровенных бандитов – более идиотское занятие трудно было придумать. Тем не менее, разубеждать высокопоставленного гостя он не стал.

– Ну, конечно, герр оберштурмбаннфюрер. Ваша речь, несомненно, поможет укрепить их боевой дух, – Рибке даже не пытался скрыть иронию. – Только рекомендую взять охрану, – добавил он.

Жилье командира батальона по сравнению с казармой парашютистов смотрелось операционной сдвинутого на чистоте хирурга. При первом взгляде создавалось ощущение, что в ней не убирали годами. Под потолком горело всего несколько электрических лампочек. Остальные были либо разбиты, либо перегорели. В воздухе плавали плотные облака табачного дыма. Слежавшийся мусор покрывал пол. Да и населявшие казарму парашютисты смотрелись такими же отбросами. Грязные, в мятой, давно не стиранной форме, они, собравшись кучками под еще светившимися лампочками, выпивали, играли в карты, что-то ели. Появление Скорцени они просто не заметили.

– Хайль Гитлер! – поприветствовал это разбойничье сборище Отто Скорцени. Взгляды обратились в его сторону. Некоторое время оберштурмбаннфюрера явно оценивали, но, видимо, сильного впечатления он не произвел, поскольку из темноты зазвучали откровенно издевательские реплики.

– Добрый вечер, незнакомец!

– Привет!

– Пошел ты!

– Посмотрите, какой хлыщ! Должно быть, прямо из Берлина.

– Вали отсюда, штабная крыса!

Пожелания, летевшие в адрес Скорцени, были не только оскорбительными, но и откровенно угрожающими. Однако оберштурмбаннфюрер был отнюдь не новичком в общении с подобной публикой, и испугать его не удалось.

– Смирно, мерзавцы! – заорал взбешенный Скорцени.

В ответ кто-то выстрелил в его сторону. Стреляли, правда, не прицельно, а только, чтобы напугать. Пуля попала в притолоку, почти на метр выше головы оберштурмбаннфюрера.

– Рибке! – позвал Скорцени, и тут же в казарму вбежал с пистолетом в руке гауптштурмфюрер, а за ним два десятка головорезов из дивизии «Бранденбург», которые сразу же навели автоматы на разбушевавшихся парашютистов. Теперь, когда сила была на его стороне, оберштурмбаннфюрер готов был продолжить разговор.

– Кто стрелял?! – рявкнул он, обводя взглядом притихших солдат.

Ответа, естественно, не последовало. Нимало не смущенный этим, Скорцени повернулся к Рибке.

– Гауптштурмфюрер, отсчитайте каждого двадцатого и расстреляйте, – распорядился Скорцени.

– Но… – начал командир батальона. Скорцени не дал ему договорить.

– Выполняйте!

Командир батальона смерил взглядом Скорцени и спокойно, будто оберштурмбаннфюрер попросил его о невозможном в силу важных причин одолжении, ответил:

– Извините, в мои служебные обязанности это не входит, – и отошел в сторону, откровенно демонстрируя, что в экзекуции, затеянной Скорцени, он ни за что принимать участия не будет. По всей видимости, этот жест был оценен его солдатами, поскольку вперед вышел здоровенный эсэсовец в расстегнутом мундире и сквозь зубы процедил:

– Ну, я… Предохранитель неисправен.

Его объяснение, однако, Скорцени не устроило.

– Расстрелять, – приказал он бранденбуржцам, и те уволокли парашютиста, заломив ему руки за спину.

– Напрасно… – тихо сказал Рибке, но Скорцени уже вошел в раж, остановить его было невозможно.

– Молчать! – надсаживал глотку «первый диверсант рейха». – Солдаты! Вы – позор войск СС. Но теперь у вас появилась возможность оправдаться перед рейхом и фюрером и вернуть себе уважение товарищей. Нам предстоит покончить с главарями югославских партизан. Проверить оружие и парашюты. Выступаем завтра.

Босния. Штаб маршала Тито

На небольшой полянке перед входом в Дрварские пещеры беседовали полковник Ковач и человек неопределенного возраста в мундире без знаков различия. В гестапо на него давно уже было заведено досье. В нем он проходил как капитан Белич, начальник контрразведки в штабе НОАЮ. Но, как звали его на самом деле, не знали ни немцы, ни подчиненные. Собеседники говорили очень тихо, почти не разжимая губ. До стоявшего в десяти метрах часового не доносилось ни звука. Издали казалось, что два командира просто любуются чудесным закатом.

– Мне пришлось доложить маршалу о том, что в штабе действует немецкий агент, – сообщил коллеге Ковач.

– То, что доложили, правильно, – одобрил контрразведчик. – А вот в том, что это непременно немецкий агент, не уверен.

Полковник, однако, стоял на своем.

– Авианалет и диверсия были согласованы. А бомбила немецкая авиация.

– Возможна цепочка, – выдвинул предположение Белич. – У нас сидит агент усташей или четников, а те послушно переправляют полученную от него информацию в Берлин.

Ковач не стал спорить. Предположение было вполне разумным. Поэтому он лишь устало вздохнул:

– В общем, проверять придется всех.

– Ну, зачем. Только тех, кто в эту ночь находился в штабе, – успокоил Белич. – То есть 47 человек. Я уже допросил часовых: посторонних в пещерах не было.

– Если исключить маршала и старших офицеров, то остаются… – начал Ковач.

– 27 человек, в том числе вы и я, – закончил за него контрразведчик.

Бессарабия. 46-я армия 3-го Украинского фронта

Машина, как и обещал майор, пришла через двадцать минут. Впрочем, этого времени вполне хватило и на сборы, и на то, чтобы перекурить перед дорогой. Занятие было привычное и особых волнений, как и хлопот не вызвало. Беспокоился, пожалуй, только Семеныч, который за войну проводил не одну группу за линию фронта. Вот только вернулись далеко не все. Можаев и Калуев как старшие и самые опытные на плохо скрытую тревогу годившегося им всем в отцы пожилого сержанта особого внимания не обращали. Нелюдимого Белова Семеныч не слишком жаловал. В итоге главным объектом его забот стал Тимур, которого эта опека ужасно смущала.

Но что мог сделать Семеныч для этого парнишки из Азербайджана, у которого за плечами всего-то и было, что школа, офицерское училище да полгода на фронте?! Разве что сунуть ему в вещевой мешок лишнюю банку консервов да тайком перекрестить его, когда Тимур, по-взрослому пожав сержанту руку, стал забираться в машину.

Майор смотрел на эту сцену с грустной улыбкой человека, понимающего и смятение Семеныча, и его страх за самого младшего в группе. Закинув свой вещмешок в кузов полуторки, где уже с удобством расположились его офицеры, Кузнецов сел в кабину и дал знак шоферу трогать. Сержант махнул на прощание рукой, Можаев в ответ с серьезной физиономией приложил ладонь к пилотке. Смешливый Тимур с трудом удержал расползающуюся улыбку, а Калуев и Белов, занятые своими мыслями, лишь кивнули. Машина взревела и вывернула с улицы на проселок.

Через семь километров пришлось остановиться. Пересечь рокаду, по которой двигался, по меньшей мере, танковый корпус, не было никакой возможности. Шофер попробовал было воткнуться между «виллисом» и санитарным автобусом, но тоненькая девушка-регулировщица в заляпанной грязью шинелке так строго замахала флажком, что он живо сдал назад. А колонна казалась бесконечной. Танки, полуторки с пехотой, бензовозы, орудийные упряжки, штабные машины и снова танки. Майор вылез из кабины, отошел в сторону от грохочущей, воющей моторами, густо пахнувшей не сгоревшей соляркой дороги и присел на поваленный телеграфный столб. Офицеры остались в кузове, откуда колонна была видна на километр в обе стороны. Зрелище было настолько впечатляющим, что Калуев толкнул в бок капитана.

– Вот это мощь! Эх! Её бы, Боря, в сорок первом. Дали бы немцам прикурить.

Можаев, который с не меньшим интересом рассматривал проходившую технику, сплюнул за борт, демонстрируя свое отношение к предположениям Калуева, и с уверенностью сказал:

– Да ни хрена бы не дали!

– Чего несешь?! – возмутился старший лейтенант. – Как не дали бы?!

– А так! Всё равно бы всё просрали, – объяснил Можаев. – Воевать не умели.

– Кто? – не понял Калуев.

– А никто, – сердясь на непонятливость друга, ответил Можаев. – Ни солдаты, ни генералы. Два года пришлось в эту немецкую школу ходить да кровью умываться, пока научились.

Тимур, привыкший к спорам друзей и потому пропустивший их перепалку мимо ушей, посмотрел на часы:

– Ого! Уже двадцать минут стоим. На аэродром опоздаем, – это было сказано так, будто им предстояло лететь на рейсовом самолете.

– Без нас не улетят, – успокоил Можаев.

Но вот прошла и последняя машина колонны.

– Поехали! – приказал майор.

Пока добрались до аэродрома, наступили сумерки. Однако с их приходом жизнь на летном поле не затихла. Прогревали моторы ночные бомбардировщики, проезжали машины, развозившие бомбы, горючее, боеприпасы. В этой авиационной суматохе они с трудом разыскали свой Ли-2Д.

У самолета Кузнецова ждали рассерженный опозданием группы полковник Вахлин и шесть десантников – такие же оперативники-смершевцы, хорошо знакомые майору по совместным операциям. Выслушав от начальника очередную порцию угроз и нотаций, Кузнецов, несмотря на понукания полковника, взялся за проверку снаряжения.

В общем, все было в порядке: парашюты, боеприпасы, паек на два дня, личное оружие – автоматы, пистолеты, ножи, гранаты. Вопросы вызвал лишь огромный вещевой мешок Калуева. Толкнув его носком сапога, Кузнецов сухо поинтересовался:

– Что у вас там?

– Инструменты и запасные блоки к радиостанции, – бодро отрапортовал лейтенант. И для успокоения Кузнецова добавил. – Ничего лишнего, товарищ майор.

– Ремонтную мастерскую думаете открыть? – полюбопытствовал майор и непререкаемым тоном скомандовал. – Всё долой!

Калуев принялся разгружать мешок, а Кузнецов направился к пилотам. Те все приготовления закончили и теперь пили из термоса чай.

– Сбрасывать будем с первого захода, – предупредил майора командир экипажа. – Горючки для маневров не хватит. Еле-еле дотянем назад.

– Понятно, – протянул Кузнецов. То есть вывалят их абсолютно не прицельно с ошибкой в десятки километров.

– Тогда забирайтесь и поехали, – пилот завернул крышку термоса. – Майские ночи короткие. А под зенитки попадать не хочется.

– Можаев! Командуй посадку, – крикнул Кузнецов капитану. Десантники потянулись к самолету.

Проследив за посадкой, майор уже хотел и сам подняться на борт, когда его остановил Вахлин.

– Задача вам ясна? Максимально быстро найти штаб Тито. Вывести маршала из немецкого окружения. Подготовить площадку для приема самолета. Эвакуировать Тито и его штаб в безопасное место. Выполните, ваш провал забудут. Все понятно, майор? – скороговоркой выпалил он.

– Все понятно, товарищ полковник, – майор поднялся по трапу, втянул лесенку и с облегчением захлопнул люк. Пекшийся только о своей шкуре, Вахлин был ему глубоко противен.

Включились прожекторы, высвечивая взлетно-посадочную полосу. Рёв моторов стал оглушительным, и самолет, набирая скорость, покатился по узкому световому коридору. В конце его он оторвался от земли и тенью скользнул в небо.

Вахлин подошел к стоящей в стороне машине и сел рядом с водителем. С заднего сиденья его спросили:

– Проводил?

– Так точно, товарищ генерал! – развернулся всем телом Вахлин. – Это последняя, третья группа. Хотя бы одна должна дойти.

Босния. Штаб командующего группой армий «F» генерал-фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса

Совещание началось ровно в 23.00. Опаздывать к фон Вейхсу не решались даже командиры эсэсовских частей, формально подчинявшиеся непосредственно рейхсфюреру.

Оглядев собравшихся, командующий устало сказал:

– Итак, господа, какими силами мы располагаем? Докладывайте, Карл.

Полковник Зоммер подошел к висевшей на стене крупномасштабной карте западной части Балканского полуострова. Заглядывая время от времени в листок, он перечислил:

– Сегодня к 22.00 вокруг Дрвара сконцентрированы следующие силы: 15-й горный корпус, 373-я пехотная дивизия, 7-я дивизия СС «Принц Ойген», 202-й танковый батальон, 4-й полк дивизии «Бранденбург», 92-й гренадерский моторизованный полк и разведывательный батальон 1-й горнострелковой дивизии. Итого 20 тысяч человек. В десант входят парашютный батальон СС, усиленный двумя ротами 1-й парашютной дивизии и ротой дивизии «Бранденбург». Авиационную поддержку будут обеспечивать 100 бомбардировщиков и штурмовиков.

– А кто нам будет противостоять? – задал вопрос фон Вейхс.

– Штаб Тито прикрывает только батальон охраны, – доложил Зоммер. – Но в пятидесяти километрах от него дислоцируются 3-я и 6-я бригады Ликской дивизии партизан.

– Если они успеют быстро подойти, то раздавят десант, – заметил генерал Лотар Рендулич. Остальные офицеры лишь согласно кивнули: генерал был прав.

– Радиоцентр Тито выведен из строя, – объяснил Зоммер. – Они, конечно, могут послать связного с просьбой о помощи, но дорога туда и обратно займет, как минимум, двое суток.

Фон Вейхс, опасаясь новых неприятных вопросов, решил на этом прекратить обсуждение плана. Он не хуже, а, пожалуй, лучше других видел все его недостатки и прорехи, но операция «Ход конем» была санкционирована самим фюрером, и проводить её все равно придется, что в ней ни смущало бы генералов.

– Картина ясна, – резюмировал фельдмаршал. – Командующим операции назначаю генерала фон Лейзера. Генерал Рендулич поддержит его части танками. Из кольца не должен выйти ни один партизан. Все свободны. Карл! Вас прошу задержаться.

Кабинет опустел, лишь полковник Зоммер продолжал стоять у карты. Командующий подошел к нему.

– Полковник, вы, кажется, хотели навестить свою семью. Помнится, она в Кельне? Обещаю отпуск сразу же после окончания операции. Суток вам хватит?

Лицо Зоммера побледнело. Он нервно сглотнул, но спустя несколько секунд все-таки смог справиться с волнением.

– Спасибо, господин фельдмаршал. Но эта необходимость отпала, – полковник, еще недавно четко докладывавший диспозицию операции, теперь говорил с трудом. – Час назад мне передали записку от матери. Жена и обе дочки погибли вчера днем во время воздушного налета янки.

Потрясенный фон Вейхс протянул к нему руки, словно пытаясь поддержать своего адъютанта.

– Карл! Какой ужас! Примите мои соболезнования. Вам, конечно, надо присутствовать на похоронах.

– Хоронить нечего. От них ничего не осталось.

На борту самолета Ли-2Д

В железных внутренностях самолета было темно, холодно и очень шумно от работающих двигателей. Десантники, кое-как устроившись на узких лавочках, укрепленных по бортам, дремали или, закрыв глаза, думали о своем. Тимур Мамедов, для которого предстоящий прыжок был вторым в жизни (первый раз он прыгнул с парашютом в училище), прикоснулся к руке сидевшего рядом Белова и, напрягая голос, радостно сообщил ему:

– Босния – ведь это Югославия! Заграница!

Белов отнесся к этой информации без особого энтузиазма.

– Да какая разница! Фашисты – те же, – и попробовал опять заснуть.

Капитан Можаев, в принципе разделявший мнение Белова, проворчал:

– Лучше вспомните инструкцию по десантированию, Мамедов. А то придется вас с дерева снимать или из болота выковыривать.

Но из-за гула моторов Тимур его все равно не услышал. Да если бы и услышал, едва ли это настроило его на серьезный лад. Для него, родившегося в маленьком городке, пусть и с древней историей, но все равно глубоко провинциальном и даже захолустном, и поездка в Баку, где он был один раз на слете пионеров, была событием огромного значения, которое можно бесконечно вспоминать и заново переживать. А теперь самолет везет его в другую страну. Другую!

Он, конечно, знал, что их немало и мир огромен, но это знание было чисто теоретическим, с его жизнью, проходившей на нескольких пыльных улочках, никак не связанным. А потому по большому счету и не очень нужным.

Тимур пытался представить Югославию и живущих там людей, но у него ничего не получалось. В голову лезли какие-то фраки, толстые буржуи с сигарами и почему-то Эйфелева башня, однажды увиденная на фотографии в журнале. В этом хаосе единственной точкой опоры была строчка из школьного учебника «Столица Югославии – Белград». А какой он, Белград? Такой же, как Баку или как Москва? Москву, по крайней мере, он много раз видел в кинохронике и гордился, что живет в стране с такой красивой столицей. Но, конечно, Белград ничуть не хуже, но, понятно, не такой большой, и Кремля там нет…

Над дверью, ведущей в кабину пилотов, зажглась красная лампа. Майор скомандовал:

– Приготовиться!

Десантники, пристегнув вытяжные тросики к лееру, выстроились в очередь к люку. Из кабины вышел второй пилот.

– Мы на месте, – сообщил он Кузнецову.

– Уверены? – уточнил майор.

– Если честно, то нет, – признался летчик. – Но горючки не осталось. Решайте, товарищ майор.

– Будем прыгать.

Зажглась зеленая лампа. Пилот открыл люк. За ним была беспросветная темень, в которой не светилась ни одна звезда.

24 мая 1944 года. День третий. Босния. Предположительно в окрестностях Дрвара

Летчики, – и за то спасибо, – выбросили десант на относительно ровную поляну. Как они сумели высмотреть её – их секрет. Никто не разбился, рук, ног не поломал, на дереве не завис. Оперативники споро собирали и закапывали парашюты. Майор огляделся.

– Все здесь? Рация в порядке?

– Да. Я проверил, – откликнулся радист.

Подошел насквозь мокрый Калуев, уселся на землю и начал, чертыхаясь, переобуваться. Поймав вопросительный взгляд Кузнецова, пояснил:

– Товарищ майор, не поверите! Меня опять в болото сбросили.

Саше Калуеву катастрофически не везло. Семь десантирований в немецкий тыл, и каждый раз он приземлялся либо в ручей, либо в болото. Его друзья уверяли, что, если бы Калуева сбросили над Кара-Кумами, он бы и там умудрился вляпаться в какую-нибудь мокресть и промокнуть до нитки в самом центре безводной пустыни. Его знакомый, лейтенант Соколов, никогда не упускавший случая подтрунить над Калуевым, и на этот раз не преминул заметить:

– Ну, ты, Калуев, даешь! Еще ничего не случилось, а у тебя уже штаны мокрые.

Оперативники заржали.

Майор достал карту и подозвал Можаева.

– Мы должны были десантироваться в этом квадрате, – Кузнецов показал точку в нескольких километрах от Дрвара. – А где мы на самом деле, бог весть. Сейчас поднимемся вон на тот хребет и постараемся сориентироваться. Идем след в след. Ты выдвинись метров на двести вперед. Калуев! – подозвал он старшего лейтенанта. – Ты замыкаешь колонну. Вперед!

Солнце уже встало, но здесь, в глубоком распадке, было пока темно. Поэтому идти приходилось с опаской, при каждом шаге проверяя прочность опоры.

И, тем не менее, камни то и дело выскакивали из-под ног, предательски расползались в стороны. А когда на тебе еще навьючено не меньше двух пудов, сохранять равновесие очень трудно, и есть опасность, что не только сам упадешь, но и собьешь идущего за тобой товарища. Склон между тем становился все круче, и передние в цепочке уже ползли на коленях, помогая себе руками. Не привычные к горам люди задыхались, обливались потом, подбадриваемые только сердитым шёпотом идущего первым майора:

– Быстрее! Не отставать!

Лондон. Радиоцентр Подразделения по исполнению специальных операций (ИСО)

До окончания дежурства оставалось два часа. Спать хотелось невыносимо. Майор Роджерс разжился кружкой крепкого чая и отправился в радиоцентр, чтобы просмотреть пришедшие за ночь радиограммы. Он уселся за свободный стол и, отхлебывая чай, принялся сортировать уже расшифрованные донесения. Наиболее важные он откладывал в папку для утреннего доклада бригадиру. Но Роулинсон появился сам. Он вошел в зал, как всегда, элегантный, в отлично выглаженном костюме, благоухающий дорогим одеколоном и хорошим табаком.

– Есть что-нибудь интересное, майор? – вопрос был задан столь небрежным тоном, будто речь шла о театральной афише.

– Сэр, русские сообщают, что хотят перегнать второй транспортник С-47 на нашу итальянскую базу в Бари, – доложил Роджерс, подавая радиограмму бригадиру.

– Зачем? – удивился Роулинсон. – До этого они обходились одним самолетом. Не иначе что-то пронюхали. Как бы нам не сесть в лужу.

– Нам следует сообщить им об операции, которую готовят немцы, – с укором сказал майор.

Роулинсон мгновенно напрягся.

– Нет! Это приказ! – отрезал он и, резко развернувшись, вышел из радиоцентра.

Сербия. Полевой аэродром Люфтваффе в Кралево

По прибытии в Кралево Скорцени приказал устроить построение на окраине летного поля. Здесь же, рядом, готовили к предстоящему десанту громадные планеры и военные транспортники Ju 52. Особого любопытства они у солдат не вызвали. Большинство неоднократно с них прыгали. Зато проштрафившиеся эсэсовцы с нескрываемой подозрительностью рассматривали выстроенных рядом диверсантов из дивизии «Бранденбург». В ней служили почти исключительно фольксдойче из оккупированных рейхом стран, эмигранты и бывшие уголовники. Их зверства вызывали отвращение даже у представителей частей ваффен-СС, которые и сами были не слишком разборчивы в средствах. Бранденбуржцы отвечали им такими же враждебными взглядами. Впрочем, Скорцени это совершенно не беспокоило. Вместе с Куртом Рибке он обошел строй десантников и остался вполне доволен.

– Гауптштурмфюрер, распорядитесь, чтобы солдат накормили, а потом займитесь проверкой снаряжения. Личный состав батальона и приданные подразделения нужно будет разделить на группы и перед каждой поставить задачу, – дал он указания Рибке, прежде чем отправиться отдыхать.

– Я предпочел бы немного поспать, – уставший Рибке зевнул прямо в лицо Скорцени. – Эта дорога по горным серпантинам вымотала до предела.

– Отдыхать будете после завершения операции, – с нажимом ответил ему «любимец фюрера».

– А вы уверены, господин оберштурмбаннфюрер, что у нас такая возможность будет, – ничуть не смутившись, возразил Рибке. – Ведь до сих пор не ясно, кто же будет нас вытаскивать из Дрвара. Господи! Какое же это варварское название – «Дрвар». Язык сломать можно, – демонстративно забыв откозырять, командир батальона повернулся к Скорцени спиной и направился к своим офицерам.

Босния. В расположении дивизии СС «Принц Ойген»

Надо признать, что пока формирование кольца вокруг Дрвара шло в соответствии с планом Зоммера. Неизбежные отклонения, которые всегда возникают при реализации расчетов штабов, были незначительными. Немецкие части занимали города и деревни, перекрывали дороги и даже горные тропы. И сразу же начиналась «проверка лояльности населения», которая велась особенно жестоко там, где действовали подразделения дивизии СС «Принц Ойген». Она специализировалась именно на карательных операциях. Их порядок и ход были хорошо отработаны во время предыдущих «зачисток местности». Солдаты выгоняли мирных жителей из домов и тут же их расстреливали. Не брезговали они и мародерством. Как и поджоги, оно было составной частью акций устрашения. А в «партизанских районах» убийства гражданских лиц принимали исключительно массовый характер. По официальным данным, которые, как считают многие военные историки, сильно занижены, за время оккупации Югославии от рук карателей погибли свыше 750 тысяч человек.

Постоянно озираясь, по улице шли три солдата. Это были албанцы из полка «Скандербек» дивизии «Принц Ойген». Оружие у них было наготове, хотя никто из обитателей городка и не думал сопротивляться. И, тем не менее, каратели оставались настороже. Бедная лавка скобяных товаров их не заинтересовала. Посовещавшись, они направились к небольшой православной церкви, стоявшей в конце улицы. Один из албанцев широко распахнул дверь. Двое других вскинули автоматы. До самого алтаря церковь была заполнена испуганными женщинами и детьми. Увидев солдат, вперед вышел седой православный священник. Широко раскинув руки, как бы прикрывая своих прихожан, он попытался преградить дорогу албанцам. Солдат примирительно улыбнулся старику и осторожно прикрыл дверь.

– Энвер, они готовы уйти к Аллаху, – сообщил он товарищу.

– Счастливой им дороги! – засмеялся тот.

Албанцы приготовились. По команде дверь открыли, и в церковь полетели три гранаты.

Пока солдаты «наводили порядок» в городе, генерал фон Лейзер и командир дивизии «Принц Ойген» генерал-майор Карл Рейхсриттер фон Оберкамп пили кофе в доме бургомистра. Из-за жары окна были распахнуты настежь, и в них залетали не только крики избиваемых жителей, но и едкий запах гари от подожженных домов. И то, и другое неимоверно раздражало фон Лейзера. Он периодически прикладывал к лицу надушенный платок, пытаясь приглушить эту ужасную вонь, но от воплей и звуков автоматных очередей платок, естественно, не спасал.

– Генерал, вы все-таки командуете боевой дивизией, а не зондеркомандой. Неужели с населением нельзя обходиться более деликатно? – с нескрываемой досадой заметил фон Лейзер, делая знак адъютанту закрыть окна.

Фон Оберкамп, который прямо-таки гордился своей грубостью, считая её необходимой чертой характера настоящего солдата, лишь усмехнулся при виде подобной изнеженности.

– Извините, но чистоплюйство здесь неуместно, – фон Оберкамп даже встал, чтобы его отповедь звучала внушительнее. – Мы выполняем грязную, но очень важную для рейха работу. Мирных жителей здесь нет. Каждый готов перерезать горло мне или любому моему солдату. Здесь возможна только тактика «выжженной земли».

Оставьте в живых хоть одного старика, хоть одного мальчишку, завтра получите пулю в спину.

Фон Лейзер, который считал Оберкампа дураком и солдафоном, лишь махнул рукой.

– Делайте, как знаете. Главное – чтобы партизаны не вырвались из окружения. В нашем распоряжении меньше суток. Завтра с рассветом начинаем наступление.

Босния. Предположительно в окрестностях Дрвара

На сравнительно ровную площадку у самой кромки гребня выбрались, что называется, из последних сил. Майор и Можаев полезли выше, чтобы, наконец, определиться на местности, а остальные повалились на росшую здесь чахлую травку. Тимур, устроившись рядом с Беловым, с восхищением разглядывал простиравшиеся до горизонта горы.

– То вверх, то вниз, язык уже на плече, – недовольно сказал лейтенант и начал перекладывать вещмешок. Лежавший в нем запасной диск к автомату от тряски переместился и немилосердно давил на хребет.

– Как у меня дома. Красиво! – не обращая внимания на ворчание друга, заметил Мамедов.

Лейтенант бросил взгляд на расстилавшиеся внизу хребты, ущелья, крохотные долины.

– Обороняться удобно, – одобрил Белов. – Вон там поставь пулемет, и весь склон можно простреливать.

Тимур с удивлением посмотрел на товарища, упорно не замечавшего всю эту красоту.

– Петя, ты сколько фрицев убил? – спросил он неожиданно.

– Зачем тебе? – с подозрением поинтересовался Белов. – Много.

– А кроме фрицев, Петя, есть еще люди. Хорошие. И горы, они не только для обороны, – объяснил Тимур.

Пристроившийся тремя метрами выше капитан Можаев, который слово «красиво» применял исключительно по отношению к женскому полу, прервал лекцию Тимура, прошипев сверху:

– Вы, философы хреновы, заткнетесь когда-нибудь! – и вновь приник к биноклю. – Черт! Ни одного приметного ориентира. Как к карте привязаться?

– Посмотри левее! – посоветовал Кузнецов.

Над рощей, видневшейся примерно в километре от них, поднимался прозрачный дымок то ли топящегося очага, то ли костра.

– Интересно, что за пионеры там картошку пекут? – капитан осмотрел лежащую внизу долину, за которой поднимался новый хребет, но ничего подозрительного больше не обнаружил.

– Надо подобраться поближе, – решил майор. – Калуев, – окликнул он лейтенанта, – я с Можаевым и Беловым на разведку. Ты остаешься за старшего.

Спуск к зеленевшей внизу дубовой роще особых усилий не потребовал: склон был довольно пологим. Дубки были невысокие, с тонкими стволами и больше походили на кусты. Зато укрытием они были идеальным. К лежащей за рощей поляне удалось подойти настолько тихо, что даже птицы не прервали свой утренний концерт.

На противоположной стороне поляны стояло несколько шалашей, крытых кусками рваного брезента. Между ними был вкопан стол с двумя длинными лавками. Дальше просматривался примитивный очаг, дым которого и заметил Кузнецов. По лагерю слонялись несколько вооруженных человек. Заметив их, десантники залегли.

– Оружие разномастное. Мундиры вроде не немецкие. А вид разбойничий, - майор оторвал от глаз бинокль.

– Может, партизаны? – предположил лежащий рядом с майором Можаев.

– Может, и они, – согласился майор и, помолчав, добавил. – А, может, и четники.

– Это еще кто такие? – удивился Можаев.

– Остатки королевской армии, – пояснил Кузнецов, который успел перед отлетом прочесть ориентировки по Югославии. – Сначала воевали с немцами, а потом поняли, что те им куда ближе, чем партизаны-коммунисты. В общем, они сами за себя. В любом случае отряд небольшой. Я насчитал всего семь человек.

– Немцы, партизаны, четники… Не много ли на одну страну? – покрутил головой капитан.

– А еще усташи, албанцы, итальянцы, болгары, – добавил Кузнецов.

– Это же прямо какое-то ведьмино варево, – ахнул Можаев.

– Вот-вот. Но пробовать его все равно придется. Поэтому давай-ка, Можаев, прогуляемся к ним.

– Я тоже иду? – спросил подползший к ним Белов.

– Само собой, – подмигнул ему Можаев, который был человеком отходчивым и успел забыть о недавнем промахе лейтенанта. – Подстрахуешь, если что.

А день потихоньку разгорался. И был он ярким, с промытым весенними дождями прозрачным воздухом, с раскрашенными во все оттенки зеленого горами, и голубым праздничным небом, по которому неспешно плыли пухлые белоснежные облака. Хотя маловероятно, что хоть один из офицеров заметил это великолепие. Не до того было. Хотелось поспать пару часов да что-нибудь съесть. Чай, которым их напоили в летной столовой, – не в счет. Впрочем, мысли о еде сейчас отошли на задний план – насколько они могли судить, публика в лагере выглядела совсем не мирно.

Чтобы не настораживать «партизан», – это предположение, скорее всего, было наиболее близко к истине, – автоматы решили оставить в лесу. Сложив оружие под приметным кустом, десантники, не прячась, зашагали к шалашам. Надо отдать должное их обитателям, смершевцев заметили сразу же, стоило тем отделиться от деревьев. В лагере послышались возбужденные голоса, началась суета, но никаких враждебных действий не последовало. Навстречу советским десантникам вышли трое увешанных оружием бородачей в старых мундирах Югославской королевской армии. Один из них, по всей видимости, старший, повелительно поднял руку и спросил:

– Стоп! Ко си ти?

Сербский язык, если человек говорит медленно, не так уж сложен для русского уха. Кузнецов понял, что командир «партизан» интересуется, кто они.

– Мы советские солдаты, – четко выговаривая каждое слово, ответил майор и, в свою очередь, задал вопрос. – А кто вы?

Надо полагать, что хозяева лагеря также поняли майора, потому что ответ последовал незамедлительно.

– Југословенска армија у домовини. Капетан Драгхици.

– Это четники. Осторожно! – шепотом предупредил своих майор, а затем громко произнес: – Мы пробираемся в район Дрвара, к своим друзьям. Покажете дорогу?

– Ми показујемо, – пообещал командир и повел рукой в сторону лагеря. – Дођите на табели.

– К столу приглашают, – перевел Можаеву и Белову майор. – Будьте наготове.

В лагерь проследовали в следующем порядке: впереди шел командир четников, за ним десантники, а сзади топали два бородача, фактически конвоируя гостей. Тот же порядок был воспроизведен и за столом. Усадив советских офицеров, капитан Драги разместился напротив. Его люди встали за спиной у десантников. Правда, их оружие пока оставалось за спиной. Заметив эти маневры, майор стоящую перед ним начищенную до зеркального блеска металлическую кружку переставил так, чтобы видеть в отражении, что происходит сзади.

– Па, где идеш, добри људи? – светски начал беседу четник.

– Идем издалека, – стараясь не отстать от капитана Драги, майор изобразил как можно более доброжелательную улыбку. – А попасть нам нужно в Дрвар.

– Не! – расплылся в улыбке четник. – Треба да оближњег немачком жандармерије, – и неожиданно заорал. – Оружје – на столу!

Кузнецов сверился с импровизированным зеркалом: услышав команду капитана, четники взяли автоматы на изготовку.

– Зря вы так, – с укоризной сказал майор.

Четники, конечно, были опытными, но обычными солдатами и в рукопашной против прошедших специальную подготовку смершевцев как бойцы стоили немного.

Майор, Можаев, Белов не только двигались с такой быстротой, что четники не успевали уследить за ними, но и каждый их удар был смертельным, поэтому о серьезном сопротивлении и речи быть не могло.

Кузнецов, резко откинувшись назад, выхватил у стоявшего за ним четника автомат. Один выстрел в капитана Драги, который и моргнуть не успел, и очередь по его солдатам. Можаев и Белов действовали ножами. Капитан молниеносно нанес два удара, и двое четников уже лежали бездыханными на земле. Белов свалил одного партизана, воткнув ему финку в глаз, но второй солдат, стоявший в нескольких метрах от стола, попробовал дать отпор. Нож, брошенный Беловым, он отбил автоматом, а вот выстрелить не успел: лейтенант сделал ему подсечку. Однако падая, он увлек за собой Белова, и тут сказались физические преимущества, – четник был на голову выше лейтенанта и килограммов на тридцать тяжелее. Перевернувшись, он всей массой навалился на Белова и уже подбирался к его горлу, когда подбежавший майор всадил ему в затылок нож. Спихнув с себя мертвое тело, Белов с трудом поднялся и с признательностью посмотрел на Кузнецова. Тот уже осматривал тела четников. Живых среди них не было.

– Приехали! Ничему жизнь не учит, – майор в сердцах даже выругался. – А дорогу на Дрвар нам кто покажет?!

В этот момент из кустов выскочили остальные члены группы. Они услышали стрельбу и поспешили на помощь.

– Все нормально, – успокоил их майор. – На четников наткнулись. Нужно идти дальше.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

Гиммлер обладал колоссальной работоспособностью и умудрялся держать в голове несколько дел сразу. И что еще важнее, он умел оценивать их приоритетность. Но главным движителем его поступков были отнюдь не интересы рейха или призрачные цели созданного им общества Аненербе, а борьба за власть. В нацистской Германии ею наделял только один человек – Гитлер, и чем больше рейхсфюрер был ему необходим, тем большие возможности появлялись у Гиммлера, тем больше было шансов оттеснить от руководства страной других сподвижников фюрера.

Эта грызня настолько занимала умы нацистской верхушки, что они не могли отказаться от неё даже сейчас, когда над Третьим рейхом нависла угроза поражения в войне.

Русские готовились войти в Польшу и Румынию, англичане и американцы уже хозяйничали в Италии, и не было секретом, что не сегодня завтра они высадятся во Франции, и, значит, Германия получит второй фронт. Из-за нехватки ресурсов падало промышленное производство. Многие заводы были разрушены бомбардировками. Сателлиты рейха лихорадочно искали возможность переметнуться на сторону победителей. Но в этой обстановке надвигающейся катастрофы мысли Гиммлера были заняты исключительно операцией «Ход конем».

Если она удастся, а рейхсфюрер на это надеялся, он сможет подмять под себя и Вермахт, и этих надменных прусских аристократов с генеральскими погонами.

Докладов Россмана он ждал с нетерпением мальчишки, считающего часы до начала праздника, и, когда гаупштурмфюрер вошел в кабинет, даже забыл традиционно попенять ему на то, что он никак не научится стучать в дверь. Россман, понимая состояние шефа, не стал тянуть с отчетом.

– К настоящему моменту, герр рейхсфюрер, все участники операции «Ход конем» находятся на исходных позициях, – сообщил помощник. – Ночью кольцо вокруг Дрвара будет замкнуто. Первая волна самолетов с десантом вылетает в 5.00.

Гиммлер задумался. Всё ли предусмотрено? Все ли варианты развития событий учтены? Он прекрасно понимал, что забытая при планировании мелочь может затем легко превратиться в большую проблему и свести усилия многих людей на нет.

– Наш агент выходил в эфир? – стекла очков рейхсфюрера требовательно блеснули.

– Нет, герр рейхсфюрер. Но наши передачи он должен слушать, – поспешил успокоить Гиммлера гауптштурмфюрер.

– Отдайте ему приказ: любые попытки Тито восстановить связь должны быть пресечены. Обещайте ему, что угодно. Хоть королевскую корону. Маловероятно, что у него появится шанс напомнить об этом обещании, – мрачно пошутил рейхсфюрер.

Босния. Штаб маршала Тито

В неглубокой пещере, скорее, нише в стене туннеля едва помещались маленький стол и два табурета. Но зато это была самая дальняя выработка, бойцы и штабные забредали сюда редко, и начальнику контрразведки Беличу никто не мешал работать. Сейчас он расспрашивал бойца охраны, который в момент диверсии находился рядом с радиоцентром.

– Значит, ты стоял на посту в тоннеле, который ведет к радиоцентру? – на всякий случай переспросил Белич.

– Точно, – боец, простой крестьянский парень, всего полгода служивший в штабе, от застенчивости старался отвечать покороче.

– Ты видел тех, кто туда заходил? – допытывался контрразведчик.

– Нет. Пост ведь за углом, – удивился такому вопросу парень, однако сразу же поправился. – Но проходили люди мимо меня.

– Кто мимо тебя прошел в промежутке между двумя часами ночи и тремя? – гнул свое Белич.

– Так у меня же часов нет. А проходили многие. Ведь в конце штольни оперативный отдел. Туда много народа ходит.

– Вспоминай! Всех вспоминай! – настаивал Белич.

– Начальник штаба…, – парень от усердия наморщил лоб, пытаясь восстановить в памяти ту ночь.

– Дальше, – потребовал контрразведчик.

– Капитан Гаврилович, потом две девушки-переводчицы – Йованка и Миляна. Этот из снабжения… Как его? Минич! Потом босняки из охраны Гарун и Тарик, – понемногу разгонялся боец. – Ну, понятно, командиры из оперативного – Кандич, Адо и как его, Рашкович. А! Вот ещё! Наши ребята два стола притащили в радиоцентр. Но они сразу же ушли. Вроде все.

– Точно все?

Боец задумался.

– Пожалуй, все. Нет! – вспомнил он. – Прошел еще командир разведчиков товарищ Петрич. Он еще мне замечание сделал за то, что я на посту хлеб жевал.

Лондон. Альберт-холл

Бригадир Роулинсон уже минут десять торчал в фойе, ожидая, когда Черчилль закончит свое выступление. Судя по дружным аплодисментам и одобрительным выкрикам, премьер-министра принимали тепло. Роулинсон подошел поближе к двери, ведущей в зал, и прислушался. Похоже, Черчилль заканчивал.

– Вы меня спросите, каков же наш политический курс? Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе, со всей мощью и силой, какую дает нам Бог; вести войну против чудовищной тирании, превосходящей любое человеческое преступление. Вот наш курс, – Черчилль сделал паузу, которая еще больше накалила атмосферу в зале. – Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь; потому что без победы не будет жизни. И в этот момент я чувствую себя вправе настаивать на всеобщей поддержке, и я призываю: «Идемте же, идемте вперед единой силой».

Этот потомок воинственных герцогов Мальборо был, вне всяких сомнений, настоящим вождем и блестящим оратором. Он продемонстрировал несгибаемую волю к победе в тяжелом 1940-м, когда даже члены его кабинета готовы были пойти на соглашение с Гитлером. Его речи помогли выиграть воздушную «Битву за Британию». На протяжении всей войны они вселяли оптимизм в нацию и уверенность в том, что Германия будет повержена.

Выступление было закончено, и Черчилля ждали другие дела. Из зала он вышел походкой человека, стремящегося растянуть сутки, как минимум, еще на десять часов. Однако, завидев ожидающего его Роулинсона, премьер-министр резко затормозил.

– А, бригадир! Что у вас? – небрежно бросил Черчилль и, не удержавшись, поморщился. Настойчивость Роулинсона в вопросе о Тито мешала сосредоточиться на других проблемах, которые премьер-министр считал более важными.

– Господин премьер-министр, должен вас проинформировать. По данным наших агентов, немцы сконцентрировали в западной Боснии почти 20 тысяч солдат.

Лицо Черчилля стало откровенно недовольным.

– Джеймс, я вам уже говорил: Тито – союзник Сталина. Пусть выпутывается сам, – и, считая, что разговор закончен, Черчилль стал отыскивать взглядом офицера-порученца.

– Но он и наш союзник. И враг Германии, – стоял на своем Роулинсон, представления которого о союзнических обязательствах были менее гибкими, чем у премьер-министра.

– Я не спорю, Джеймс, – с раздражением ответил Черчилль. – Но почему бы Германии не поработать на нас.

Босния. В окрестностях Дрвара

Подгоняемые звонками из Берлина немцы спешно готовились к активной фазе операции «Ход конем». Силы ими были задействованы немалые. В Югославии подобная концентрация войск на сравнительно небольшой территории осуществлялась германским командованием впервые с весны 1943 года, когда проводились операции «Вайсс I» и «Вайсс II». В историю югославского партизанского движения эти кровопролитные сражения вошли как «Битва на Неретве». Но тогда вермахту и частям союзников Германии противостояли все-таки два корпуса НОАЮ и, кроме того, несколько отдельных отрядов. Общая численность партизан доходила до 25 тысяч человек. Теперь же штаб Тито защищал всего один батальон. Для немцев это был уникальный шанс. И надо было постараться реализовать его как можно быстрее.

Малейшая утечка информации, и Тито тут же подтянул бы в район Дрвара свою партизанскую армию, которая за последний год значительно усилилась. В таком случае вместо ликвидации руководства НОАЮ Вермахт получил бы затяжные бои, результат которых командующий группой армий «F» Максимилиан фон Вейхс, несмотря на свой колоссальный военный опыт, не взялся бы предсказать. Сознавая это, немцы старались запечатать мешок максимально плотно. И им это почти удалось. До выброски парашютно-десантного батальона СС 500 оставались уже считанные часы, а партизаны были по-прежнему в неведении относительно нависшей над ними угрозы.

Босния. Штаб маршала Тито

Переворошив кучу личных дел работников штаба, просмотрев донесения разведчиков за последние месяцы и не найдя в итоге ни одной зацепки, которая помогла бы выйти на немецкого агента, полковник Ковач понял, что надо сделать перерыв и хорошенько прочистить мозги. Он запер бумаги в сейф и вышел из туннеля на свежий воздух.

На поляне шло занятие по минному делу. Бойцы устанавливали мины, затем другая группа должна была, пользуясь щупами, обнаружить их и снять взрыватели. Некоторое время полковник наблюдал за ними, даже не стараясь понять, правильно ли они действуют. В голове крутились имена подозреваемых, их биографии, характеристики. Ковач выкурил сигарету и хотел уже вернуться в служившую ему кабинетом пещеру, когда к нему подошел капитан Белич.

– Вот список тех, кто перед взрывом мог выйти в туннель, ведущий к радиоцентру, – и контрразведчик протянул полковнику листок с фамилиями.

Ковач внимательно просмотрел список, потом пробежался по нему взглядом еще раз.

– Десять человек, – посчитал он. – Богатый улов. Только, что мы с ним будем делать?

– Сокращать список подозреваемых, – пожал плечами Белич. – Это очевидно. Другого варианта я не вижу.

– То есть подозреваются все? – уточнил Ковач. – Даже начальник разведчиков Петрич?

Контрразведчика покоробило такое выделение Петрича. Он, как и все в штабе, знал, что лихой командир разведгруппы ходит в любимчиках у полковника, что тот не только поручает ему самые сложные задания, но и активно продвигает по должностной лестнице.

– Я обязан подозревать всех, пока их невиновность не будет доказана, – подчеркнуто сухо сказал Белич. – А с Петричем как раз не все ясно. Вчера его узнал курсант из школы командиров. Перед войной он встретил Петрича в Белграде на улице. И тот был в мундире Королевской армии.

– Он никогда не говорил о своей службе в ней, – Ковач был явно озадачен этой неожиданной информацией.

– То-то и странно. А, значит, и подозрительно, – заключил Белич.

Босния. В окрестностях Дрвара

Десантники перевалили через очередной хребет и оказались в узкой лощине. Идти по ней смысла не было: по прикидкам майора, она вела в сторону от Дрвара. Ничего не оставалось, надо было опять подниматься в гору. Забравшееся в зенит солнце слепило глаза, сушило глотки, накаляло воздух так, что при каждом вдохе в легкие вливалась дополнительная порция жара. От пота промокли уже не только гимнастерки, но и надетые поверх них маскировочные комбинезоны.

Передохнуть удавалось лишь в те краткие минуты, пока Кузнецов с Можаевым осматривали с очередного гребня местность, безуспешно пытаясь наконец определиться. Вот и теперь, раздвинув кусты, они вглядывались в проходившую под ними дорогу. Но интересовала их не столько она, сколько расположенный сбоку от неё немецкий блокпост. За бруствером из мешков с песком сидели два пулеметчика. Рядом с опущенным шлагбаумом торчал скучающий автоматчик. За шоссе начинался лес.

– Может, это дорога на Дрвар? – с надеждой спросил Можаев майора.

– А может, на Конотоп, – ответил майор, разыскивая на карте хоть что-то похожее на это шоссе. – Уже семь часов мотаемся по этим горам. Теперь еще пост этот. Никак его не обойдешь. Разве что дождаться темноты.

– Они в темноте, если хоть звук услышат, одной ракетой на километр всё высветят. – Не удержавшись, капитан отчаянно зевнул.

– Точно. Да и времени у нас нет. Надо их убрать от греха подальше, – решил майор и позвал громким шёпотом. – Калуев! Мамедов!

Офицеры подползли к командиру.

– Уничтожить! Только без лишнего шума, – приказал Кузнецов, указывая на блокпост.

– Ясно, – кивнул головой старший лейтенант. И, обращаясь к Тимуру, пояснил, – Автоматчик – твой. У пулемета – мои.

Сразу за гребнем начиналась высокая трава. Сверху было хорошо видно, как скользят в ней, не выдавая себя ни шорохом, ни движением травинки, десантники. А уж находившиеся в конце склона немцы, даже если бы и всматривались, все равно ничего не заметили бы. Да и не ожидали они с этой стороны опасности. Подобравшись метров на десять, оперативники одновременно встали. Постовые продолжали смотреть в сторону поворота, где дорога заворачивала за скалу. Калуев тихонько свистнул. Немцы разом обернулись.

– Гутен таг, господа! – вежливо сказал Калуев, а Тимур Мамедов взмахнул рукой, и автоматчик у шлагбаума повалился на землю с ножом в горле. Одновременно Калуев сделал два выстрела. Каждый раз точно в сердце. Десантники подошли к блокпосту, но ничего настораживающего там не обнаружили.

– Ни телефона, ни рации нет, – поделился с Калуевым Тимур.

– Это хорошо, – обрадовался старший лейтенант. – Судя по большому термосу, смена раз в сутки.

Калуев откинул крышку термоса и запустил в него руку.

– Черт, а суп совсем холодный, значит, давно уже заступили, – заметил старлей, облизывая палец. – Но вкусный. Вот что, Тимур! Ты беги к нашим, поторопи их, а я пока дорогу держать буду.

– И суп кушать, – предположил Тимур.

– Да, и есть суп, – обиделся Саша Калуев. – Это – мой трофей. Кстати, вполне заслуженный. А ты, так и быть, можешь взять автомат.

– Нужно мне это немецкое барахло!

Тимур выбежал на шоссе и призывно замахал руками, давая знак остальным десантникам спускаться. Саша Калуев тем временем проверил пулемет и собрал гранаты у убитых немцев. Он хотел еще проверить запас лент, но тут сверху раздался свист. Появившийся на гребне Белов просигналил: идет машина. Калуев пристроился за пулеметом и передернул затвор.

Десантники один за другим быстро перебежали шоссе и скрылись в лесу. Кузнецов и Можаев залегли у обочины, чтобы в случае чего поддержать огнем Калуева.

– Принесло этих немцев! – посетовал майор. – Жаль, что не удалось тихо проскочить.

– Они могли бы решить, что это партизаны уничтожили пост, – заметил капитан.

– Возможно. Только какая разница, – ответил майор, не отрывая взгляда от дороги. – На уничтоженный пост они обязательно среагируют. А нам еще не известно, сколько идти, и попутчики в виде зондеркоманды нам ни к чему.

Звук карабкающегося в гору грузовика приближался. В кузове у него сидели полтора десятка автоматчиков. Выбравший позицию над самой дорогой Белов, как только грузовик оказался под ним, отправил в кузов одну за другой три гранаты. Заработал пулемет Калуева. Очередь, пройдя по ветровому стеклу, надвое перерезала сидевших в кабине шофера и офицера. Никем не управляемая машина врезалась в огромный валун. Из горящего кузова выпрыгнули несколько оставшихся в живых солдат. Они попробовали отстреливаться, но Белов, перед которым они были, как на ладони, методично уничтожил их одного за другим. Еще через минуту он был рядом с Калуевым. Тот уже снимал пулемет со станины.

– Давай быстрее! – поторопил его разгоряченный боем Белов.

– Спешка, Петя, нужна только при ловле блох, – рассудительно заметил старший лейтенант, укладывая остаток пулеметной ленты в цинк.

– Я сверху видел: за грузовиком шла штабная машина с рацией. Они сейчас вызовут подмогу.

– Это хуже, – движения Калуева оставались такими же размеренными.

– На кой черт тебе эта махина? – не выдержал Белов, помогая старлею с пулеметом.

– Пригодится. Нельзя такую роскошную машину оставлять, – рассудительно объяснил Калуев. – А ты прихвати запасные ленты.

Калуев взвалил пулемет на плечо, а Белову вручил коробку с лентами. Еще раз оглядев разгромленный блокпост и догоравшую машину, они бросились догонять ушедший отряд.

Босния. Штаб маршала Тито

Мало того, что лампа еле светила, она еще и немилосердно коптила. Ковач уже дважды поправлял фитиль, снимал с него нагар, но лучше не стало. Уж очень скверный был керосин. Командир разведчиков Петрич с улыбкой наблюдал за безуспешными попытками полковника справиться с еле горевшим фонарем. Заметив это, Ковач не преминул одернуть веселящегося разведчика:

– Драго, ты – начальник разведгруппы, а выглядишь, как разбойник с большой дороги. Мундир – немецкий, штаны словно с бедного пастуха снял. Сапоги – драные.

– Не до форса сейчас, – объяснил свой экзотический наряд Петрич, не переставая посмеиваться.

– Ты же не позволял себе ходить в таком виде, когда служил в королевской армии, – теперь Ковач внимательно следил за лицом своего собеседника.

– В королевской армии… Это давно было, – замялся Петрич.

– Так давно, что ты никогда даже не упоминал об этом факте, - тут же парировал полковник.

Но Петрич, поначалу огорошенный неожиданным вопросом, уже взял себя в руки. Неторопливо, с расстановкой он сказал, глядя в глаза полковнику:

– Служил я в армии честно. Стыдиться мне нечего. А если не упоминал, так к слову не пришлось. Или меня в чем-то подозревают?

– Никто тебя не подозревает, – смутился Ковач и начал опять поправлять задымивший фитиль. – Но все-таки скажи, что ты делал вчера в штабе между двумя и тремя часами утра?

– То есть перед диверсией в радиоцентре? – уточнил Петрич. – Все-таки подозреваете. Сидел в оперативном отделе и перерисовывал карты. Вы же сами приказали мне снять копии окрестностей Потоци.

Полковник вспомнил, что действительно давал такое распоряжение, но отступать не собирался.

– Почему ночью этим занимался?

– А у меня днем на это время есть?! – возмутился придирчивостью полковника разведчик.

– Ладно, забудь, – примирительно сказал Ковач. – Из Ликской дивизии ничего?

– Ничего, – покачал головой разведчик. – Я два часа назад выслал еще одну группу.

– Почему они молчат? – в голосе полковника была неподдельная тревога. Петрич в ответ только сокрушенно вздохнул.

Босния. В расположении дивизии СС «Принц Ойген»

У штабного автобуса, загнанного под огромные липы, за походным складным столом сидел командир дивизии бригадефюрер СС Карл фон Оберкамп. Его адъютант оберштурмфюрер Фридрих Кемпке стоял перед ним навытяжку, хотя пока их разговор носил неслужебный характер.

– Фридрих, какой чудесный запах! – генерал втянул носом воздух. – Начали цвести липы. Дома, в Баварии, я так любил это время. Май – месяц свиданий.

– Девушки остались в Германии, господин генерал, – почтительно заметил адъютант. – Здесь только чумазые боснийки да сербские неряхи. Меня тошнит от вида и тех, и других.

– Да, все осталось на родине. Но вернемся к делам, – фон Оберкамп заглянул в разложенные перед ним бумаги. – Поторопите господ офицеров. Уже 15.00, а я до сих пор не получил донесений о завершении окружения Дрвара. Быстрее! Быстрее надо действовать! Русская разведка явно что-то заподозрила. Вчера недалеко от Дрвара ночной истребитель сбил русский транспортник. А сегодня утром рота из дивизии «Кама» уничтожила группу диверсантов на дороге к тому же Дрвару. Кто они, установить не удалось, но оружие и рация производства Советов. Фридрих, все это неспроста, – генерал погрозил пальцем, как будто Кемпке лично отвечал за снаряжение русского десанта.

Из автобуса выпрыгнул радист-обершарфюрер. Оправив мундир, он строевым шагом подошел к столу бригадефюрера.

– Герр бригадефюрер, срочная радиограмма от унтерштурмфюрера Лея! – отрапортовал обершарфюрер. Генерал с раздражением посмотрел на радиста. Ничего хорошего он от Лея не ожидал.

– Что там еще? – недовольно пробурчал фон Оберкамп. – Вы никогда не обращали внимания, Фридрих, насколько несамостоятелен этот господин? Он по нужде не решится сходить без разрешения начальства.

Кемпке, давно знавший Лея и покровительствовавший ему, осмелился возразить:

– Простите, герр бригадефюрер, но, по-моему, вы не справедливы к Лею. У мальчика хороший послужной список. Он отлично зарекомендовал себя в лагерях по перевоспитанию врагов рейха. Конечно, у него нет боевого опыта…

– Вот именно. Читайте, Фридрих! Что докладывает этот сопляк?! – и генерал ткнул листок с радиограммой Кемпке.

– Ничего хорошего, – вынужден был признать адъютант, прочитав текст. – Как сообщает Лей, какая-то вооруженная группа пересекла дорогу Груборски Наслон – Дрвар и движется к Дрвару.

– Видите, Фридрих! Несомненно, это русские парашютисты, – фон Оберкамп, не отличавшийся большим умом, был доволен, что ему удалось доказать свою правоту в споре с адъютантом. – А Лей только помахал им рукой вслед и пожелал счастливого пути?

– Был бой, – пытался защитить своего подопечного Кемпке. – Наши потери – 17 солдат и двое младших офицеров.

– А с их стороны? – генерал хотел окончательно добить оппонента.

– Ничего, – смутился под таким напором Кемпке. – Лей предполагает, что они унесли трупы.

– Он – идиот! – заорал фон Оберкамп. – Совершенно ясно, что диверсанты идут на выручку штабу Тито. Фридрих, посадите роту албанцев на грузовики и выезжайте с ними в этот район. Организуйте преследование. Задействуйте соседние части. Лея за бездеятельность и трусость – под арест.

Босния. Штаб маршала Тито

Полковник Ковач и капитан Белич в который уже раз просматривали список подозреваемых.

– Сверим результаты, – предложил полковник. – У меня после проверки и очных ставок остались в списке двое: бойцы из батальона охраны Гарун Изетбегович и Тарик Силайджич. Что делали в промежуток времени перед взрывом, вспомнить не могут. Путаются в показаниях.

– У меня только одна фамилия – Рашкович. Говорит, что задремал за столом в штабе. Ничего не видел, ничего не помнит, – из клочка газеты и горсти крупно нарезанного табака капитан скрутил сигарету и закурил. – А что с Петричем?

– Ничего вразумительного он не сказал, – полковник рукой отогнал дым от на редкость ядовитой самокрутки капитана. – Дескать, никто не спрашивал о службе в армии, он и не говорил об этом. С другой стороны, как ему это поставить в вину?

– На всякий случай оставим его в списке, – Белич сделал у себя на листке пометку.

– Согласен, – не стал возражать Ковач. – Что дальше?

– Посмотрим, кто из этой четверки клюнет на живца.

Босния. В окрестностях Дрвара

Отряд, высланный Оберкампом, сразу же взял след десантников. Привычные к горам албанцы без труда брали подъемы, находили путь там, где равнинный житель застыл бы в недоумении и страхе. Им помогали овчарки, легко отслеживавшие запах чужих в послеполуденном застывшем воздухе. Расстояние между преследователями и преследуемыми неумолимо сокращалось.

Усталые десантники, которые много часов были на ногах, уже отчетливо слышала лай собак. Без знания местности шансов уйти от погони у них было немного. Всё, что оставалось, – это использовать любой клочок ровной земли, чтобы поднажать, где возможно, перейти на бег. Но в горном лесу, обильном зарослями колючего кустарника, особо не разбежишься.

– Грамотно гонят. Вот только куда? – не сказал, а просвистел иссохшим горлом Можаев. Бежавший с ним рядом Кузнецов только мотнул головой.

Они пробежали еще с десяток метров и вырвались из душной чащи на поляну. Перед ними влево и вправо уходила высокая скальная стена. Подняться на неё без альпинистского снаряжения было невозможно. Это сразу же стало ясно всем. Отряд был в ловушке.

– Приехали. Что будем делать, командир? – делая после каждого слова по глубокому вдоху, спросил капитан.

Времени на раздумье не было. Майор махнул рукой в направлении на запад.

– Сюда! Пусть солнце светит им в глаза. Попробуем выскользнуть из мешка. Можаев! Белов! В дозор! Ищите хоть тропочку, хоть щёлочку.

Можаев и Белов нырнули в невысокий подлесок у подножия скалы. Хотя оба и безмерно устали, но старались идти так, чтобы ни шорох, ни треск сломанной ветки не выдали их. Сами же они, опасаясь засады, внимательно прислушивались к каждому звуку. Шедший впереди Белов в какой-то момент сделал напарнику предостерегающий знак. Капитан замер, стараясь уловить, что насторожило лейтенанта. При всей обиде на Белова капитан признавал, что глаза у него были зорче и слух острее, чем у него. «К этому бы голову поумнее», – не удержался про себя от оговорки Можаев. Белов, между тем, уже скрылся за кустами, за которыми, как ему показалось, что-то мелькнуло или выпрямилась отпущенная чьей-то рукой ветка. Белов сделал еще несколько шагов, и тут ему в спину уперся ствол ружья. Что это ствол, а не палка, лейтенант почувствовал кожей. Он резко обернулся, вырвал ружье и врезал нападавшему прикладом. И только тут, когда залившая глаза кровавая муть спала, увидел, что сшиб на землю девушку. Разглядев, с кем он так легко справился, Белов густо покраснел. Последний раз он так смущался в школе, когда на вечере старшеклассница пригласила его на танец. Он помог девушке подняться и, взяв её за руку, потащил к Можаеву. Увидев, что лейтенант выволок из кустов пусть и порядком испачканную, но очень хорошенькую девушку, Можаев настолько оторопел, что только и смог произнести:

– Вот тебе и «язык»! Не ожидал от тебя, Петя, такой бойкости по женской части.

Подтянулись и остальные десантники. Вид вооруженных до зубов, небритых мужчин в одинаково грязных комбинезонах так испугал девушку, что она опустилась на колени и закрыла лицо руками, ожидая, что они убьют её. Оперативники с любопытством разглядывали незнакомку. Как-никак она была первым местным жителем. Немцы, которых они недавно уничтожили, и четники, понятно, были не в счет. Заметив подошедшего Кузнецова, капитан не без гордости за напарника сообщил:

– Командир! Белов девушку нашел.

– Рад за него. Когда свадьба? – совершенно серьезно поинтересовался майор.

– Свадьба? – пискнул растерянный лейтенант. Случившееся никак не укладывалось в привычный на войне порядок. Красотка, которая пытается взять его в плен, командир с вопросами о свадьбе, сочувственные взгляды товарищей. – Какая свадьба? – повторил Белов.

– Откуда я знаю. Какую захочешь, такую и устроишь, – великодушно разрешил майор. – Девушка красивая. Твой выбор одобряю.

Окружившие Белова и девушку десантники больше не могли сохранять серьезного выражения лиц. Это было выше их сил. Сначала засмеялся Можаев, а за ним захохотали остальные. Они смеялись так искренне и заразительно, что Зарина отвела руки от лица и тоже заулыбалась.

– Невесте хорошее настроение вернули, – отметил это майор. – Как звать тебя, барышня?

– Ја Зарина, – тихо ответила девушка.

Майор присел на корточки рядом с ней.

– Зарина, я буду говорить медленно, а ты постарайся меня понять. Мы – советские разведчики. Нас преследуют немцы. А нам надо попасть в Дрвар.

Лай собак стал громче. Кузнецов и Зарина невольно посмотрели в ту сторону, откуда он доносился.

– Ты можешь показать на карте, где Дрвар? – Кузнецов протянул Зарине карту. Но девушка отвела его руку.

– Ја не знам како да покаже на карти Дрвара.

– Плохо, – расстроился майор. – А дорогу к Дрвару знаешь?

Зарина согласно кивнула.

– Проведешь? – и все вслед за Кузнецовым с надеждой посмотрели на девушку.

– Знам пут кроз планине.

– Планине? А! Дорогу через горы! Отлично! Вперед! – скомандовал обрадованный Кузнецов.

И действительно, метров через сто Зарина вывела десантников к узкой тропинке, карабкавшейся по почти отвесной стене. Начиналась эта еле заметная стежка в густом кустарнике, и человеку, не знающему о её существовании, найти эту тропку, которой, видно, пользовались только козы и охотники, было весьма затруднительно. Шедший замыкающим Можаев сделал знак майору, и тот приотстал.

– Командир, а вы уверены? – капитан показал взглядом на ловко прыгающую по камням Зарину. – Черт их здесь разберет… Усташи, четники, партизаны, немцы, албанцы… Все против всех. А теперь эта девица… Кто она? Откуда?

– А выбор у нас есть? – вопросом на вопрос ответил майор. – Пошли!

Примерно через час пути, который больше шел по вертикали, чем по горизонтали, и был куда сложнее тех километров, которые осилили с утра, все вымотались до изнеможения. Нужен был хотя бы краткий отдых, да и желудки подвело так, что в глазах от голода мутилось. Поэтому, когда вышли к поросшей мелким кустарником лощине, которую уже накрыла глубокая тень от садящегося солнца, Калуев, подождав идущего в конце цепочки майора, с намеком сказал ему:

– Вроде оторвались.

Лай собак не был слышен уже минут сорок. Поняв, что люди на пределе, Кузнецов скомандовал:

– Пять минут привал, – посмотрел на худое лицо их проводника и добавил. – Девушку покормите.

Петя Белов, за которым негласно закрепили присмотр за Зариной, наградив его при этом прозвищем «жених», развязал вещевой мешок и достал буханку хлеба и банку мясных консервов. Нож, на лезвии которого еще сохранились остатки крови четника, он несколько раз воткнул в землю, а потом тщательно вытер о рукав. Сделав огромный бутерброд, он протянул его девушке. Хотел что-то сказать, но ограничился коротким «Ешь!» Зарина поблагодарила его наклоном головы и, удерживая бутерброд двумя руками, принялась за еду. Спешили насытиться и десантники – майор уже нетерпеливо поглядывал на часы.

Босния. Штаб маршала Тито

В пещеру, где раньше был радиоцентр, бойцы внесли один за другим несколько деревянных ящиков. Куда их ставить, указывал Ковач. Закончив работу, командовавший бойцами ефрейтор, которого товарищи по старинке именовали «водник», поинтересовался:

– Караул поставить, товарищ полковник?

Однако от охраны Ковач почему-то отказался:

– Не надо. Радиостанция еще не собрана.

Удивленный такой беззаботностью начальника, да еще после недавней диверсии, ефрейтор ушел по своим делам, а в пещеру вбежал командир разведчиков Драго Петрич. Увидев ящики, он обрадовался им, как ребенок подарку.

– Слава богу! Радиостанция! Как удалось её достать?

– Знаешь, Драго, как говорят у русских, «подальше положишь, поближе возьмешь», – усмехнулся полковник. – Начальник снабжения заложил в тайник эту радиостанцию еще в 1942 году.

– Значит, теперь сможем связаться с Ликской дивизией.

– Через пару часов связь уже наладим, – полковник ласково погладил ближайший ящик. – А твои разведчики?

– Из поиска пока никто не вернулся, – Петрич виновато опустил голову.

Босния. В окрестностях Дрвара

Уже в сумерках Зарина вывела отряд в горное ущелье, по дну которого несся по-весеннему бурный поток. Десантники напились, наполнили водой фляги и, поскольку пройти по берегу не представлялось никакой возможности, полезли опять на скалы. Идти было тяжело. В сгущающейся с каждой минутой темноте вьющаяся над обрывом тропа была почти не видна. Как её высматривала шедшая первой Зарина, даже не жаловавшемуся на зрение Белову было непонятно. Чуть ли не при каждом её прыжке у лейтенанта замирало сердце. Здорово помог бы страховочный трос, но его у десантников не было. Вся надежда была на ловкость, да еще на шагающего следом товарища. К счастью, тропка расширилась, и можно было идти свободнее, не прилипая грудью к скале. Тут Белова и окликнул Коля Гринченко, с которым они заканчивали одно училище.

– Белов! Петя! У тебя из ноги кровь хлещет.

Лейтенант провел ладонью по ноге. Действительно, ниже колена она была мокрая от крови.

– Чувствую, нога мокнет, – пожаловался товарищу Белов.

– Перевязать надо, – посоветовал Гринченко.

Лейтенант представил, как он на карнизе шириной в сорок сантиметров на виду у всего отряда и главное – у Зарины стягивает штаны, и решительно отказался.

– Тогда мешок давай, – настаивал Гринченко. – Всё полегче идти будет.

Белов оценил предложение. Нога, на которую в горячке перехода он не обращал внимания, считая, что там царапина, теперь болела всё сильнее. Поэтому лейтенант с благодарностью передал мешок товарищу. Гринченко взвесил мешок в руке и только крякнул. Но парень он был здоровый, куда крупнее Белова, поэтому улыбнулся ободряюще товарищу и понес мешок в свободной руке.

– Питание к рации, – объяснил Белов и бросился догонять Зарину.

Они прошли еще с километр, когда тропа оборвалась. Её продолжение было в метрах трех. Ерунда, если ты шагаешь налегке. Зарина перемахнула провал, не останавливаясь. Белову с больной ногой прыжок дался с трудом. Он приземлился на самый край и удержался чудом. А вот Гринченко, нагруженному двумя тяжелыми вещмешками, не повезло. Прыгнул он удачно, но из-за попавшего под ногу камня упал и стал сползать в пропасть. Лейтенант, услышавший за спиной шум падения, успел ухватить товарища за правую руку. В левой Гринченко держал вещмешок Белова.

– Бросай его! – в отчаянии закричал лейтенант. – Цепляйся за меня обеими руками!

Но вместо этого Гринченко раскачал мешок и забросил его на тропу. Из-за резкого движения его ладонь выскользнула из руки Белова, и он полетел в пропасть.

Гибель Гринченко видели только Белов и Зарина. От остальных трагедию скрыл выступ скалы. Но все слышали отчаянный крик лейтенанта. Дав знак оставаться на месте, майор и Можаев осторожно подобрались к провалу. Далеко внизу, на дне ущелья, образовывая густые клубящиеся тени, плавал туман. Зарина молча плакала. Белов, свесившись с тропы, пытался разглядеть внизу тело товарища.

– Что случилось? – вопрос майор задал автоматически, ему и так все было ясно.

– Коля Гринченко сорвался. Разбился. Насмерть, – с трудом поднимаясь, ответил лейтенант.

Кузнецов снял пилотку, Можаев и Белов последовали его примеру, поминая боевого товарища.

– Карт, документов при нем не было? – обернулся к капитану майор.

– А я откуда знаю, – обронил потрясенный Можаев. Колю Гринченко он знал плохо, но смерть не от вражеской пули, а на какой-то дурацкой тропе, из-за неосторожности, а, может, и ротозейства была для капитана особенно обидна.

– Надо бы к телу спуститься, проверить, – предложил майор.

Капитан заглянул в ущелье, оценивая крутизну склона.

– Часа два на это уйдет. Стена отвесная.

– Двух часов у нас нет. И даже получаса нет. Немцы опять взяли след, – майор надел пилотку и поправил висевший на груди автомат. – Сколько их? Как думаешь?

– Не меньше роты, – отозвался, подумав, Можаев.

– Скверно.

– Сейчас стемнеет. И без того ни черта не видно. Придется им притормозить. Через горы на ощупь не пойдешь, – поделился своим мнением капитан.

– Так ведь и нам придется остановиться, – возразил Кузнецов.

– И ладно. Хоть отдохнем немного, – капитан понемногу приходил в себя. – Сутки на ногах.

Москва. Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны

Наступил вечер, но было еще достаточно светло, и генерал Селивановский не стал включать лампу. Генерал стоял у окна и смотрел на город, в котором он родился и который очень любил. Москва за годы войны стала тихой и безлюдной. Куда девалась былая бойкость её обитателей! Да и обитателей стало немного. Кто-то еще не вернулся из эвакуации, а кто-то погиб. Под бомбежками, в ополчении, в госпитале от ран. «А есть сегодня хоть одна семьи, в которую ни пришла бы похоронка, – подумал и тут же одернул себя. – Накличешь, дурак!» Сын генерала был на фронте, и уже месяц от него не было вестей. Его бы воля, держал бы Дмитрия при себе или пристроил куда-нибудь в штаб. Но у Верховного один сын сгинул в немецком концлагере, а второй воевал. И воевал успешно. «Вот и попробуй отмазать его от войны, донесут сразу же, – размышлял Селивановский. – Понятно, что многих отмазывают, за всеми не уследишь. Но уж лучше не рисковать. И сыну жизнь испортишь, и сам головой поплатишься».

Грустные мысли прервал стук в дверь. В кабинет вошел капитан Рыклин. Селивановский посмотрел на него с неприязнью. «Мог бы на его месте и мой Дмитрий служить. Вон какой гладкий! За последние полгода ни разу на фронт не выезжал», – мелькнула мысль. То, что он сам был на фронте всего два раза, и то не дальше штаба армии, Селивановский не вспомнил. Самокритичность не числилась в списке достоинств генерала, как, впрочем, и у большинства представителей советского высшего командования.

– Ну? – генерал вопросительно посмотрел на капитана.

Рыклин раздраженному тону генерала не удивился. В последние месяцы Сталин особенно жестко закручивал гайки, требуя от СМЕРША максимум информации о планах немцев и активного противодействия агентуре противника. А тут еще спасай Тито! Да еще в такой спешке. Операция плохо подготовлена. Результаты её непредсказуемы. Да что себе врать! Провалится, скорее всего. Рыклин собрался с духом и выпалил:

– Группы Тихонова и Бондаря не вышли на связь. Осталась только группа Кузнецова.

– Где она? – Селивановский достал карту Боснии.

– Они где-то здесь, – показал капитан. – Фактически в 15 километрах по прямой от штаба партизан. Но местность горная. К тому же очень много немецких частей.

Генерал понимал, что задача перед Кузнецовым стоит сложная. Но Селивановский хорошо помнил послужной список майора. Тот и не из таких передряг выпутывался. Разведчик он был божьей милостью. «Только бы дошли, только бы успели», – взмолился про себя генерал, а вслух уже более спокойно сказал:

– Поторопи их, Рыклин! Сейчас все решает время. Наш самолет в Бари прибыл?

– На подлете. А первый транспортник со вчерашнего дня в Бари.

– Пусть оба экипажа будут наготове, – кроме этого, по сути совершенно бесполезного распоряжения, генерал ничего больше сделать не мог.

– Кузнецову еще площадку для самолета найти нужно будет, – уточнил Рыклин.

– Найдет. А не найдет – пойдет под трибунал. Ты что, не понимаешь?! Вывезти Тито – приказ самого товарища Сталина! – а про себя Селивановский подумал: «Не дойдет Кузнецов, пожалуй, не только моя голова полетит, но и Абакумова. Ну, и пропади всё пропадом! Не сорок первый год. Не расстреляют. Сын-то воюет, а я чем лучше».

Сербия. Полевой аэродром Люфтваффе в Кралево

Атмосфера на совещании офицеров парашютно-десантного батальона СС 500 была самая что ни есть похоронная. Все присутствующие отлично понимали, что предстоящая операция – авантюра чистой воды. Не такие уж идиоты партизаны, чтобы не заметить десант, встретят парашютистов из всех видов оружия. А идущий на посадку планер – отличная мишень. Да и парашютист, пока болтается под куполом, совершенно беспомощен. Поэтому лица у всех были более чем мрачные. Безмятежным оставался только Скорцени, который развалился в раздобытом его ординарцем кресле и с любопытством слушал Рибке.

– Господа офицеры, порядок десантирования вам всем известен, – Рибке сверился со своими записями. – Первыми идут парашютисты. Напоминаю задачи каждой группы. «Синие» – 100 человек, «Зеленые» – 95 человек и «Красные» – 95 человек – должны захватить город, подавить огневые точки противника и обеспечить посадку планеров. Затем они блокируют штаб Тито, не давая его людям вырваться из окружения. Всё понятно?

Рибке обвел взглядом однополчан. Пока вопросов не было.

– Теперь о тех, кто будет десантироваться в планерах. Группа «Пантер» – 110 десантников. Вы должны занять объект «Цитадель», где, по нашим данным, размещен штаб партизан.

– Штаб бандитов, – с улыбкой поправил командира батальона Скорцени.

– Штаб бандитов, – покорно повторил уже порядком уставший Рибке. – Группы «Грайфер» – 40 человек, «Штюрмер» – 50, «Брехер» – 50, «Байсер» – 20 и «Драуфгенгер» – 70 человек – должны захватить членов русской, английской и американской миссий. Их надо взять живыми. При невозможности – уничтожить.

– А где будет наш штаб? – поинтересовался офицер, возглавляющий «Красных».

– Я со штабом десантируюсь в первой волне. Буду с группой «Синих», – сообщил Рибке.

– А разве вы, герр оберштурмбаннфюрер, не примете участие в операции? Ваш опыт нам очень бы пригодился, – не вставая с места, спросил Скорцени командир группы «Брехер».

– Мой опыт мне самому пригодится, – не переставая любезно улыбаться, проинформировал офицеров «первый диверсант рейха». – А у вас есть свой командир.

Последние сомнения исчезли. Их бросали в мясорубку. И Скорцени не собирался скрывать, что дальнейшая судьба батальона СС 500 находится вне сферы его интересов.

– Город мы займем и штаб Тито захватим. А как мы будем выбираться оттуда? – с нескрываемой злобой осведомился у Скорцени командир группы «Грайфер», на мундире которого были два золотых знака за тяжелые ранения.

– Дрвар уже окружен частями вермахта и СС, – попробовал успокоить офицеров оберштурмбаннфюрер. – Как только начнется десантирование, они перейдут в наступление. По плану, к полудню дивизия СС «Принц Ойген» должна выйти к городу и соединиться с вашим батальоном.

Офицеры переглянулись. Скорцени они не верили ни на грош. Но Рибке был их боевым товарищем и не стал бы вводить в заблуждение. Однако он не стал их обнадеживать скорой помощью дивизии СС и ограничился тем, что сказал:

– Господа, у вас есть еще четыре часа. Всё тщательно проверьте.

Босния. В окрестностях Дрвара

Место для ночевки Зарина нашла удачное – небольшую полянку в лесу. Рядом протекал ручеек, и можно было и вволю напиться, умыться и, наконец, спокойно поесть. Но люди настолько устали, что повалились на траву без сил и сразу же уснули. Только радист возился с рацией, безуспешно вызывая штаб Тито, да тихо беседовали Кузнецов и Можаев. Майору не спалось, а капитан взялся первым подежурить.

– Хоть что-то будет видно не раньше четырех, – Кузнецов поднес часы к глазам. Стрелки показывали 23.45. – К половине четвертого надо быть готовыми.

– Мы всегда готовы, – отозвался капитан. – Поскольку завтрака не предвидится, – харчей осталось мало, – протрем глаза и пойдем.

– Успеть бы до атаки немцев.

– Уж это, как бог даст, – потянулся Можаев. Ему оставалось дежурить не меньше часа, а спать хотелось невыносимо.

Не спал и Белов. Покормив Зарину и натаскав ей елового лапника для постели, он отошел за кусты, чтобы, наконец, заняться раненой ногой. Надорванный индивидуальный пакет с бинтом Белов взял в зубы и приспустил шаровары, оставшись в длинных армейских кальсонах. Там, где пуля чиркнула по икре, они промокли от крови, и, недолго думая, лейтенант ножом обрезал влажную ткань. Получилось нечто среднее между кальсонами и трусами. Белов хмыкнул, представив, как он смотрится в таком виде, и взялся за перевязку. Но тут дело пошло хуже. Бинт никак не удавалось закрепить, опять открылось кровотечение. Белов даже чертыхнулся от досады. И вдруг он почувствовал, что бинт у него отбирают. В темноте незаметно подошедшая Зарина ловко закончила перевязку и надежно закрепила её на ноге. Ситуация, которой он так боялся, воспроизвелась во всех позорных деталях. Лейтенант стоял красный от смущения, радуясь тому, что хотя бы товарищи не стали свидетелями этой сцены. Белов настолько застеснялся, что даже не сказал «спасибо», когда Зарина закончила. Девушка тихо рассмеялась и исчезла.

Тимур был единственным человеком в группе, для кого прошедший день был не еще одним боевым эпизодом, причем достаточно тяжелым, а чем-то вроде приключения. Совершенно неожиданного и увлекательного. Не было в этом никакого недомыслия, а только мальчишеская уверенность, что он-то точно останется жив. И пока удача, от которой так много зависит на войне, его не подводила.

Как он ни рвался на фронт, мечтая отомстить фашистам за погибшего еще в 1941-м отца, в военкомате ему неизменно отказывали, ссылаясь на его крайне юный возраст. И лишь в 1943-м по достижении семнадцати лет его просьбу наконец удовлетворили. Однако отправили не в действующую армию, а в офицерское училище.

Курсантом он был образцовым. За полгода ни одного нарекания от командиров. А когда обнаружили, что парнишка к тому же прирожденный снайпер, ловкий и гибкий, как горный барс, его рекомендовали в СМЕРШ, где служить было трудно и опасно, но все же не так тяжело, как в пехоте.

А самое главное, в отличие от Можаева, Калуева и Белова его миновала горькая чаша отступлений и окружений 1941-1942-го. Не познал он чувства отчаяния и

безнадежности ситуаций, когда единственный достойный выход – погибнуть, унеся с собой как можно больше врагов. Не знал он парализующего волю бессилия перед неумолимой мощью фашистских орд. И потому, как бы сурова и обостренно реалистична ни была окружавшая его действительность, он продолжал жить в выдуманном мире, где героям не страшны ни пули, ни снаряды, а конец истории будет обязательно хорошим, и даже тот, кто считался убитым, непременно окажется жив. В обычной части его давно бы подняли на смех, и стал бы парень постоянной мишенью для острот и грубых шуток. Но в группе Кузнецова юмор подобного рода не приветствовался, да и нечего без нужды в душу к человеку лезть. Стреляет отлично, ножом действует искусно, в дозоре не спит. Уже хорошо. А опыт – дело наживное. И хотя война явно идет к концу, ему, Тимуру Мамедову, восемнадцатилетнему младшему лейтенанту, еще хватит времени, чтобы стать хорошим оперативником. Таким, кто подмечает мельчайшие детали, спиной чувствует опасность, не испугается направленного в грудь ствола. В общем, старались его не то что беречь, но по возможности уберегать от знакомства с изнанкой их очень жестокой, а подчас и кровавой работы.

И сейчас, лежа в душистой весенней траве, всматриваясь в повисшее над головой звездное небо, Тимур думал о том, как ему повезло с этим заданием. Спасти не кого-нибудь, а маршала Тито! То, что это удастся сделать, он ни секунды не сомневался. И тогда к имевшейся уже медали «За боевые заслуги» непременно добавится орден. А после войны Петя Белов вместе с Зариной, – он же приметил, как его товарищ на неё смотрит, – приедет к нему в гости. Они сядут за накрытый стол вместе со всеми родственниками, и дядя Эльдар, посмотрев на их многочисленные награды, на правах старшего спросит, за что ордена. А они, переглянувшись с Петей, скажут, что была одна опасная операция, но рассказать они о ней не могут. Не имеют права. И дядя Эльдар понимающе кивнет. Как отреагируют остальные гости, Тимур не успел додумать, потому что и его сморил сон.

25 мая 1944 года. День четвертый. Босния. Штаб маршала Тито

Поскольку радиоцентр еще не работал, ведущий к нему подземный коридор в целях экономии керосина освещать не стали. По нему, неслышно ступая, проскользнула фигура. Откинув брезент, человек прошел в комнату и, чиркнув зажигалкой, зажег фонарь. Затем проверил, не просачивается ли свет в туннель. Убедившись в том, что его никто не заметит, он поставил фонарь на землю, достал из-за пояса топорик и попробовал взломать один из ящиков с деталями радиостанции. Но доски были приколочены крепко, и с ними пришлось повозиться, причем без шума не обошлось. За ним он не заметил, как в пещеру вошел полковник Ковач.

– А вот на приманку и рыбка приплыла, – радостно объявил полковник. Шпион вздрогнул и отпрянул от ящиков. Это был командир разведчиков Петрич. – Доброе утро, Драго! – поприветствовал его Ковач. – Решил помочь нам распаковать радиостанцию? Зря стараешься. Нет там ничего. Только земля и камни.

Кто-то сорвал брезент, прикрывавший вход. В туннеле стоял капитан Белич со взявшими оружие на изготовку бойцами.

– Отберите у него оружие и под строгую охрану! – приказал Ковач.

Забрав у Петрича пистолет и топор и связав ему руки, бойцы потащили его к выходу.

– Не рано ли радуешься?! – прошипел, проходя мимо полковника, Петрич. – Уже сегодня вечером тебя допрашивать буду я. Ликская дивизия не придет.

– Очень интересная перспектива! – еще больше развеселился Ковач. – Только едва ли твои планы, Драго, сбудутся. А за предупреждение – спасибо, – полковник отдал шпиону шутливый поклон.

Через несколько минут в самой большой пещере собрались оповещенные полковником работники штаба. Об аресте Петрича они еще не знали, поэтому находились в полном недоумении, из-за чего их подняли посреди ночи. Из бокового туннеля, охраняемого часовыми, вышел Ковач. Полковник поднял руку, призывая к вниманию.

– Товарищи, в ближайшее время Дрвар будет атакован немцами, – объявил Ковач. – Какими силами, мы еще не знаем. Командовать обороной маршал поручил мне. Займите позиции перед штабом. Пошлите усиленные патрули в город. Поднимите в ружье курсы командиров. В общем, соберите все силы.

Босния. В нескольких километрах от Дрвара

Дивизия СС «Принц Ойген» спешила к Дрвару. Приказ был предельно ясным: к 14.00 занять город и поддержать атаку парашютистов на штаб Тито. Но чем меньше оставалось времени до назначенного срока, тем становилось яснее – приказ невыполним. Дороги не были рассчитаны на переброску такой массы войск. Их порядки перепутались, перемешались, возникли заторы и пробки. Быстро расшить их не представлялось никакой возможности, поскольку из-за сбоев в управлении вперед вырвались танковые части, которые полностью закупорили горные проходы. Сумятица еще больше увеличивалась из-за диверсий мелких партизанских отрядов и саботажа местных крестьян. Они перекрывали дороги завалами из деревьев, подрывали скалы, провоцируя оползни. Преследовать их было бесполезно. Местность партизаны знали намного лучше и легко отрывались от погони. А через несколько часов, выйдя опять на дорогу, они вновь минировали её. Массовые расстрелы жителей не давали никакого эффекта и вызывали только еще большее ожесточение. Командир дивизии фон Оберкамп устраивал своим офицерам бесконечные разносы, но изменить ситуацию никак не мог. Командующий группой армий «F» генерал-фельдмаршал Максимилиан фон Вейхс фактически устранился от руководства операцией, переложив все проблемы на генерала фон Лейзера, а тот лишь понукал Оберкампа, не оказывая ему при этом никакой реальной помощи. Утром 25 мая основная масса войск все еще находилась в нескольких десятков километров от Дрвара. Лишь несколько разведывательных подразделений сумели ночью прорваться к городу и занять позиции вокруг него. Но силами они располагали небольшими и поддержать десант никак не могли. Им оставалось только наблюдать за тем, что происходит в Дрваре. К пяти часам утра, когда небо высветилось вставшим солнцем, из-за горизонта выплыла армада немецких бомбардировщиков и транспортных самолетов, тащивших за собой на тросах планеры. Натужно ревя моторами, они черной тучей надвигались на город. Прошло еще несколько минут, и над крышами встали султаны разрывов. Штурм Дрвара начался.

Босния. В окрестностях Дрвара

К Дрвару вышли без приключений и потерь. Вившаяся по склону тропа привела десантников на опушку, откуда до города уже было рукой подать. Зарина вывела точно. Но, наверное, последние километры они могли бы пройти и без проводника. Немцы бомбили Дрвар с таким ожесточением, что эхо взрывов пробивалось даже через густую завесу леса.

– Началось! Вот он, Дрвар. В трех километрах. Только как до него добраться? – майор передал бинокль стоящему рядом Калуеву. Тот некоторое время осматривал местность, а потом уверенно указал на змеящийся по лугу неглубокий овраг.

– А по той лощинке.

– Вижу, – подтвердил майор. – Но рядом, заметь, пулеметное гнездо. А в 300 метрах левее не меньше взвода автоматчиков. Лишь высунемся, как они тут же подтянутся и ударят по нам из всех стволов.

– Может, в обход? – предложил старший лейтенант.

– Времени нет, – отверг этот вариант Кузнецов. – Немцы, что по нашему следу идут, вот-вот из леса выскочат. И окажемся мы тогда в клещах.

Калуев задумался, еще раз осмотрел через бинокль подходы к городу.

– Командир, есть план, – наконец, сказал он. – А если подползти скрытно и забросать пулемет гранатами?

– А автоматчики? – возразил Кузнецов. Завяжись бой, они действительно оказывались в опасной близости.

– Я отсюда ударю им во фланг. Им и деться будет некуда. А потом в лес отползу и через пару часов к вам присоединюсь, – объяснил свою мысль Калуев.

– Тебе одному их не удержать, – засомневался майор.

– С такой-то машиной! – старший лейтенант похлопал рукой по стволу трофейного пулемета, который он почти сутки тащил через горы.

– Спасибо, Саша! – только и сказал майор, отлично понимавший, что шансов уйти у его товарища будет немного.

Кузнецов тихим свистом подозвал десантников и быстро объяснил им задачу. Двое тут же вызвались уничтожить пулеметное гнездо. Майор молча кивнул, и офицеры исчезли в кустарнике, уходящем длинной косой в поле. Остальные стали готовиться к бою.

У пулемета, перекрывающего подход к лощине, залегли два немецких солдата. Их внимание было приковано к Дрвару, над которым то и дело вставали разрывы бомб.

– Здорово громыхает, – заметил один, потянулся и толкнул в бок второго. – Интересно, сколько нам здесь еще торчать?

– Кто знает! – зевнул второй. – Сейчас бы пожрать. Фельдфебель не дал даже кофе выпить. Чем тебе здесь плохо? Лежим себе спокойно, а нам такое интересное кино показывают. – Пулеметчик засмеялся и показал в сторону горящего города. Второй только криво усмехнулся.

У них за спиной из высокой травы вылетели две гранаты. Направленные опытной рукой, они упали прямо перед пулеметчиками.

Взрыв стал сигналом, по которому десантники рванули через луг. И нападение на пулеметчиков, и появление противника стали для немцев такой неожиданностью, что они поначалу растерялись. До лощинки оставалось не более ста метров, когда автоматчики спохватились. Стреляя на ходу, они бросились наперерез десантникам. Но в этот момент начал работать пулемет Калуева. Несколько немцев упали, убитые или раненые, остальные, прижатые плотным огнем, залегли. Этой минутки хватило для последнего броска. Теперь смершевцы были в безопасности.

Саша Калуев заправил в пулемет новую ленту. Немцы пока не спешили атаковать. Старший лейтенант достал из кармана носовой платок и тщательно протер механизм затвора, затем открыл цинк со второй лентой. «Еще минут двадцать, – подумал Калуев. – Тогда успеют оторваться». Он сломал свесившуюся перед стволом ветку, из неё закапал резко пахнущий весенний сок. На ствол пулемета, трепеща крылышками, приземлился майский жук. Сложил их и деловито пополз к Калуеву. Саша снял его и посадил в траву.

У немцев было по-прежнему тихо. Должно быть, перевязывали раненых. «Есть еще несколько секунд, а, может, и минут», – предположил старший лейтенант. Из металлического портсигара Калуев извлек маленькую отвертку и затянул вылезший из приклада винт. За работой он не забывал поглядывать в сторону автоматчиков. «Ага! Зашевелились!» – лейтенант спрятал портсигар в карман и прицелился.

Лощину миновали бегом. Прежде чем нырнуть в перелесок, шедшие замыкающими, Кузнецов и Можаев остановились и прислушались. Словно отвечая на их безмолвный вопрос, тишину прорезала пулеметная очередь.

– По кому он бьет? – капитан с тревогой посмотрел на Кузнецова.
– Те, что нас преследовали, подошли, – вздохнул майор.
– Надо было мне с ним остаться, – с горечью заметил Можаев.
Майор только отмахнулся:
– Нас и так теперь всего восемь.
Капитан, который весь обратился в слух, даже не понял слов майора.
– Замолчал. Может, решил сменить позицию?
Кузнецов обнял капитана за плечи, тихо сказал:
– Надо идти.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

Несмотря на раннее утро, в приемной рейхсфюрера уже сидели вызванные им офицеры СС, штатские и даже один господин в мундире министерства иностранных дел. Распахнулась дверь, вошел Гиммлер, стремительно и энергично, всем своим озабоченным видом давая понять, как он занят. Присутствующие вскочили со стульев, приветствуя его. Ответив небрежным взмахом руки, рейхсфюрер подошел к столу, за которым вытянулся в струнку Россман.

– Новости из Дрвара есть? – Гиммлер был, как всегда, предельно краток.

– Только что получил, герр рейхсфюрер, – отрапортовал помощник. – Генерал фон Лейзер и оберштурмбаннфюрер Скорцени докладывают, что операция по уничтожению штаба Тито началась. Части фон Лейзера пошли в наступление на Дрвар, а самолеты с парашютистами уже в воздухе.

Гиммлер снял фуражку и перчатки, не глядя, сунул их в чьи-то услужливые руки.

– «Ход конем» сделан, – с аффектацией произнес он. – Думаю, я могу обрадовать фюрера. Он сейчас очень устает, и ему будет приятно услышать хорошие новости.

Босния. Дрвар

Город горел. Над дымящимися развалинами барражировали немецкие истребители, прикрывавшие высадку парашютного десанта. Где-то в пригороде уже завязался бой. Надо было спешить. Кузнецов поискал глазами Зарину. Молча глотая слезы, девушка смотрела на превращенный в руины Дрвар. Майор взял её за руку.

– Зарина, где здесь пещеры?

– Тамо! За тој цркви!

– Тогда всё! Прощаемся. Спасибо тебе за помощь! – Кузнецов обнял её. – А теперь уходи! Спрячься где-нибудь в горах. Пережди, пока не уйдут немцы.

– Немам где да одем, – покачала головой Зарина. – Радије бих да идем са тобом.

Майор от её решения идти и дальше с десантниками оторопел. Только и смог произнести:

– С нами опасно. Погибнешь!

– Смрт је сада свуда у Босни.

«Смерть сейчас в Боснии повсюду», – перевел про себя Кузнецов и не смог не согласиться. Где она спрячется, когда кругом немцы!

– Хорошо, – согласился майор. – Белов! Присмотри за девушкой.

А бой разгорался. Теперь выстрелы гремели по всему Дрвару. Из пулеметов, автоматов, винтовок партизаны били по спускающимся с неба парашютистам. И все-таки огонь был недостаточно плотным, чтобы остановить немцев. Слишком многие бойцы Тито погибли во время авиационного налета. Оборона была расстроена, и лишь сейчас, что называется на ходу, её пытались восстановить.

Следует отдать должное и немецким парашютистам. Не случайно их именовали «элитой армии». Действовали они грамотно, эффективно и бесстрашно. В результате всего 300 парашютистов первой волны сумели очистить и занять плацдарм на окраине города. Но не успели они укрепиться, как партизаны перешли в контратаку, отбить которую надо было непременно. Иначе сажать планеры было бы некуда. А без подкреплений, которые они везли, первая волна была бы неминуемо уничтожена.

Группа немецких парашютистов во главе с Рибке засела в доме, где располагалась парикмахерская. Правда, от былой чистоты и намека не осталось. Стекла вынесло взрывом авиабомбы. Через зеркало, висящее на стене, прошла автоматная очередь. Опрокинутые кресла валялись на полу. К счастью, стены были толстые, надежной кирпичной кладки. Они отлично защищали от пуль, а артиллерии у партизан не было. Но зато была другая опасность: противник подобрался достаточно близко, и парашютистов в любой момент могли забросать через широкие окна гранатами.

Радист, сидевший на полу рядом с Рибке, передал ему трубку.

– «Синие» вызывают, герр гауптштурмфюрер.

– Отходите к окраине, – с трудом откашлявшись от забившей горло пыли, прокричал в трубку Рибке. – Туда, где поле, – уточнил он. – Приготовьтесь принимать планеры. Не подпускайте близко противника.

У партизан начал работать пулемет. Пули залетали в окна, рикошетили от стен. Похоже, готовилась атака. Рибке подполз к окну, попробовал хоть что-то рассмотреть в клубах дыма, изрыгаемых бушевавшим в соседнем здании пожаром. В конце улицы замелькали фигуры быстро перебегавших партизан.

– Снимаемся и отходим к «Синим», – приказал гауптштурмфюрер. – Здесь нас всех перебьют.

Штаб на всякий случай готовили к эвакуации. Сложив все бумаги из сейфа в портфель, Ковач принялся набивать запасные магазины для автомата. Затем достал из сейфа две гранаты и вместе с магазинами рассовал их по карманам. Оглядел пещеру, проверяя, не забыл ли чего, и собрался уже выходить, когда вбежал один из командиров.

– Атаку удалось отбить, товарищ полковник. Немцы отошли к полю, что на окраине.

– Собираются там сажать планеры, – уверенно сказал Ковач. – Будет вторая волна. Подтяните туда минометы и все зенитные пулеметы. Всем работникам штаба раздайте оружие.

Не успел командир уйти, как у входа в пещеру появился запыхавшийся боец.

– Товарищ полковник! – позвал он. – К штабу подошел отряд. Говорят, что русские. Их командир требует встречи с маршалом.

– Приведи его сюда, – распорядился удивленный появлением этого неизвестного отряда Ковач. Ни о каком русской группе в окрестностях Дрвара он не слышал.

Через минуту боец вернулся с майором Кузнецовым. Заметив настороженный взгляд полковника, майор протянул ему документы.

– Командир группы армейской контрразведки 3-го Украинского фронта майор Кузнецов. Вот мои документы. А это письмо советского командования маршалу Тито.

– Врло задовољан. Ослободилачка народна пуковник Војске Југославије Марко Ковач, – в свою очередь, представился полковник. – Разумем да сте донели овде озбиљан посао. Тако да ме позове нашег пријатеља, који је дуго живео у Совјетској Русији. Он ће бити наш преводилац.

Майор понял, что полковник предлагает позвать переводчика, и согласно закивал головой.

– Хорошо. Хоть языки и родственные, но на войне нужна точность.

Полковник отдал распоряжение бойцу и сделал рукой приглашающий жест.

– Седи. Знам да сте рекли да нема истине у ногама.

– А! – догадался Кузнецов и рассмеялся. – В ногах правды нет.

Говорить о серьезных вещах без переводчика не имело смысла, поэтому сидели молча, обмениваясь улыбками. Наконец, послышались шаги, и в пещеру вошел пожилой человек в полувоенной форме.

– Упознајте! Друже Ристић. Мајор Кузнецов, – познакомил их полковник. Ристич и Кузнецов пожали друг другу руки.

– Здравствуйте, товарищ! Говорите! Я буду переводить, – предложил Ристич.

– Мы получили информацию, что немцы готовят операцию по уничтожению партизанского штаба и товарища Тито. Связаться с вами по радио не удалось, – начал майор.

Ковач прервал его:

– Радиоцентр уничтожил немецкий агент.

Кузнецов кивнул в знак того, что понял, и продолжил:

– Моя группа получила приказ: десантироваться в районе Дрвара, прибыть в штаб и организовать его эвакуацию. Транспортные самолеты прибудут на аэродром в Купрешко Поле. Вот только шли мы до вас долго. Больше суток. Немцы уже начали атаку.

– Спасибо за предупреждение и помощь, – полковник с признательностью посмотрел на Кузнецова. – Но, думаю, с немецким десантом мы справимся. Острой необходимости в срочной эвакуации я не вижу.

– Десант – только часть операции немцев, – возразил майор. – Дрвар уже окружен плотным кольцом. Мы с трудом через него прорвались. Двое моих товарищей погибли.

– Получается, десант – это только начало, – задумался полковник. Информация действительно была очень важной. – Скажите, товарищ Кузнецов, а рация у вас есть? Мы уже третьи сутки без связи. Мы хотели бы вызвать подмогу.

– Рация есть, – успокоил Кузнецов. – Но сколько времени потребуется партизанским частям на передислокацию?

– Не меньше суток, – вынужден был признать полковник. Он с каждой минутой все лучше понимал тревогу русского майора. – Правда, я два дня назад отправил приказ командиру Ликской дивизии, но связной мог и не дойти.

– Тогда нам немцев не остановить. Они наступают большими силами.

– Я доложу обстановку маршалу, – пообещал Ковач. – А вы пока отдыхайте. Хотя, какой сейчас отдых!

Москва. Главное управление контрразведки НКО

Теперь, когда группа Кузнецова разыскала штаб Тито, в Москве могли реально оценить ситуацию вокруг Дрвара. И она, признаться, не радовала.

– Дрвар окружен. Немцы высадили в городе десант, – доложил Селивановскому капитан Рыклин. – Но штаб Тито держится, – успокоил он начальника.

– Тито надо немедленно уходить, – стукнул кулаком по столу генерал.

– Решение об эвакуации им пока не принято, – дипломатично ответил капитан.

Генерал буквально кипел от возмущения:

– Он нарушает приказ товарища Сталина.

– Формально он нам не подчиняется, – пожал плечами Рыклин.

– Формально стоит 3-му Украинскому фронту задержаться на границе СССР, и через неделю немцы ничего не оставят от армии Тито, – в сердцах вскричал Селивановский. – Отправьте им радиограмму. Мы настаиваем на немедленной эвакуации.

Босния. Штаб маршала Тито

Десантников разместили в одной из пещер. Кузнецов ушел куда-то с Ковачем, остальные, понимая, что расслабляться не стоит, – отдых едва ли будет длинным, – проверяли оружие, набивали патронами автоматные диски. Оперативники были бы не прочь перекусить, но в Дрваре шел бой, и хозяевам было не до приема гостей. Тимур Мамедов достал из кармана сухарь, разломил его и половину протянул Белову.

– Вот тебе и джыз-быз с бараниной!

– Я бы сейчас и от горохового концентрата не отказался! – отозвался лейтенант.

Некоторое время они молча хрустели сухарями. Посмотрев на сосредоточенное лицо Белова, – он даже сухарь грыз с таким видом, будто выполнял очень важную работу, – Тимур неожиданно спросил:

– Белов, а тебе Зарина нравится?

Вместо ответа лейтенант достал из ножен финку и плавными движениями стал затачивать её на лежащем рядом камне.

– Почему молчишь? – не отставал настырный Тимур, который, конечно, давно приметил, что стоит девушке появиться, как его друг заливается краской от смущения.

– В общем, нравится, – пробормотал Белов.

– А в частности? – настаивал Тимур.

– Хорошая, – после долгой паузы выдавил из себя лейтенант.

– Так почему ты ей об этом не скажешь?! – возмутился Тимур, весь любовный опыт которого сводился к записке, которую он послал девочке из параллельного класса. – Почему молчишь все время?!

– Она молчит, и я молчу, – объяснил Белов. – Вот если бы она хоть что-то у меня спросила! Но она молчит.

А что он еще мог сказать Тимуру, когда сам не понимал, что с ним творится. Почему так сильно щемит сердце, стоит ему не то что увидеть, а даже подумать об этой девчонке. Ничего подобного он никогда раньше не испытывал, никогда о таком не слыхал. «Это что? Любовь?» – спрашивал он себя и сам стыдился этого вопроса. – «Какая может быть любовь на войне! Да и не любовь это вовсе». В рабочем поселке, в котором родился и жил до войны, он видел, как парни ухаживают за девчатами. Тайны из этого не делалось. Какая может быть тайна, когда все на виду – вот улица, а вот дом, где не то что комнаты, угла свободного нет. Целовались в палисадниках, обжимались в сенях, по пьяному делу заходили и дальше. Потом все в том же пьяном угаре женились, не слишком хорошо понимая, зачем они это делают. Объясняли, что время пришло, и повторяли тот круг, по которому уже прошли родители. Это было привычно, а значит, и нормально.

Понятно, в кино все было по-другому. Так ведь это в кино. Его и смотрели, как смотрят картинки в книжке о чужой стране. То ли есть она, то ли нет – всё равно там никогда не побывать. А тут эта девушка, непонятная, таинственная… К тому же иностранка. И имя-то чудное – Зарина. Как заря… И он – ничего из себя не представляющий Петька Белов. «Вот такой грустный итог», – окончательно расстроился лейтенант.

Легкая на помине в пещеру вошла Зарина. Своё скромное платьице она сменила на военный комбинезон, который ей очень шел. На голове у неё была пилотка. На плече – винтовка.

– Ого! – не удержался Можаев. – Ребята, давайте её в наш отряд зачислим. А то одни мужики вокруг.

– Сада сам борац. Ја ћу ти помоћи, – гордо сказала Зарина и почему-то посмотрела на окончательно смешавшегося Белова.

– А стрелять из винтовки «борац» умеет? – засмеялся капитан. – Давай покажу.

Отобрав у Зарины винтовку, Можаев продемонстрировал ей, как передергивать затвор, менять обойму, прицеливаться. Однако урок оказался коротким. В тоннеле прозвучала команда «В ружье!» А буквально через пару секунд в пещеру вбежал Ристич.

– Немцы тащат планеры за самолетами и сбрасывают парашютистов.

Десантники молча разобрали оружие.

Поле, периметр вокруг которого вот уже час удерживали немецкие парашютисты, было не столь уж велико, к тому же изобиловало камнями и ямами. От пилота требовалось немалое искусство, чтобы посадить на него планер. Причем проделать это надо было под огнем партизан, которые успели установить два зенитных пулемета. Три DFS они подбили еще в воздухе, и теперь те догорали неподалеку от поля. Еще два зажгли во время приземления. Но все равно немцев было очень много. И каждый благополучно севший планер увеличивал их силы.

Ковач был на второй линии обороны, спешно организованной в сотне метров от входа в пещеры. Все, не занятые в отражении воздушного десанта работники штаба – телефонисты, повара, санитары, бойцы хозвзвода, – рыли окопы, обустраивали стрелковые ячейки и позиции для пулеметов. Кузнецов нашел полковника в ходу сообщения, который он углублял со сноровкой опытного землекопа.

– Пару атак немцев мы отобьем. Но скоро к ним подойдут подкрепления, и тогда они нас неизбежно раздавят, – поделился своими опасениями майор.

Ковач, не вылезая из траншеи, закурил, – он был рад короткой передышке, несколько раз затянулся и спокойно сказал.

– Знам. Маршал је одлучио да се повуче у планине. Одатле, покушајте да изађу на терен Купресхко. Ту аеродрому. Али сада нам треба времена. Потребно је припремити рањена, уништи папир.

Решение Тито отойти к Купрешко Поле совпадало с приказом, полученным Кузнецовым. Поэтому он согласно кивнул головой:

– Понятно. Будем держаться, сколько сможем.

Получившие подкрепление парашютисты понемногу отжимали партизан к штабу. Бойцы Тито отходили медленно, используя каждый дом, каждую груду камней, чтобы задержать немцев. А затем, заняв вторую линию обороны, так крепко ударили по фашистам, что те обратились в почти паническое бегство. Партизаны гнали их до городского кладбища, где немцы смогли укрыться за каменной оградой. Но как только Рибке удалось привести в чувство своих подчиненных, он приказал готовиться к новой атаке.

Гауптштурмфюрер был человеком упорным, давно выставившим всему на свете не слишком высокую цену, но при всей внешней расхлябанности и столь раздражавшем начальство цинизме приказы он никогда не обсуждал и тем более не искал возможности уклониться от их выполнения. Родись он на четыре века раньше, из него вышел бы отличный ландскнехт-наемник, которому абсолютно все равно, за что и за кого воевать. Хотя, кто знает, какую дорогу в жизни выбрал бы недоучившийся студент факультета философии Штутгартского университета, ушедший в 1935 году добровольцем в армию. Для него, как и прочих миллионов мужчин и женщин, уже пятый год воевавших в Европе, Азии и Африке, сослагательное наклонение не представляло даже теоретического интереса. Итог для большинства был один – смерть. Прочие варианты были маловероятны.

Сейчас, пристроившись за монументальным могильным обелиском, Рибке лихорадочно искал брешь в партизанской обороне. «Она не может быть сплошной. Где-нибудь дыра да есть. Незаметно просочиться. Выйти во фланг. А потом навалиться и гнать, гнать, гнать! До тех пор, пока их партизанский маршал не выйдет с поднятыми руками».

Рибке опустил бинокль, потер глаза, слезящиеся от усталости, пыли, дыма, и спросил, не поворачивая головы:

– Где Кольрец?

Залегшие за могилами парашютисты от одного к другому передали: «Унтерштурмфюрера к командиру!» Старательно пригибаясь, – партизаны ни на минуту не прекращали огонь, – подбежал замотанный Кольрец. Он уже дважды был ранен, но, к счастью, легко и, как все в батальоне, был страшно зол. Они сражались уже который час, а обещанной помощи все не было. Партизаны и не думали сдаваться, и если они будут и дальше так яростно сражаться, то не известно, кто завтра будет праздновать победу.

– У вас выпить нечего, Отто? – на всякий случай спросил Рибке. – Хороший глоток коньяка был бы сейчас кстати.

– Даже воды нет, – прохрипел Кольрец. – Фляга давно пустая, – попробовал сплюнуть, но в глотке было сухо, как в полдневный час в пустыне.

– Ни черта у нас нет, – с пол-оборота завелся командир батальона. – Ни воды, ни минометов, ни артиллерии. А скоро не будет и солдат. 76 человек убиты при десантировании. Такое ощущение, что партизаны нас ждали. Скотина Скорцени!

– А вы связывались с дивизией? – Кольрец понимал, что вопрос пустой. Имей Рибке хоть какую-то информацию о подходе дивизии «Принц Ойген», он обязательно сообщил бы об этом.

– Уже дважды, – бросил гауптштурмфюрер. – Албанцы, которые должны были поддержать нас, застряли в какой-то деревне. Наверное, по своему обыкновению насилуют девок и расстреливают стариков.

– Цугцванг, – вздохнул Кольрец. – Как в шахматах. Ни мы ничего сделать не можем, ни партизаны.

– Но не будем же мы весь день валяться под этим забором?! Видите то двухэтажное здание?

– Так точно, герр гауптштурмфюрер, – подтвердил Кольрец.

– Пусть на втором этаже поставят пулемет. Оттуда позиции партизан должны отлично просматриваться. Как только пулемет их прижмет, попробуем забросать гранатами, а потом ударим.

– Слушаюсь, – козырнул унтерштурмфюрер.

Штаб был готов к эвакуации. Но Тито всё не отдавал приказа. Возможно, он надеялся на подход Ликской дивизии и других частей, которые остановили бы наступление немцев. Ведь в Дрваре он был в центре событий, отсюда мог контролировать огромную территорию, управлять партизанским движением, оставаться крупной политической фигурой, с которой неизбежно пришлось бы считаться после освобождения Югославии. В Италии он попадал в зависимость от американцев и англичан, терял управление войсками, да и его популярность среди югославов могла пострадать. Маловероятно, что он делился своими опасениями даже с ближайшими соратниками, но они, конечно, понимали истинные причины промедления.

Пока официальной версией задержки была отправка раненых. За неё отвечал капитан Белич. А фактически всё зависело от двух местных крестьян, которые срочно расширяли лаз, ведущий на потайную тропу. Трудились они усердно, но порода была тяжелая, и дело двигалось не так быстро, как хотелось бы контрразведчику, считавшему, что с эвакуацией тянуть нельзя. Проверяя работу, он чуть ли не каждые десять минут заглядывал в штольню.

– Сколько вам еще нужно времени? – в очередной раз спросил Белич.

Крестьяне, которые робели перед таким важным начальником, почесали в затылках.

– За час закончим, – неуверенно сказал один.

Белич осмотрел лаз. Он все еще был очень узок.

– Надо, чтобы человек свободно проходил. Иначе раненых не вытащить.

– Все сделаем, – успокоил второй крестьянин. – Эта тропка немцами не простреливается. Они и не заметят, что вы ушли.

Советские десантники оборудовали себе позицию в скалах, чуть ниже входа в пещеры. Отсюда кладбище, где засели немецкие парашютисты, было отлично видно. Но сейчас немцы притихли, поэтому, выставив дозорного, оперативники отдыхали после недавно отбитой атаки. Кто приводил в порядок оружие, кто курил, а Можаев учил Зарину правильно прицеливаться. За ними ревниво наблюдал Белов. Тимур Мамедов, свернувшись калачиком в стрелковой ячейке, дремал на солнышке. Он так разоспался, что майору Кузнецову пришлось встряхнуть его, чтобы разбудить.

– Мамедов, я тебе подарок принес, – сказал майор голосом доброго волшебника и вручил младшему лейтенанту винтовку с оптическим прицелом. Сон с того как рукой сняло.

– Здорово! Цейс! – пришел в восторг Тимур, разглядев марку на оптике.

– Забавляться потом будешь, – остановил его Кузнецов. – В том крайнем доме на втором этаже подозрительное шевеление. Скорее всего, немцы устанавливают пулемет. Попробуй снять пулеметчика.

Тимур, который был очень хорошим стрелком, любовно погладил приклад винтовки:

– Как Зарину учить стрелять – это Можаев, а пулеметчика снять – Мамедов.

– Иди, иди! – тут же откликнулся капитан. – Тебе надо квалификацию повышать. Рано тебя еще в инструкторы переводить.

Чтобы дом открылся целиком, Тимуру надо было забраться повыше. Где перебежками, где ползком он выбрался на облюбованное снизу место. С него действительно даже невооруженным глазом было видно, что происходит на беспокоившем майора втором этаже. Мамедов улегся поудобнее, сорвал травинки, которые могли помешать прицеливаться, и заглянул в оптический прицел. Два немецких солдата действительно устанавливали на станок пулемет. Тимур слегка опустил винтовку: перед домом, схоронившись за оградой, полсотни парашютистов готовились к атаке.

– Какие неприятные люди! – укоризненно прошептал Тимур. – Решили с фланга зайти.

Лейтенант опять перевел прицел на пулеметчиков и плавно потянул спусковой крючок. Два выстрела – два мертвых немца. Не зря инструктор гонял его на курсах снайперов. А затем Тимур взялся за ждущих сигнала к атаке парашютистов.

Немецкие парашютисты были людьми, прошедшими огонь и воду. Лишь только пуля ударила в лежавшего рядом с унтерштурмфюрером солдата, как он насторожился. Еще один, внезапно засучивший ногами прежде чем затихнуть, заставил Кольреца закричать:

– Всем укрыться! Работает снайпер.

Парашютисты мгновенно попрятались, а сам Кольрец принялся внимательно рассматривать склон напротив, где, по-видимому, засел стрелок. На глаза он не жаловался, мог за сто метров углядеть воробья и скоро засек отблеск оптики.

– Внимание! Я вижу его. Ориентир – сухое дерево. От него на три часа в пяти метрах снайпер. По моей команде. Огонь! – приказал унтерштурмфюрер.

Пули буквально взорвали землю вокруг Тимура. Его обнаружили! Он немного отполз за прикрывший его валун и скорчился в крохотной ложбинке. Огонь был такой, что голову нельзя было приподнять. Лейтенант знал, что надо вернуться на позицию, но неожиданно навалившийся страх сковал тело, сделал его бессильным. Он лежал, ни о чем и ни о ком не думая, отключив сознание, лишь кожей ощущая следующие один за другим удары пуль о камень.

Подавив огонь снайпера, Кольрец первым делом послал солдат к пулемету, и как только он заработал по партизанским окопам, парашютисты поднялись в атаку.

Прикрывая друг друга, они быстро вышли на бросок гранаты. Еще двадцать, тридцать метров, и они смогут зайти партизанам во фланг. И тогда всеми силами ударит Рибке. Разрежет, разорвет оборону на части, прорвется в пещеры. Пара минут – и судьба Тито будет решена.

Для Тимура время остановилось, его не стало. Он слышал звук взрывов, крики тех, кто продолжал сражаться, и стоны тех, кто не мог уже держать оружие, но это будто было не в реальности, а где-то еще. Далеко или близко, он не мог и не хотел понять. Весь мир сосредоточился в нем, в его желании жить. И все-таки сквозь эту стену, отгородившую лейтенанта от гибнущих товарищей, от друзей, с которыми он делил тяготы войны, все сильнее пробивался жгучий стыд. Он был столь унизительным, что Тимур заплакал. И эти слезы вдруг перешли в ярость, да такую, что страх исчез, испарился.

Лейтенант, не обращая внимания на свистевшие рядом пули, встал на колено и прижал к плечу приклад винтовки. Прежде чем его прошила очередь пулемета, он успел сделать всего несколько выстрелов. Но каждый из них нес смерть. Парашютисты смешались, остановились, затем залегли. А получившие неожиданную поддержку партизаны поднялись в контратаку. Завязалась рукопашная, не выдержав которую, немцы опять откатились за прикрытие кладбищенской стены.

Майор уже потерял представление, какая это по счету атака за сегодняшний день. Он лишь мысленно отмечал, кого из его десантников не стало. Их список становился все короче. Но усталость была такая, что даже боли от их утраты он не чувствовал. И лишь грызло сердце сознание того, что закончившийся бой не последний, как и потери.

К нему подошел Можаев. В разорванном на плече комбинезоне, с закопченным пороховыми газами лицом. Увидел ведро воды, которое кто-то из бойцов притащил из колодца в пещере, припал к нему и, шумно сглатывая, долго пил. Напившись, уселся рядом и глухо сказал:

– Еще двое наших убиты. Старший лейтенант Панцов и капитан Соколов.

– Мамедов тоже, – добавил майор.

Движения Белова, набивавшего в двух шагах от них автоматный диск, замедлились. Он непонимающе посмотрел на Кузнецова, явно не в силах осознать, что его друг, смешливый мальчишка, наивный и заботливый, готовый всегда помочь, и сам, так нуждавшийся в опеке, убит.

– Тимур?! Убит?! – едва выговорил внезапно онемевшими губами Белов. Патроны, которые он только что зачерпнул из цинка, посыпались на дно окопа, но лейтенант ничего не заметил. – У него же мама… Он один оставался… Оба брата погибли…

– Перестань! – прикрикнул на него майор. Он немало повидал таких лиц. Горе бывает столь велико, что человек перестает понимать, где он. Хорошо, если в боях передышка, тогда успеет отойти, прийти в себя. А если нет, то непременно он следующий. Тут выход только один: наорать на него, ударить, главное – разрушить стену отчуждения, которой окружают себя так сильно страдающие люди.

По окаменевшему лицу Белова текли слезы. Хотя он едва ли замечал их.

Кузнецов нашел полковника Ковача в одной из боковых штолен. Разведя небольшой костер, он вместе с Ристичем сжигал какие-то документы.

– Главни! Жив? Хвала Богу! – обрадовался Ковач.

– Пока жив, – усмехнулся майор. – Сколько еще держаться?

Полковник успокаивающе похлопал Кузнецова по плечу.

– Два тима Лицк Дивисион је ангажован непријатеља са Немцима. Падобранци ефикасно одсечен. Али све снаге Немаца нису задржати. Дакле, штаб је већ почео да се евакуишу. Након пола сата, и почнете да се повуче. Ту ће бити само препрека.

Ристич, спохватившись, стал переводить:

– Две бригады Ликской дивизии уже завязали бой. Парашютисты фактически отрезаны от подмоги. Но всех сил немцев нашим не удержать. Поэтому штаб уже начали эвакуировать. Через полчаса и вы начнете отход. Здесь останется только заслон из добровольцев.

– Куда маршал решил идти? – этот вопрос в первую очередь волновал майора. Инструкции он получил предельно жесткие: только Купрешко Поле.

– Вариантов у нас немного, – переводил ответ полковника Ристич. – Аэродром есть только в Купрешко Поле. Плохо, что и немцы об этом знают.

– Мне надо связаться с Москвой, – озабоченно сказал Кузнецов. – Надо, чтобы самолеты для эвакуации были наготове.

– Конечно, – согласился Ковач. – Но до аэродрома еще надо дойти. А у нас много раненых.

Берлин. Посольство Японии

Дипломатический прием был в разгаре. Официанты разносили шампанское, застывая около групп из дам в вечерних платьях и мужчин в парадных мундирах и фраках. Тихо играла музыка. Атмосфера была самая дружеская. Но наиболее именитые гости уже поглядывали на часы, ожидая, когда наконец протокол позволит покинуть посольство. Рейхсфюрер с сопровождавшими его офицерами СС понемногу перемещался поближе к выходу, когда в зал быстро вошел Россман.

– Извините, герр рейхсфюрер, – вытянулся он перед Гиммлером.

– Что еще, Россман? От вас нигде не спрячешься, – рейхсфюрер не скрывал своего недовольства. На вечер у него были планы, не имеющие никакого отношения к судьбам рейха.

– Но вы приказали немедленно докладывать, если возникнут какие-то затруднения с операцией «Ход конем», – попытался оправдаться гауптштурмфюрер. – Вот последнее донесение. Генерал фон Лейзер столкнулся с отчаянным сопротивлением бандитов. Против его частей действует, как минимум, партизанская дивизия.

– Такое ощущение, что наши генералы потеряли последние остатки мужества, – обратился Гиммлер к офицерам, предлагая разделить его возмущение. – Но ведь там бригадефюрер фон Оберкамп. Он стойкий боец СС. И его дивизия «Принц Ойген» неоднократно отмечалась за спецоперации.

– Именно она несет потери, – признался Россман и, пока его не прервали, вывалил все остальные скверные новости. – Парашютисты остались без поддержки. У них кончаются боеприпасы.

– Пусть продолжают атаковать, – твердым голосом приказал Гиммлер, явно рисуясь перед своим окружением. – Приказ фюрера должен быть выполнен.

Босния. Дрвар

До наступления темноты оставалась еще пара часов. Солнце висело над горизонтом и уже не так беспощадно палило. Положение немецких парашютистов было отчаянным. И Рибке это прекрасно понимал. Кончались патроны. Не было еды. Некуда было эвакуировать раненых. А их было очень много. Они лежали тут же, рядом со стрелковыми ячейками, лишенные всякой помощи.

– Кольрец, неужели им ничем нельзя помочь? – Рибке с отчаянием посмотрел на унтерштурмфюрера.

– Перевязочные материалы кончились еще днем, а медикаменты – утром. У санитаров ничего нет, – Кольрец, как и все, был измучен до предела, и, честно говоря, ему было уже все равно, что будет с ранеными, да и с ним тоже. – Все, что удалось найти, – это бочонок местной водки, – сообщил он.

– Так дайте им хотя бы водки, – приказал командир батальона. – Пусть уйдут на тот свет веселыми. Мы скоро составим им компанию.

Из дозорного охранения прибежал солдат.

– Герр гауптштурмфюрер, мы провели поиск. На передовой линии партизан нет, – его закопченную физиономию расколола улыбка. – Они скрытно отошли.

– Неужели не выдержали?! – не поверил такой удаче Рибке. – Кольрец, соберите всех, кто еще может держать оружие. Атакуем.

К входу в пещеры парашютисты шли с опаской, ожидая какого-нибудь сюрприза. Партизаны вполне могли устроить засаду или, как минимум, заминировать все вокруг. Но саперы ничего не нашли. Мин не было. Как не было ни убитых, ни тем более раненых. Их унесли, отступая. И это еще больше настораживало. Партизаны отходили, не торопясь, без паники, которая бывает неизбежным спутником разгрома. Значит, это тактический ход, и они что-то готовят.

Миновав тоннель, – все отходящие от него штольни были пусты, – несколько парашютистов во главе с Рибке вошли в большую пещеру. Надо полагать, это был центр штаба. Но и там было пусто. На земле валялась сломанная мебель, сквозняк гонял обрывки бумаг. Посередине стоял стул. На его спинке висел югославский мундир с маршальскими звездами. Увидев его, гауптштурмфюрер расхохотался:

– Тито не откажешь в юморе. Но, думаю, – это подарок не для нас, а для рейхсфюрера. Впрочем, он едва ли его обрадует, – и, поняв, что сказал лишнее, приказал. – Ищите выход из пещеры, по которому они ушли. Надо организовать преследование.

26 мая 1944 года. День пятый. Окрестности Дрвара. Штаб 6-й Пролетарской Ликской дивизии «Никола Тесла»

Эта дивизия была одной из наиболее боеспособных частей в Народно-освободительной армии Югославии. Сформированая в ноябре 1942 года, она уже в декабре приняла участие в тяжелых боях с итальянцами и хорватскими фашистами. Ею были разгромлены итальянские дивизии «Ре» и «Сасари». 19 марта 1944 года по указу Верховного штаба НОАЮ дивизии присвоили почетное звание «Пролетарской» и даровали имя Николы Теслы. Она первой в югославской армии стала гвардейской. И теперь именно её бригады встали на пути дивизии СС «Принц Ойген», прикрывая отход штаба Тито.

На поле боя им еще встречаться не приходилось. Но командир 6-й дивизии генерал Раде Жигич знал, что противник у него серьезный: два горно-егерских полка, артиллерийский полк, танковый батальон и батальон штурмовых орудий, кавалерийский и разведывательный батальоны. По технической оснащенности и огневым средствам эсэсовская дивизия значительно превосходила партизанскую. И все-таки бойцы Ликской дивизии не боялись столкновения с фольксдойче, а ждали и хотели его. Счет к дивизии «Принц Ойген» был выписан давно, и каждый месяц он пополнялся рассказами о новых преступлениях эсэсовцев в Боснии и Сербии. И, зная настроения своих бойцов, генерал Жигич был уверен, что они выстоят. Поэтому он был спокоен, хотя давление на бригады росло с каждым часом. К немцам подходили подкрепления, и они немедленно вводили их в бой.

Связист протянул генералу трубку.

– Товарищ генерал, командир 3-й бригады на проводе.

Жигич, давно ждавший от него донесения, внимательно выслушал требовавшего помощи полковника и, поскольку хорошо знал своих офицеров, по тону понял, что положение далеко от критического.

– Всё понимаю, – сказал примирительно генерал. – Тем не менее, продолжайте атаковать. Сковывайте части немцев. Не давайте им маневрировать.

Штабист, наносивший данные на карту, не услышав от Жигича распоряжения о задействовании резерва, счел нужным заметить:

– Бригада несет огромные потери. Если немцы смогут подтянуть дополнительные подкрепления, мы можем оказаться в окружении.

Жигич подошел к выходу из палатки, откинул полог. В свежем утреннем воздухе все больше чувствовался острый запах пороховой гари.

– Мы должны выиграть время для отступления штаба, – каждое слово генерал выговаривал так, будто диктовал приказ. – Сейчас их преследуют только немецкие парашютисты. Как только мы перестанем давить на части, сконцентрированные под Дрваром, немцы перебросят их на направление Потоци – Купрешко Поле и отрежут наш аэродром. Атаки будем продолжать.

Эсэсовцы никак не ожидали, что столкнутся с таким ожесточенным сопротивлением. И офицеры, и солдаты предполагали, что операция будет иметь привычный карательный характер, а боевые действия сведутся к подавлению всего одного партизанского батальона. Но сейчас им противостояла целая дивизия озлобленных фанатиков, готовых рвать немцев зубами. Поэтому боевой пыл сербских, боснийских и хорватских фольксдойче несколько приугас уже после первых контратак бойцов НОАЮ, а потом стал переходить в откровенную панику.

Два немецких пулеметчика, расположившихся на правом фланге наступавшей цепи, первыми заметили, что партизаны опять поднимаются в контратаку. Передышка после предыдущей была настолько короткая, что они даже не успели приготовиться к новому бою.

– Ствол перегрелся. Меняй! – заорал второй номер, выдергивая новую ленту из цинка. Но вместо этого его товарищ отполз от пулемета. Закрыв голову руками, он, что-то бормоча, раскачивался из стороны в сторону, словно иудей во время молитвы.

– Мартин, что с тобой?! – не отрывая взгляда от приближавшихся партизан, второй номер попытался лягнуть очумевшего камарада ногой. – Очнись, скотина! Надо стрелять!

– Не могу. Больше не могу, – шептал тот, продолжая раскачиваться. – Они все сошли с ума. Сам их убивай!

Второй номер попытался дотянуться до пулемета, но поздно – над ним уже навис здоровенный парень, державший винтовку за ствол. Лицо его было искажено такой ненавистью, что немец от страха зажмурился. Он так и умер с закрытыми глазами.

По горному ущелью, растянувшись на много сотен метров, двигалась колонна бойцов НОАЮ. Тито спешил оторваться от преследующих их немцев и запретил делать долгие привалы. И хотя ночью удалось поспать всего пару часов, по утреннему холодку идти было легко. В арьергарде шли советские десантники. Их оставалось всего пять человек.

Зарина, считавшая себя полноправным членом отряда Кузнецова, шагала вместе с ними. Вид у неё был очень серьезный, хотя, посматривая время от времени на идущего рядом Белова, от улыбки она не могла удержаться. Лейтенант в её сторону старался не смотреть, но краем глаза все, тем не менее, подмечал. Заметив, что она опять стала подтягивать лямки вещевого мешка, – он все-таки был тяжел для её тонких девичьих плеч, – Белов решительно забрал его и забросил себе за спину. Зарина рассмеялась, а лейтенант опять густо покраснел. С появления в отряде этой девочки он стал слаб на краску, заливался ею при каждом взгляде на Зарину.

Товарищи, конечно, это заметили и поначалу не могли удержаться от шуток в его адрес, но потом попритихли, зная бешеный нрав Белова. Вот и сейчас, шедшие за парой Можаев и Ристич только с пониманием переглянулись.

– А у этих свои переживания, – негромко сказал Ристичу Можаев. – Правда, приятные. Даже завидно.

– А мне их жалко, капитан, – подхватил разговор Ристич, который обрадовался тому, что этот хмурый русский, похоже, может думать не только о войне. – Несколько минут счастья – вот и все, что пришлось на их молодость. Этот мальчик – Пётр – видел такое, что и взрослый мужчина перенесет с трудом.

– Он – офицер, – коротко ответил Можаев, как бы подводя черту под все совершенно не уместные в этой обстановке переживания.

– Я понимаю, – согласился с ним Ристич. – Сейчас все солдаты. Даже эта девочка. И по-другому быть не может. И все-таки мне их жаль.

– Где вы так хорошо выучили русский язык? – спросил Можаев, желая сменить тему.

– Я долго жил в Москве. Работал в Коминтерне. Был помощником Милана Горкича, – охотно объяснил Ристич.

– Кто это? – удивился капитан. – Никогда не слышал.

– Замечательный человек, удивительной смелости и беззаветной преданности рабочему классу, – мгновенно посерьезнев, ответил Ристич. – Он был Генеральным секретарем Коммунистической партии Югославии. Много работал в подполье. Сталин расстрелял его, как и многих других честных коммунистов.

– Но-но! Сталина не трожь! – Можаев был так возмущен, что даже задохнулся. – Мы все готовы отдать за него жизнь.

– Ты, капитан, храбрец, но ты – маленький винтик в огромной военной машине, – примирительно произнес переводчик и вздохнул. – Едва ли у тебя когда-нибудь появится возможность познакомиться с «отцом народов». А я его знаю очень хорошо. Даже слишком хорошо.

– Благодаря товарищу Сталину мы победим в этой войне, – настаивал капитан, лихорадочно вспоминая прочие аргументы, которыми его вооружили на политзанятиях.

– Вы уже победили ценой огромных жертв, которые принес ваш народ, – Ристич достал кисет и протянул его Можаеву. – А Сталин в этой войне выиграл. И за его выигрыш вам еще придется заплатить многими миллионами жизней.

– Это предательские разговоры, – стоял на своем капитан, не забыв угоститься табаком.

– Это честный разговор, – твердо сказал Ристич. – И мне уже слишком много лет, чтобы его бояться.

Спор, возможно, продолжился бы и дальше, и даже высока вероятность того, что он перешел бы на личности спорящих, поскольку капитан внутри уже кипел, но тут отряд догнал боец из арьергардного охранения. Увидев знакомого ему по штабу Ристича, он обратился к нему:

– Где је командант?

– Что случилось? Почему такой запыхался? – спросил по-сербски Ристич.

– Немци! – отрезал боец.

Услышав это известие, к ним подошел Кузнецов.

– У нас на хвосте немцы, – объяснил майору Ристич. – Наверное, парашютисты.

– Стоит организовать засаду, – не промедлив и секунды, предложил майор. – Местность позволяет. Кто со мной? – он обвел взглядом бойцов.

Добровольцами вызвались тридцать человек, в том числе и капитан Белич, которому хуже горькой редьки надоели игры в шпионов. Вперед вышел и Можаев:

– Разрешите, товарищ майор, командовать этим отрядом?

– Я сам с ним пойду, – отказал капитану Кузнецов.

– Нет! У вас другая задача, – вполголоса, чтобы никто из окружающих не слышал, сказал Можаев.

Майор, понимая, что капитан прав, коротко кивнул и отошел в сторону.

– И тебя, Петя, я не возьму, – продолжил отсев Можаев. – Из наших со мной пойдут Муковозов и Джирквелов.

Можаев шел на опасное дело. Засада засадой, а добровольцев всего было три десятка против, как минимум, трех сотен парашютистов. И в горах они воевать умели. Белову стало так страшно за Можаева, что он, облапив капитана, крепко прижал его к груди. И хотя Можаев, конечно, понимал чувства товарища, но удержаться от того, чтобы подтрунить над ним, не мог:

– Петя, что ты ко мне лезешь с поцелуями?! Иди на Зарине тренируйся!

На этот раз покраснел не только Белов, но и Зарина, которая все отлично поняла.

Москва. Главное управление контрразведки НКО

Совещание, которое созвал генерал Селивановский, заняло всего несколько минут. Длинных речей не произносили, званиями не мерялись, а думали, как вытащить и маршала со штабом, и своих из немецкого кольца. Для начала генерал коротко объяснил обстановку, прибегая, когда это нужно, к расстеленной на столе карте Боснии.

– Кузнецов докладывает, что Тито уже в 10 километрах от Купрешко Поле. Сюда же выдвинулся партизанский отряд «Красная звезда». Но в нем всего полторы сотни штыков. А немцы подтягивают серьезные силы. Подходит дивизия «Принц Ойген». Партизаны не смогут их долго сдерживать. Операцию по эвакуации надо провести максимально быстро. Но в нашем распоряжении всего два транспортных самолета. Они могут взять только 40 человек. А партизан, как минимум, две сотни.

В кабинете повисло напряженное молчание. Предложений ни у кого не было. Неожиданно подал голос полковник с голубыми петлицами ВВС, который до этого подчеркнуто держался в стороне:

– А в горы они уйти не могут?

– У них много тяжелораненых. Как они их потащат?! – рассердился Селивановский. Полковник сконфузился. Но тут ему в голову пришла мысль:

– У англичан в Бари два десятка транспортников. Можно организовать «воздушный мост».

Все с облегчением вздохнули. Бросать партизан на съедение немцам было позорно. А Селивановский, который и без того потерял в этой операции две группы опытных оперативников и очень боялся за третью, заулыбался во все лицо.

– Правильно. Попросите помощи у союзников. Надеюсь, они не откажут. А нашим пилотам объявите часовую готовность.

Босния. В окрестностях Купрешко Поле

До Купрешко Поле было уже недалеко. Но и сил осталось немного. Те раненые, которые могли идти сами, с трудом ковыляли, то и дело присаживаясь отдохнуть на обочине. Тяжелых несли на носилках, по возможности сменяясь. Помощи им оказать не могли, взятый с собой запас медикаментов быстро иссяк, и несколько человек уже похоронили. Вот и сейчас в стороне от дороги трое бойцов заканчивали обкладывать камнями очередную могилу. Неподалеку от неё на стволе упавшего дерева сидели майор Кузнецов и Белов.

– Уже три часа прошло, – взглянул на циферблат лейтенант.

– Три часа семь минут, – машинально уточнил майор.

– Как вы думаете, товарищ майор… – начал Белов.

– Отстань, Белов. Не знаю. А гадать не хочу. Не приучен, – оборвал его вопрос Кузнецов, который, конечно, догадывался, о чем тот хочет спросить. – Можаев – знаток засад. Но и немецкие парашютисты – народ тертый. В горах они действовать умеют. Пошли! – майор поправил висевший на груди автомат и пошел догонять ушедших вперед Зарину и Ристича.

Лондон. Штаб ИСО

Бригадир Роулинсон быстро прочитал донесение и снял трубку телефона.

– Соедините меня с премьер-министром, – попросил он. – Господин премьер-министр? Роулинсон! Добрый день! К нам обратились коллеги из русской разведки. Они просят помочь при эвакуации штаба маршала Тито из Дрвара. Что? Вы знаете об этом? Не расслышал. Нелетная погода? Наши транспортники не смогут сесть?! Это ваше решение? Окончательное?! Извините, господин премьер-министр, но там и члены нашей военной миссии. Да, я понял, что они тоже солдаты. До свидания, господин премьер-министр.

Италия. База британских ВВС в Бари

Рядом со взлетной полосой в полной готовности стояли два советских транспортника. На раскинутом на земле куске брезента сидели два пилота и курили. Рядом с ними затормозил джип, из которого выпрыгнул подполковник из советской миссии. Пожав руки летчикам, он обратился к старшему:

– Шорников, Москва интересуется вашей готовностью.

– Мы уже два часа готовы, – лениво ответил Шорников. Его чрезвычайно раздражала суета, поднятая вокруг, на его взгляд, обычного полета к партизанам. – Скоро придется за папиросами посылать. Одну пачку уже скурили.

– А как вам метеоусловия? – заискивающе спросил подполковник, который понимал, что его власть до взлета. А дальше все будет зависеть от мастерства пилотов. И, понятно, от их удачи.

– Погода, как погода. Могла бы быть для конца мая и получше, но видимость – нормальная.

– А вот англичане говорят, что лететь нельзя, – не удержался подполковник.

– Что же я могу сделать? – удивился Шорников. – Не идти же их переубеждать.

– Ладно. Ждите ракету. Уже скоро, – и подполковник полез в машину.

Шорников опять лег на брезент и уставился в небо.

Босния. Партизанский аэродром в Купрешко Поле

Свинцовые тучи, налитые влагой, утюжили землю, цеплялись за вершины окрестных гор, тяжелыми тушами сползали по склонам. Накрапывал дождь. Был он не по-весеннему холодным и промозглым. По дороге бежали ручьи, превращавшие пыль в грязь, висевшую на сапогах бойцов огромными ошметьями. А люди и без того еле передвигали ноги. Безостановочный марш до Купрешко Поле вымотал даже самых сильных. А что же говорить о раненых и больных! Едва дойдя до партизанского аэродрома, они повалились в мокрую траву, не обращая внимания на беспрерывно сеявшиеся сверху мелкие капли – больше промокнуть все равно было невозможно.

Кузнецову хватило одного взгляда, чтобы оценить все недостатки и преимущества этого импровизированного летного поля, а по сути обычного деревенского луга. По большому счету он ничем не отличался от тех партизанских аэродромов, что он видел в России, на Украине, в Белоруссии. Поле и поле. Сравнительно ровное. Хороший пилот посадит на нем самолет без проблем. А вот для разбега места маловато – с трех сторон площадку окаймляет высокая скала. Но она же не даст немцам ударить в тыл. А с четвертой – склон, по которому спускается узкая проселочная дорога. Опять же для обороны очень удобно. Только с кем эту позицию оборонять? Встречавших их бойцов отряда «Красная звезда» было немного. Чуть больше сотни.

Командир отряда Душан Николич, человек средних лет с интеллигентным приветливым лицом, отрапортовав маршалу, подошел к Ковачу и Кузнецову.

– Командир одреда «Црвена звезда» Николић, – вскинув руку к пилотке, представился он.

– Пуковник Ковач.

– Майор Кузнецов, – отрекомендовался и Кузнецов, пожимая руку Николичу. Рука неожиданно оказалась крепкая, мозолистая, явно знакомая с тяжелой работой.

– Које су упуте, друже пуковниче? – спросил о распоряжениях командир «Красной звезды».

Ковача прежде всего интересовало, как близко находятся немцы и какими силами располагает Николич. Но ничего утешительного он не услышал. Отряд Николича пытался задержать передовые части дивизии «Принц Ойген», однако безуспешно. Выдержать натиск немцев он не смог и отошел к Купрешко Поле, чтобы организовать оборону. Сейчас партизаны и некоторые местные жители, которые присоединились к отряду, рыли окопы. А вот кого в них сажать – проблема! Людей очень мало, боеприпасов – тоже. На всю линию траншей всего четыре пулемета. Гранат осталось четыре ящика.

– То је лоше! – подвел грустный итог Ковач, но иного выхода не было. Надо было держаться до прилета самолетов. Ковач так и сказал. – Али ми ћемо задржати одбрану све док не испунимо маршала, – и приказал Кузнецову радировать в Бари. – Позовите авионе, мајоре!

Рыть окопы в этой земле было трудно. Их приходилось скорее выдалбливать, так много попадалось камней. Хотя худа без добра не бывает: из них выкладывали брустверы с бойницами. От снаряда они, конечно, защитить не могли, а от пуль берегли отлично. Лопаты и кирки в руки взяли все, даже раненые и больные. Хороший окоп для солдата, что та же крепость. Если грамотно сделан, он солдату сил прибавляет. Поэтому Белов, начинавший войну в пехоте, долбил неподатливую землю, не обращая внимания на усталость, надоевший дождь и потоки пота, струившиеся по спине. Кузнецов лопатой выбирал землю из окопа. Зарина таскала камни. За этой работой и застал их Можаев. Голова у него была обвязана пропитанной кровью тряпкой, кисть левой руки перевязана бинтом.

– Борис! Живой! Ранен? – обрадовался заметивший его первым майор.

– По голове лишь чиркнуло. Да и с рукой чепуха, сквозное, – отмахнулся капитан. – Товарищ майор, ваше задание выполнено. Парашютисты, понеся большие потери, отступили. Наши потери – двадцать три человека.

– А Джирквелов? Муковозов?

– Убиты. И капитан… Белич, кажется, тоже… Попить ни у кого нет?

Выскочивший из окопа Белов протянул ему флягу. Можаев сделал несколько жадных глотков, передохнул и снова припал к фляге. Затем уселся на торчавший из земли валун.

– Как у вас?

– Ждем самолеты, – Белов с участием посмотрел на черного от усталости капитана.

– И немцев, – добавил Кузнецов, показывая на окоп. – Они на подходе.

– Понятно, – кивнул головой Можаев. – Я посижу пока немного. Что-то голова кружится. У тебя, Петя, запасного диска нет? И хотя бы парочки гранат?

Лейтенант, порывшись в мешке, вытащил две гранаты и диск к ППШ.

– Давай я тебе хлеба с сыром принесу, – предложил он. – Соседей, я видел, крестьяне угощали.

– Нет, спасибо, Петя, – замотал головой капитан. – Ничего не хочу. Просто посижу. Скоро бой. Похоже, последний.

Москва. Кабинет начальника ГУКР СМЕРШ комиссара ГБ 2-го ранга Абакумова

Виктор Семенович Абакумов Советскую власть любил, как любит избалованный ребенок своих родителей, получая от них все и ничего не давая взамен. Карьеру он при ней сделал исключительную, совершив прыжок, как говорится, «из грязи в князи» только за счет пронырливости характера и неразборчивости в средствах. Чудовищно безграмотный, – он закончил только четыре класса городского училища, – с наклонностями садиста, – будучи начальником управления НКВД по Ростовской области, лично пытал задержанных, – Абакумов с 1938 года попал в поле зрения Лаврентия Берии и волей этого страшного человека всего за пять лет из младших лейтенантов госбезопасности вырос до должности заместителя народного комиссара внутренних дел СССР. Сталин ценил его за умение собирать компромат на военачальников Красной Армии, коллеги его боялись и презирали, а сам он шел по жизни, руководствуясь лишь одним – насколько это действие или явление выгодно лично ему.

После разноса у Верховного, – Сталин в чисто профилактических целях любил напоминать своим служкам, кто в доме хозяин, – Абакумову проштрафиться было никак нельзя. Поэтому за ходом операции по эвакуации Тито он следил пристально, стараясь вникать и контролировать все детали. И сейчас, слушая доклад генерала Селивановского, всесильный начальник СМЕРШа одновременно прикидывал, откуда ему может грозить опасность.

– Таким образом можно рассчитывать, что уже к 21.00 по Москве товарищ Тито и его ближайшие сотрудники будут в безопасности, в Бари, – закончил генерал.

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнул! – одернул Селивановского Абакумов. – Знаешь такую пословицу? Если партизаны не удержат аэродром, то и сажать самолеты будет некуда.

Генерал промолчал. Он прекрасно понимал, что на самом деле беспокоит Абакумова.

– Товарищ комиссар госбезопасности, есть еще одна проблема, – собравшись с духом, обратился к Абакумову генерал.

– Ну, давай до кучи! – милостиво разрешил Абакумов. Самолеты должны были вот-вот приземлиться, а значит, скоро можно будет доложить Сталину, что его приказ выполнен.

– Товарищ Тито вывел к Купрешко Поле двести человек, в том числе остатки нашей разведгруппы. Планируя их эвакуацию, мы рассчитывали на помощь англичан, но они отказали. Прошу вашего разрешения задействовать транспортную авиацию фронта, чтобы вывезти из окружения людей.

– Ты с ума сошел! – испугался Абакумов. – И к кому я пойду выпрашивать для тебя самолеты. Сколько их тебе надо?

– Учитывая необходимость эвакуировать раненых, не меньше десяти самолетов, – уже понимая, что Абакумов ему откажет, сообщил свои расчеты Селивановский.

– Десять! А почему не пятнадцать! Чтобы со всеми удобствами! – разорался Абакумов, который, как всякий человек с холуйским складом характера, считал ор нормальным стилем общения начальника с подчиненным. – Эк, куда хватил! Чуть ли не целый полк! Товарищу Сталину приходится каждый день решать столько вопросов! А тут я еще к нему приду! Извините, товарищ Сталин, у нас неувязочка вышла. Мы людей вывезти не можем. Дайте самолетиков.

– Можно обратиться к главкому авиации, – сухо подсказал генерал.

– А можно к господу Богу, – отрезал начальник СМЕРШа. – Иди, Селивановский! Не морочь мне голову! Когда Тито приземлится в Бари, доложишь!

Босния. Окрестности Купрешко Поле

В засаду немцы вкатились, как паровоз в депо. Едва вошли в ущелье, как спереди ударили автоматы, а потом сверху полетели гранаты. Сработай заложенный партизанами фугас, так мало кто вырвался бы из этой щели между двумя отвесными скалами. Но провод перебило пулей, а тридцать стволов против трехсот – бой неравный. Поэтому после первой минуты оторопи парашютисты все-таки вспомнили свою выучку, рассредоточились, а потом начали гасить одного за другим ведущих по ним огонь партизан.

Но и среди парашютистов погибли многие. Уже второй час немцы сносили трупы и укладывали их в ряд возле дороги. Рибке в этом участия, естественно, не принимал. Он устроился в теньке с сигаретой, прикидывая, как быстро они смогут выйти к Купрешко Поле. Посланный с разведкой унтерштурмфюрер Кольрец застал его разглядывающим карту.

– Всё! Партизаны оторвались, – сообщил командиру Кольрец, усаживаясь рядом на камень. – Преследовать их дальше бесполезно.

– Вы, Кольрец, с какого года в армии? – подняв на унтерштурмфюрера глаза, холодно поинтересовался Рибке.

– С 1939-го, герр гауптштурмфюрер, – ответил озадаченный неожиданным вопросом Кольрец.

– Порядочно, – с усмешкой протянул Рибке. – И до сих пор не уяснили простую истину, что у победы множество отцов, а виновник поражения всегда один. На эту роль уже назначили нас. Так что выбор не велик. Либо мы прикончим Тито, либо нас всех расстреляют перед строем. Скорцени об этом позаботится. В общем, десять минут отдыха и продолжаем преследование.

Италия. База британских ВВС в Бари

Красная ракета, рассыпая искры, взлетела в небо. Шорников поднялся, аккуратно свернул брезент и, держа его под мышкой, поднялся в самолет. Он уже собирался втянуть металлическую лесенку, когда прямо к люку подрулил джип подполковника.

– Последняя метеосводка, – из-за шума работающих двигателей подполковнику пришлось кричать. – Над Боснией низкая облачность. Дождь. Истребителей можно не опасаться. Аэродром найдешь?

– Ночью находил, – рассердился от такой заботливости Шорников. – А уж днем – тем более.

– Тогда всё! – больше сказать подполковнику было нечего.

Шорников убрал трап и задвинул дверцу. Через минуту самолет взлетел. За ним поднялся в воздух второй транспортник.

Босния. Окрестности Купрешко Поле

«У партизан неплохие позиции», – вынужден был признать командир дивизии СС «Принц Ойген» бригадефюрер Карл фон Оберкамп и чертыхнулся про себя. – «Как их штурмовать? Тут полк можно положить». В поисках совета фон Оберкамп обернулся к штабистам. Сопровождавшие его офицеры молча рассматривали в бинокли линии окопов, прочертившие склон горы.

– Надо подтянуть дивизионную артиллерию, – заметил один из штабных. – Аэродром можно было бы накрыть из гаубиц.

– Орудия подойдут не раньше, чем через час, – поспешил доложить командир артиллерийского полка.

Фон Оберкамп поморщился. Цену обещаниям своего артиллериста он знал хорошо. Час, несомненно, превратится в три. А за это время партизаны эвакуируют и Тито, и союзнические миссии. Бригадефюрер уже открыл рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, но его опередил адъютант.

– Герр бригадефюрер, к вам просится староста деревни.

– А этому что надо? – возмутился фон Оберкамп.

Кемпке дал знак, и автоматчик из охраны подвел какого-то замызганного крестьянина. Низко поклонившись генералу, он быстро заговорил по-сербски:

– Господине генерале, дозволите ми да отерају крдо. Ваши војници ће убити све наше овце. И то је све што имамо.

– Он просит разрешения отогнать овец, – перевел оберштурмфюрер.

Этот грязный серб своим нытьем переполнил чашу терпения бригадефюрера, которая, признаться, никогда не была слишком глубокой.

– Беспокоится, что нечем будет кормить партизан?! – пришел в негодование фон Оберкамп, потрясая кулаками перед лицом испуганного старосты. – Овец перестрелять, бараньи туши распределить по батальонным кухням. А этого – повесить! Он, наверняка, пособник бандитов.

Автоматчик ухватил старосту за ворот и потащил его к околице деревни, где дивизионные специалисты уже налаживали виселицу. Их предыдущий опыт подсказывал, что она непременно понадобится.

– Ваш пейзанин сбил меня с мысли, Кемпке! – никак не мог успокоиться бригадефюрер. – Больше не отвлекайте меня подобной ерундой.

Потребовалось несколько минут, прежде чем фон Оберкамп смог вернуться к предстоящей атаке.

– Итак, господа! – призвал он офицеров к вниманию. – Авиация нам в помощи отказала. Их, видите ли, не устраивает погода. Танки здесь тоже бесполезны. Придется выкуривать этих бандитов из каждого окопа, из каждой щели.

На план наступления речь бригадефюрера никак не тянула. Но поскольку других предложений не последовало, подчиненным фон Оберкампа стало ясно, что атаковать придется в лоб, причем без артподготовки.

Босния. Партизанский аэродром в Купрешко Поле

С атакой немцы тянуть не стали. Из наблюдательного пункта полковника Ковача хорошо было видно, как они разворачиваются в цепь, как быстро перебегают от одного укрытия к другому, стремясь подобраться к партизанским окопам. Но тут заработали пулеметы, и немцы, потеряв несколько человек, откатились. И тут же забухали немецкие минометы. Меж окопами партизан встали кусты разрывов. Наблюдавший за боем полковник обернулся к радисту.

– Да ли имате радио комуникацију са авионима стабилно?

Радист кивнул: связь с самолетом была устойчивая.

– Да ли ускоро долазе? – нетерпеливо спросил Ковач.

– Рекли су да ће они бити над нама за десет минута, – успокоил радист.

«Через десять минут самолеты будут здесь, – начал мысленно подсчитывать Ковач. – Это уже хорошо! Если погрузятся за полчаса – выстоим, если затянут хотя бы на час – можем не удержаться».

К сожалению, так думал не один только полковник. Поднявшийся на наблюдательный пункт Кузнецов был обеспокоен тем же.

– В цепи каждый второй боец ранен. Почему американцы и англичане из миссий отсиживаются на аэродроме?

Ковач понимал, что майор имеет право задать этот вопрос. Из его отряда в живых осталось лишь трое. Но помочь русскому ему было нечем.

– Мы не можем им приказать, – только и сказал полковник. – Отводите людей сюда, на гребень. Нам надо продержаться еще хотя бы полчаса.

В кабине советского транспортного самолета

По мере приближения к Купрешко Поле напряжение в кабине возрастало. Шли в сплошной облачности, которая лишь временами редела, чтобы потом опять сгуститься до полной потери видимости. Однако второй самолет уверенно держался за машиной Шорникова.

– Ни черта не видно! Летим, словно в молочном киселе, – пробурчал Шорников.

– По расчетам, мы должны быть в районе аэродрома, – откликнулся второй пилот.

Еще несколько минут прошло в полном молчании.

– Хоть бы дырочку, чтобы сориентироваться… – Шорников до рези в глазах искал разрыв в облаках и ничего не находил. – Что за невезенье! Надо снижаться. Иначе аэродром не найти.

– Куда?! Кругом горы. Разобьемся! – предостерег второй пилот.

– Где наша ни пропадала! – и Шорников отдал штурвал вперед. Он верил не столько в свою удачу, сколько в чутье, которое ни разу не подводило его во время ночных и слепых полетов.

Самолет начал снижаться. И тут…

– Вижу! Вижу, командир! – закричал второй пилот. – На семь часов – поляна. Это он! Аэродром!

– Ага! – Шорников был чрезвычайно доволен собой. Будь он на земле, то непременно выкинул бы какое-нибудь коленце. Прошелся бы вприсядку или хотя бы подкинул фуражку. Но в кабине не развернешься. Поэтому он лишь бросил второму пилоту. – Свяжись со вторым бортом. Заходим на посадку.

Босния. Партизанский аэродром в Купрешко Поле

На последней линии обороны, – дальше начиналось поле, на которое должны были приземлиться самолеты, – оставшиеся в живых занимали позиции. Вот только защитников было очень немного. Минометы порядком проредили ряды партизан. На их огонь отвечать было нечем.

Можаев в разорванной гимнастерке – он был ранен еще и в плечо, – пристраивал пулемет. Рядом набивал ленту Белов. Измазанная в глине Зарина пыталась привести в порядок испачканную одежду.

Из соседнего окопа к ним переполз Кузнецов. Правая нога чуть выше колена была у него перебинтована поверх штанины.

– Ранили, – констатировал Можаев.

– Ерунда, – отмахнулся майор, тем самым давая понять, что есть дела и поважнее. – Отходить можно только после того, как самолеты взлетят.

– Куда же здесь отходить? – изумился такому распоряжению капитан. – Всех на этом поле, как куропаток, и перестреляют.

– Значит, можно не отходить, – легко согласился Кузнецов и, привалившись к стенке окопа, закрыл глаза, намереваясь немного подремать.

Однако отдохнуть ему не пришлось. Подошел Ристич с большим глиняным кувшином.

– Принес вам немного вина, – сообщил он. – Здесь делают хорошее вино. Густое и ароматное. Жаль только, закусить нечем.

– У меня сухарь есть, – тут же нашел выход Можаев.

– И кружка всего одна, – извинился переводчик. – Впрочем, это чепуха, – решил он и налил большую солдатскую кружку до краев. – И пусть я не могу усадить вас за богато накрытый стол, за которым у нас принято принимать гостей, но я могу сказать… Обязан сказать… – продолжил Ристич. – Мы вместе сражались против османов, против австрийцев, теперь – против фашистов. У правителей короткая память, но народ никогда ничего не забывает. Как не забудет он тех русских ребят, что погибли на нашей земле. Спасибо вам, товарищи! От всего народа спасибо!

Ристич отпил и передал кружку Можаеву. Тот – Кузнецову. Кузнецов – Белову. Белов – Зарине.

– Вот наш последний общий обед и закончен, – капитан взял кружку у Зарины и вернул её Ристичу. – А теперь культурная программа с фейерверками.

Немецкие парашютисты, – их осталось не больше двух десятков, – укрылись в неглубокой лощине в ста метрах от окопов партизан. Во время последней атаки они попали под фланговый огонь и потеряли не менее тридцати человек. Не случись им наткнуться на этот овражек, перебили бы всех. Скатившись на его дно, Рибке, грязный, измотанный до предела, попытался закурить. Спички одна за другой тухли в дрожащих руках.

– Есть огонь? – спросил гауптштурмфюрер сидевшего рядом парашютиста.

Тот молча достал из кармана зажигалку и дал прикурить. Рибке пару раз затянулся и отбросил сигарету.

– Дерьмо! Ничего не чувствую. Праквиц! Сколько наших осталось?

Уставший не меньше командира шарфюрер привстал и пересчитал солдат.

– Восемнадцать человек, герр гауптштурмфюрер, – доложил он.

– А Кольрец? Где Кольрец? – забеспокоился Рибке, который никак не мог вспомнить, когда он в последний раз видел своего заместителя.

– Убит. Еще час назад, – равнодушно сказал шарфюрер.

Со стороны гор из облаков вынырнули два транспортника с красными звездами на крыльях. Сделав круг над полем, они пошли на посадку.

– Ого! Самолет для господина маршала подан! – прошептал Рибке, провожая их взглядом. – Ребята! – обернулся он к солдатам. – Поможем Тито погрузить чемоданы!

Парашютисты, никак не отреагировав на попытку командира пошутить, послушно полезли вверх по склону. Рибке передернул затвор автомата и собрался последовать за ними, как вдруг заметил скорчившуюся за камнем фигуру.

– А ты? – ткнул солдата сапогом гауптштурмфюрер.

– Я ранен, герр гауптштурмфюрер, – парашютист показал Рибке перевязанную грязным бинтом кисть. Смотреть в глаза командиру он боялся и все время отводил взгляд. У Рибке не было сил, даже чтобы выругаться. Короткая очередь в упор, и он бросился догонять ушедших вперед солдат.

Едва закончился огневой налет, как немцы атаковали с нескольких сторон. Три из четырех партизанских пулеметов уже молчали. Только Можаев бил и бил по наступающей цепи. На дно окопа сполз убитый наповал Ристич. Кинувшегося было к нему Белова капитан остановил окриком:

– Белов! Назад! Готовь гранаты!

Закончилась пулеметная лента. Можаев схватил стоявший под ногами цинк. Он был пустым.

– Зарина! Патроны! – приказал капитан, даже не посмотрев в её сторону.

Два немецких автоматчика, воспользовавшись тем, что пулемет замолк, приготовились метнуть гранаты. Но буквально секундой раньше к ним прилетела «лимонка», брошенная Беловым. Двойной взрыв разметал их тела на части.

– Слева! Зарина! Слева! – передернув затвор, лейтенант выстрелил в высунувшегося из-за скалы немца. В пылу боя он не заметил, что Зарина убежала за боеприпасами.

Самолет прокатился еще несколько метров по траве и замер. Один за другим замолкли двигатели. Люк распахнулся, и из него спустили трап. На землю соскочил Шорников.

– Быстрее! Быстрее! – закричал он спешившим к самолету штабным. – Погода меняется. Если небо очистится, жди немецких истребителей, – пояснил Шорников встречавшим.

Ящики с документами, какие-то тюки, чемоданы и вещмешки… В секунду у люка навалили целую гору багажа. Шорников схватился за голову и стал безжалостно отбрасывать в сторону личные вещи, стремясь максимально облегчить самолет. Освободившиеся от груза бойцы бежали к цепи, чтобы занять место рядом с защитниками аэродрома.

Огонь партизан слабел. Уже по всей линии обороны в ход пошли гранаты. А если стреляли, то стреляли в упор. И гибли, гибли бойцы. Если везло, унося жизнь врага. С оружием в руках. Даже тяжело раненные сражались до последнего. Они понимали: пощады никому не будет.

На глазах у Можаева сраженный осколком упал майор Кузнецов.

– Командир! – позвал Можаев и понял, что сделать уже ничего нельзя.

– Что там? – крикнул почуявший неладное Белов. Он вставлял последний диск в ППШ. Всё! Патронов больше не было!

– Командира убили, – тихо сказал капитан, но слова его прозвучали оглушающе громко. Калуев, Мамедов, Гринченко, Джирквелов, Соколов, Муковозов… А теперь и майор… Товарищи, друзья! Ближе родни, дороже любого свойственника!

И нет даже минуты, чтобы попрощаться с человеком, который был совестью их группы, по которому сверяли свои поступки, которым гордились, в которого верили, зная, что он поможет, прикроет, выведет.

А из окопов и стрелковых ячеек уже поднимались в контратаку партизаны. В последнюю атаку. И вела их не горячка боя, не ярость, а долг. Высочайший, воинский, который оплачивается смертью. Они шли в атаку, чтобы выиграть еще несколько минут, дать самолету с маршалом улететь.

А им навстречу бежали немцы. Разгоряченные схваткой, подгоняемые приказами командиров.

Рибке догнал своих солдат, споро поднимавшихся по склону, и даже не заметил, как вырвался вперед.

– Давай, ребята, давай! – подбадривал он не столько парашютистов, сколько себя. Ему казалось, что земля пружинит под ногами, и он несется огромными прыжками. Сейчас они сметут, растопчут стоящую у них на пути эту горстку партизан. Рибке выстрелил, но автомат повело в сторону, и он лишь ранил Белова в руку. А тот, с мертвенно-бледным, страшным лицом человека, у которого осталось лишь одно чувство – ненависть к врагу, хладнокровно приставил ствол к груди гауптштурмфюрера и нажал спусковой крючок.

– Вот черт… Не повезло, – только и успел сказать Рибке, умирая.

Смерть командира стала для парашютистов сигналом к отходу. Они даже не взяли его тело, стремясь быстрее укрыться в лощинке. Но партизаны не стали их преследовать. Да и о каком преследовании могла идти речь, если их оставалось меньше десятка.

Соскочив в окоп, Белов и Можаев долго не могли перевести дух. Эта атака забрала все силы без остатка. Не хотелось ничего, только сидеть вот так бездумно, ничего не видя и не замечая вокруг, отрешившись от всего, оборвав все связи с миром. Чем-то это было схоже с комой, хотя, наверняка, лейтенант никогда и не слышал этого слова. Но постепенно пелена, стоявшая перед глазами, спала, слух и зрение вернулись. А с ними и ощущение острой тревоги. Зарины в окопе не было!

– А Зарина? Где Зарина? – тряс осоловевшего капитана Белов.

– Что? Зарина? – никак не мог вспомнить и наконец вспомнил Можаев. – За патронами послал.

Белов вылетел из окопа, словно подброшенный мощной пружиной. Пункт боепитания был в ста метрах, за штабной палаткой.

Немецкая мина упала в десяти метрах от ящиков с патронами и гранатами. То, что они не сдетонировали, было чудом. Но осколками убило двух подносчиков, а Зарина была тяжело ранена в живот. Она лежала на земле, девочка из маленького боснийского села, ничего не познавшая, ничего не увидевшая в жизни, и истекала кровью.

– Я сейчас… Сейчас… – только и повторял Белов, пытаясь перевязать её. Но у него ничего не получалось: раненая рука онемела, и он не мог даже удержать ею бинт. Страдая от неловких движений лейтенанта, Зарина все равно пыталась улыбаться сквозь выступившие от боли слезы. Это всё, что она могла сделать, чтобы показать этому застенчивому русскому парню, как она ему благодарна.

Услышав команду командира расчета, немец-наводчик подкрутил прицел миномета. Заряжающий опустил в ствол мину. Выстрел.

Взрыв мины отбросил лейтенанта от Зарины. Он попробовал встать. Ноги подгибались, голова гудела, и ничего, кроме этого гула, он не слышал. Зарина лежала там же, но теперь уже весь её комбинезон был посечен осколками и пропитан кровью. Белов взял девушку на руки, прижал к груди, и от этого движения она на мгновение пришла в себя. Её губы задвигались. Она пыталась что-то сказать Белову, но до него не доходило ни звука.

– Что? Что ты говоришь?! Я не слышу! Я ничего не слышу! – пытался докричаться до неё Белов.

Через несколько секунд Зарины не стало.

В трех десятках метров от стоявшего на коленях перед телом Зарины лейтенанта заканчивалась посадка на самолет. На борт поднимались члены военных миссий. Последним на трап встал Тито. Уже в люке он обернулся, чтобы обвести взглядом поле боя, и невольно встретился глазами с Беловым. Лицо маршала осталось бесстрастным. Он отвернулся и прошел в самолет. Дверца захлопнулась. Моторы взревели, и транспортник пошел на взлет.

Москва. Кремль. Кабинет Сталина

Хотя новости у Абакумова были хорошие, голос, тем не менее, подрагивал от страха:

– Товарищ Сталин, разрешите доложить! – пытаясь чеканить слова, начал он. – Самолет с маршалом Тито на пути в Бари. Все работники его штаба эвакуированы.

– Очень хорошо, – Верховный получал прямо-таки физическое удовольствие от вида этого трепещущего человечка. – Я думаю, надо представить товарища Селивановского к правительственной награде за успешно проведенную операцию.

– Сделаем, товарищ Сталин, – радостно гаркнул Абакумов.

– Это всё? – Сталин с презрением посмотрел на начальника СМЕРШа. Абакумов в последнее время стал сильно раздражать его. – Тогда вы свободны.

Берлин. Главное управление имперской безопасности

Закончив дела, запланированные на вечер, Гиммлер за маленьким столом пил кофе, когда, как всегда, без стука вошел Россман. Внутренне готовый к тому, что принесенные им вести хозяина кабинета не обрадуют, он, тем не менее, решил не тянуть:

– Герр рейхсфюрер, у меня срочное сообщение от бригадефюрера Оберкампа, – доложил помощник.

Гиммлер был в курсе хода операции в Боснии. У него были свои каналы получения информации. Причем куда более надежные, чем доклады эсэсовских генералов. Но привычка притворяться была глубока: он и вида не показал, что новости, которые принес Россман, давно ему известны. Вместо этого рейхсфюрер принялся воспитывать своего помощника, прямолинейность которого его временами раздражала.

– Россман, когда вы научитесь стучать!? Неужели это правило так сложно запомнить?!

– Виноват, герр рейхсфюрер, – Россман щелкнул каблуками.

– Ну, так что там Оберкамп? – смилостивился Гиммлер.

– Бригадефюрер докладывает, что Тито удалось сбежать на русском самолете, – сокрушенно сказал гауптштурмфюрер.

– И что? Одним бандитом в Югославии стало меньше. Из-за чего такой шум? – поднял брови Гиммлер.

– Но операция «Ход конем»? – в свою очередь, удивился Россман.

– «Ход конем»? – Гиммлер переспросил с таким выражением, как будто слышал название операции в первый раз. – Идите, Россман! Вы мне мешаете, а у меня еще очень много работы.

Босния. Купрешко Поле

Самолеты улетели. Тито и его штаб были теперь в безопасности. Держать оборону больше не имело смысла. Да и держать её было по сути некому. Небольшая группа партизан, в которой был и лейтенант Белов, отстреливаясь от наседавших эсэсовцев, отходила к перелеску, примостившемуся у подножия горы. Им бы удалось, наверное, оторваться и спокойно уйти, чтобы потом запутать преследователей в паутине ущелий и неприступных скал, но немцы подтащили пулемет, который сначала уполовинил отступавший отряд, а под конец от него осталось всего несколько человек, скрывшихся среди деревьев. Был ли с ними Белов, не известно.

Сараево. Кабинет командующего группой армий «F» генерал-фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса

Бои в районе Дрвара продолжались несколько дней. Но понемногу стихли и они. Немецкие штабы занялись подсчетом потерь, которые, возможно, казались и не такими большими в ожидании наступления Советской Армии на востоке и высадки союзников во Франции. Летняя кампания 1944 года набирала ход. И в высших кругах Германии уже мало кто вспоминал о закончившейся столь бесславно операции «Ход конем».

Фон Вейхс работал за письменным столом. Рядом за столом для заседаний разбирал карты его адъютант полковник Зоммер.

– Вы, конечно, в курсе, Карл, что задуманная Гиммлером операция «Ход конем» закончилась полным провалом, – неожиданно сказал фон Вейхс. – Тито благополучно эвакуирован русскими в Бари. Вот, собственно, и всё. Этот вставной номер, это боснийское интермеццо никто и не заметил.

– Погибли несколько тысяч человек, герр фельдмаршал, – отозвался Зоммер.

– Пожалуй, это единственный итог, – вынужден был признать командующий.

– Простите, господин фельдмаршал, но у меня сложилось ощущение, что вы с самого начала не видели смысла во всей этой операции, – полковник попробовал поймать взгляд фон Вейхса, но тот отвел глаза.

Вопрос был неприятным, но командующий считал своим долгом ответить полковнику честно.

– Вы правы, его там и не было. Даже ликвидировав Тито, подавить партизанское движение на Балканах все равно не удалось бы. А из Тито сделали бы героя. И тысячи новых фанатиков взяли бы в руки оружие. Получился очередной мыльный пузырь. Война проиграна. Но она продолжается.

Москва. Главное управление контрразведки НКО. Кабинет Абакумова

У Абакумова было отличное настроение. Генерала Селивановского он слушал вполуха, тем не менее, привычно фиксируя наиболее важное.

– Мы получили очень странный документ из Лондона, – генерал достал из папки листок и прочитал напечатанный на нем текст. – «Маршал Тито выразил желание, чтобы факт его эвакуации оставался совершенно секретным. Никакие данные о ней не подлежат оглашению без его разрешения».

– Что здесь странного! – хихикнул Абакумов. – Хочет хранить в секрете, что он драпанул из Боснии? Пожалуйста. Разве мы против! Все равно в живых никого не осталось. Только тогда твой новый орден тоже будем считать секретным, – начальник СМЕРШа зашелся от хохота. – Но носить его можешь. Разрешаю.

Санкт-Петербург. 2015 год

В маленькой комнате, заставленной старой, ободранной мебелью сидел в кресле глубокий старик. Его поношенный пиджак украшала завеса из боевых орденов и медалей. Он с трудом протянул руку к стоящему на тумбочке черно-белому телевизору и включил его. На просветлевшем экране появилась картинка народного гулянья по случаю Дня Победы. Диктор за кадром вещал бодрым голосом:

– Замечательный подарок получили в этом году ко Дню Победы ветераны Великой Отечественной войны. Праздничный набор включает диск с военными песнями, который записали звезды российской эстрады, часы-будильник, украшенные изображением ордена Победы…

Старик грустно вздохнул и выключил телевизор.

Купрешко Поле

В Купрешко Поле на том месте, где был в годы войны партизанский аэродром, стоит скромный обелиск погибшим здесь воинам. К сожалению, мы не знаем имен всех тех, кто привел к провалу одну из самых дерзких диверсионных операций фашистской Германии. Они до сих пор частью засекречены, частью забыты. Но мы подвиг этих людей забывать не должны. Вечная им память и слава!

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ

Поэт, эссеист, автор 17 сборников стихов. В 1990-е годы выступала как критик и публицист, вместе с Владимиром Аллоем и Самуилом Лурье была соредактором петербургского литературного журнала «Постскриптум». Лауреат Пушкинской стипендии (Германия, 1999), премии журнала «Звезда» (2002), Всероссийского конкурса «Заблудившийся трамвай» (2019) и других премий, дипломант премии «Московский счет» (2022). Работает журналистом радио «Свобода/Свободная Европа». Татьяна Вольтская родилась и всю жизнь прожила в Петербурге, но теперь ярлык «иностранного агента» не позволяет ей жить и работать в России. В апреле 2022 года она вынужденно перебралась в Грузию. Свое нынешнее положение воспринимает как изгнание.

* * *

Господи, пока Ты не воскрес,
Выведи нас из ада.
Вон у Тебя сколько небес,
А нам много не надо.

Сколько их, ступенек вниз –
Ржавой, крутою
Лестницей – к нам спустись,
Что Тебе сто́ит.

Здесь у нас ни букв, ни травы
Одни только танки.
Знаешь, мы, наверное, мертвы.
Ангелов стайки

Пролетают, будто стрижи –
Где-то гнёзда свили.
Господи, Ты им скажи –
Мы тоже были.

Вот же ёлка, вот магазин,
Тут избушки стояли,
Вон футболка – полосатая синь
Висит – не моя ли?

Солнце светит даже в аду.
Дождь колотит в ведро пустое.
Господи, скажи нам – приду,
Что Тебе стоит.

* * *

Еду по миру, еду-еду,
В поле ветер, на сердце лёд.
Дай нам, Господи, непобеду –
Пусть хоть раз нам не повезёт.
Ни кола, ни двора, ни света,
Ни окошка в листве резной,
В бездорожье – одна Победа,
Завоёванная не мной,
Раскатившаяся по венам –
Видишь, побагровев лицом,
Буйно пляшут перед военным –
Во хмелю – золотым тельцом.
От убитых прощенья нету,
От загубленных – но сейчас
Дай нам, Господи непобеду,
Подари нам последний шанс.
И когда облака рассеются,
Водрузи Свой прозрачный флаг
На дымящийся купол сердца,
В чёрной копоти, как Рейхстаг.

* * *

Сколько их, гонимых, нищих, спившихся,
Не услышавших: «Прощай, сынок!» –
Тупо отменённых, будто ижица,
С выбитой Россией из-под ног
Век назад посыпались – осколками,
Матерясь, кровоточа, пыля.
Русскими – прикинь, Европа, сколькими
Унавожена твоя земля.
Где они – поплакали да померли:
Ладанки, да крестики, да хлам.
Неужели, побираясь, по миру
Нескончаемо брести и нам?
Во поле берёзонька – потопали,
Помахав руками из толпы –
От Шанхая до Константинополя
И за Геркулесовы столбы.
Неужели не вернёмся? – Вот они,
Духи гнева гонят нас с утра,
Как кишки,
выматывая родину –
На кулак железный –
из нутра.

Баллада о венском стуле

Симе

Вряд ли я доживу до прекрасной поры,
Когда военная вошь
Лопнет, останется вне игры,
Но спорим – ты доживешь.
И будет считаться не тот герой
С глазницей своей пустой,
Кто трупы врагов навалил горой
Под взятою высотой,
Не тот, что украл, не тот, что убил,
Сорвав автомат с гвоздя,
Не тот, что соседа стирает в пыль,
За ленточку перейдя.
И не того, кто весь мир надул,
Прославят, рукоплеща, –
А того, кто выдумал венский стул
И вешалку для плаща,
Кто выдумал для жены своей
Газовую плиту –
Чтоб взять кастрюлю горячих щей,
А не грёбаную высоту.
И в мире, склеенном из кусков,
Ты сядешь на венский стул,
Глядя, как призраки дураков
Плывут из июня в июль,
Похожи на тополиный пух,
По тихой широкой реке,
Под лёгкими облаками мух,
Зажав автомат в руке.
Ты скажешь – и это плывут враги?
Могли поливать цветы,
А не падать – разве не дураки –
У чьей-то чужой высоты,
И раз уж ни чести, ни славы нет,
И выгоду ветер сдул, –
Да здравствует великий Тонет,
Придумавший венский стул –
Не дрон, не ракету, не танк, не яд,
Не ружьё – ходить в караул,
А просто стул, на котором сидят,
С гнутой спинкою венский стул.

* * *

Всё это лепится здесь на горе
Сладкою ласточкиною слюною
К серому камню, к древесной коре,
Влезешь, схоронишься в щёлке, в норе –
Может, беда и пройдёт стороною.
Видишь, в садах зацветает миндаль –
Значит, зима отползла, отступила,
Ветер её до костей обглодал,
И над горами прозрачная даль
Вдруг возвела голубые стропила.
Едешь на облаке сквозь пустоту
Календаря – на минуточку спешься –
Видишь, в Юсуповском нашем саду
Снежно, и по ледяному пруду
Плавно по кругу бегут конькобежцы.
Завтра упало, разбилось вчера –
Видишь, на белом скользят гимназисты
И гимназистки, и юнкера,
К смерти своей по сугробам с утра
Едет поручик в возке неказистом,
Будто бы нет ни вины, ни суда –
Чай на столе и ковёр над кроватью,
Будто бы кровь не течёт, как вода,
Через плотину, залив навсегда
Медленный снег и миндаль розоватый.

* * *

Тёплой, вязаной, маленькой –
Вязы, низкие крыши,
Я не видела Марьинки
И уже не увижу.
Ни цветка, ни комарика,
Ни прогалины талой –
Будто варежку, Марьинку
Сапогом растоптали.
Вместо города – серая
Обгорелая каша.
Наши мальчики сделали.
Наши мальчики. Наши.

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

Изгой

Рассказ

Перевод с английского Д.ШЕПЕЛЕВА

Несчастлив тот, кому воспоминания детства приносят лишь страх и печаль. Презрен изгой, чья память хранит долгие часы, проведенные в обширных сумрачных покоях с бурыми гардинами и сводящими с ума рядами старых книг, или же трепетные бдения в сумеречных рощах гротесковых, гигантских, оплетенных плющом деревьев, неслышно раскачивающих свои искривленные ветви в вышине. Такой жребий определили мне боги – мне, дерзновенному и побежденному, посмевшему и сломленному. И все же я каким-то странным образом доволен своей участью и бережно храню те блеклые воспоминания о времени, когда мой разум стремился прорваться сквозь пелену отчужденности.

Если память моя верна, я всегда жил в этом месте, в этой бесконечно древней и бесконечно жуткой крепости, полной сумрачных переходов и глубоких потолков, где глаз тщился различить что-либо среди теней и паутины. Крошащаяся кладка коридоров всегда сочилась влагой, и кругом был этот невозможный запах, как будто поднимавшийся из самых глубин склепа. Здесь всегда был полумрак, поэтому я полюбил зажигать свечи и подолгу смотреть на них, и это успокаивало меня; снаружи крепости тоже всегда не хватало солнца, потому что ужасные деревья вздымали свои ветви выше самых высоких башен. Была, впрочем, одна черная башня, подымавшаяся в высокое неведомое небо над кронами деревьев, но она была частью порушена, и взобраться на нее не представлялось возможным, разве что отважившись на безумную попытку вскарабкаться, подобно ящерице, по выступам между древних камней.

Должно быть, я пребывал в этом месте уже долгие годы, но я не мог измерить время. Кто-то, верно, заботился обо мне, хотя я не в силах отчетливо вспомнить кого-то, кроме себя самого, хоть что-то живое, кроме бесшумно снующих крыс, пауков и летучих мышей. Я думаю, что, кем бы ни были мои опекуны, их возраст должен был внушать почтение, поскольку мое первое воспоминание о человеческом присутствии рисует некую пародию на меня самого, нечто ссохшееся, съеженное и увядающее, как сама крепость. Я, однако, воспринимал в порядке вещей, что крепость стоит на чьих-то истлевших костях. Все окружающее казалось мне совершенно естественным, гораздо более естественным, чем жизнь, представленная на цветных картинках, что я находил в покрытых плесенью книгах. Из этих книг были составлены мои представления о мире. У меня никогда не было учителя, который наставлял бы или понукал меня, более того, я никогда не слышал живой человеческой речи, даже своего собственного голоса; ибо, хотя в книгах люди разговаривали, сам я никогда не пробовал этого делать. Что же до моего облика, то о нем я также не задумывался, поскольку во всей крепости не было ни единого зеркала, однако неким внутренним чутьем я улавливал свое сходство с юными героями, о которых читал в книгах. Я ощущал себя молодым потому, что помнил так мало.

Часто я выбирался из крепости, окруженной рвом с гнилой водой, и подолгу лежал в глубокой тени деревьев, размышляя обо всем прочитанном; я мечтал оказаться среди веселой шумной толпы, под ярким солнцем, как можно дальше от этого бесконечного леса. Однажды я пытался убежать, но едва я углубился в чащу, как

сгустились черные тени, и я буквально ощутил свой страх, разлитый в воздухе; я в ужасе бросился назад, сквозь черный лабиринт ветвей, боясь навсегда потеряться в этом ужасном безмолвном лесу.

И я продолжал мечтать и ждать чего-то бессчетными вечерами, хотя я не мог бы сказать, чего же я ждал. Потом моя жажда света в этом сумеречном уединении сделалась столь безумной, что я уже не находил себе покоя, и я воздел свои руки в мучительном жесте к единственной черной порушенной башне, что поднималась над лесом в неизвестное светлое небо. И, наконец, я решился осилить эту высоту, пусть бы я и сорвался; ведь все было лучше увидеть хоть краешек неба и умереть, чем дальше так влачить свое существование, не зная света дня.

Во влажных сумерках я начал подниматься по истертым, исхлестанным ветрами каменным ступеням, которые вскоре закончились, и тогда я стал осторожно ставить ноги в уступы между камнями. Этот жуткий черный цилиндр наполнял мое сердце отчаяньем; пустой, порушенный и мертвый, полный летучих мышей, бесшумно сновавших рядом со мной. Но еще большее отчаянье внушала медлительность моего продвижения; ведь, сколько бы я ни карабкался, тьма надо мной не рассеивалась, и холод безнадежности сковывал все мои движения. Я дрожал, не в силах понять, отчего я не вижу света, и боролся с желанием посмотреть вниз. Я утешал себя мыслью, что уже опустилась ночь, и тщетно шарил рукой по стене, пытаясь найти амбразуру, чтобы увидеть, на какой высоте нахожусь.

И вот, спустя бесконечность во влажном мраке этого адского, сводящего с ума, колодца, я вдруг ощутил головой твердую преграду, которая, я знал, должна была быть крышей или каким-то перекрытием. Я осторожно поднял одну руку и прикоснулся к преграде, и нашел ее каменной и недвижной. Тогда я стал продвигаться по кругу, цепляясь за малейшие неровности на скользкой стене, везде пробуя верх; пока, наконец, преграда не поддалась моему слабому усилию, и тогда я вновь поднял голову и уперся ей в эту плиту или люк, цепляясь обеими руками за стену. Крышка поднялась, но за ней не было света, и я понял, что путь мой еще не окончен, хотя я достиг, по крайней мере, некоего рубежа; ибо наверху, в проеме, я увидел твердый каменный пол еще более широкого диаметра, нежели сама башня, который, несомненно, был основой некой удаленной наблюдательной камеры. Я осторожно вполз внутрь, стараясь не дать весьма тяжелой крышке упасть на место, но в последний момент не справился, и крышка с глухим ударом вернулась в проем. Истомленный я лежал на каменном полу и слушал эхо этого удара, надеясь, что при большом желании сумею поднять ее снова.

Полагая, что теперь я на внушительной высоте, выше проклятых черных ветвей, я собрал все свои силы и поднялся на четвереньки, пытаясь на ощупь найти во мраке окно, чтобы увидеть, наконец, бескрайнее чистое небо и луну и звезды, о которых я столько читал. Но нигде не нашел я окна; лишь непонятные ниши в стенах, вмещавшие странные длинные ящики внушительных размеров. Тщетно гадал я, кто и с какой целью поместил сюда эти ящики, в таком немыслимом отдалении от остальной крепости. Затем я вдруг нащупал некий каменный портал, изрезанный странной резьбой, с невысокой дверью в глубине. Надавив на дверь, я понял, что она заперта; но я не хотел признать пораженья и всем своим весом навалился на холодное дерево, и тогда дверь поддалась и с неприятным визгом распахнулась. И в следующий миг я испытал экстаз, какой не в силах измыслить воображение; ибо за дверью, сквозь узорную решетку струился искрящийся лунный свет, заливая весь проем и несколько ступенек, что поднимались к решетке, а за решеткой, в ярком синем небе висела полная, огромная луна, какой я никогда ее не видел, разве что в снах и смутных видениях, что я не смел назвать воспоминаниями.

Я верил, что теперь я на вершине замка и почти взлетел по ступеням к решетке; но внезапно облако накрыло луну, и я остановился, выжидая, пока светило

вновь выплывет на небо. Затем, не дожидаясь, я осторожно взялся за решетку и обнаружил, что она открывается, но не стал ее открывать из страха упасть с такой высоты. Затем показалась луна.

Шок, наиболее кошмарный из всех, – это тот, что возникает от осознания присутствия чего-то абсолютно невозможного, являющего собой гротескную насмешку над реальностью. Ничто из пережитого мною прежде не могло меня подготовить хоть в малой степени к тому, что теперь предстало моему взору; к этой извращенной пародии на реальность. Сам по себе вид этот был столь же прост, сколь и чудовищен, а именно: вместо пространной перспективы с далеким горизонтом, что я ожидал увидеть, за узорной решеткой простиралась из-под самого окна твердая сырая земля, которую разнообразили ряды могильных плит и памятников, а чуть поодаль возвышалась древняя церковь, один бок которой освещала луна, и покривленный шпиль ее возносился в ночное небо.

Как в бреду, открыл я решетку и вывалился на кладбищенскую дорожку, которая расходилась в две стороны. Мой разум, все еще помутненный, не в силах вполне осознать этот шок, по-прежнему стремился к свету; и даже полный хаос в мыслях не мог поколебать это стремление. Я не знал, что думать, да я и не задумывался, было ли это безумием, сном или наваждением; но все так же был преисполнен решимости отыскать свет и веселье, чего бы мне это ни стоило. Я не знал, кем я был или – кем или чем могли быть мои соглядатаи; но, продвигаясь вперед, я осознал наличие некой зловещей тайной памяти, которая куда-то направляла мои шаги. Я прошел под аркой, минуя это скопление мраморных плит и статуй, и зашагал по широкому полю; иногда я шел протоптанной дорогой, но нередко след ее терялся в травах, и тогда лишь случайные обломки старины, возникавшие то здесь, то там, подтверждали верность моего пути. Один раз мне пришлось переплыть узкую речку, быстрые воды которой огибали покрытые мхом опоры когда-то стоявшего здесь моста.

Не меньше двух часов я брел, когда увидел то, что, вероятно, было целью моего пути – почтенный, увитый плющом замок, вздымавший свои башни среди густого сада, до умопомрачения знакомый и в то же время полный неуловимых перемен. Ров до краев был наполнен водой, несколько башен разрушено, в то же время появились новые галереи, сбивавшие меня с толку. Но что захватило меня сильнее всего – это раскрытые окна, все в ярких огнях, из которых разносились, несомненно, звуки праздника. Я приблизился и увидел очень странно разодетых людей; они веселились и иногда переговаривались между собой. Раньше я никогда не слышал живых слов и потому с трудом мог понимать их речь. Какие-то лица казались мне смутно знакомыми, словно тени давно позабытых воспоминаний, другие ни о чем не говорили.

И я шагнул через это окно в эту светлую залу, и, сделав так, я шагнул из момента надежды в вечный сумрак осознания и отчаяния. Кошмар не замедлил явиться, ибо едва я вошел, в зале случилось смятение настолько чудовищное, что я едва мог поверить. Я лишь только спустился с окна, как все это общество буквально окаменело на какое-то мгновение, а потом его захлестнула волна немыслимого хаоса и паники, и всякое лицо искажалось гримасой смертного страха и отвращения, и каждая глотка исторгала предсмертный вопль ужаса. Изящные создания в роскошных платьях падали в обморок, их подхватывали на руки их спутники, которые также спешили прочь. Многие закрывали руками глаза и в таком беспомощном виде пытались отыскать выход, неуклюже толкаясь, переворачивая мебель и натыкаясь на стены.

Крики их были ужасны; а я стоял один посреди этой роскошной стремительно пустевшей комнаты, слушая метавшееся эхо криков, напуганный неизвестной причиной их бегства, гадая, какая неизвестная опасность могла грозить мне самому. При беглом осмотре комната казалась совершенно пустой, но когда я приблизился к одному из альковов, то различил как будто в глубине чье-то присутствие – тень дви-

жения в проеме позолоченной арки, за которой была видна комната, похожая на эту. Я сделал пару шагов в направлении арки, и темный силуэт обозначился четче; и в следующий миг, издав свой первый и последний звук – жуткий сдавленный лай, испугавший меня почти столь же сильно, как и то, что его вызвало, – я увидел вполне, с пугающей отчетливостью, непостижимую, неописуемую, невыразимую чудовищность, одно лишь появление которой вызвало недавнее безумное бегство прежде веселой компании.

Я не в силах даже намекнуть, на что было похоже это нечто, ибо это был конгломерат всего, что можно назвать нечистым, неприятным, пугающим, отталкивающим, анормальным и ненавистным в прискорбной стадии ущербности, дряхлости и диссолюции – гниющий эйдолон зловонного разложения, мерзкая откровенность, обычно скрываемая милостивой землей. Бог знает, тварь эта была не от мира сего – уже нет – и однако, к своему ужасу, я различил в этих изъеденных, оголяющих кости чертах лукавую насмешку, мерзкую карикатуру на человеческие формы; и в своем заплесневелом, рассыпающемся рубище оно производило неописуемое впечатление, вызывая во мне ледяную дрожь.

Я был почти парализован, но все же сделал шаг к проему; и отшатнулся, тщетно пытаясь стряхнуть оцепенение, в котором это безымянное, безголосое чудище меня держало. Мои глаза были как будто заколдованы смотреть в эти стеклянистые сферы, не в силах закрыться; но, к счастью, их заволокло какой-то пеленой, и это чудище уже не выглядело так отчетливо. Я попытался закрыть глаза руками, но руки меня почему-то не слушались. Однако из-за этой попытки я потерял равновесие и сделал пару шагов, чтобы сохранить устойчивость. Сделав их, я с ужасом осознал свою внезапную близость к этой гадине, чье отвратное дыхание я почти ощущал. Едва не теряя сознания, я выбросил руку вперед, пытаясь защититься от этого зловонного призрака; когда в какую-то фатальную секунду космического, неизреченного кошмара и адской неотвратимости мои пальцы коснулись гниющей когтистой лапы этого монстра.

Я не закричал, но за меня кричали все упыри, что носятся по небу, оседлав ночной ветер, ибо в этот момент на меня обрушилась, подобно лавине, вся моя древняя память. В ту секунду я вспомнил все, что когда-то было со мной; я вспомнил далекую страшную крепость и деревья-великаны, и это величественное сооружение, в котором я сейчас стоял; и что самое страшное, я вспомнил эту мерзейшую гадину, что стояла передо мной, от чьей когтистой лапы я отдернул свои замаранные пальцы.

Но в космосе есть благодать, как есть и горечь, и эта благодать – забвение. В безмерном ужасе этой секунды я забыл причину своего страха, и черный всплеск памяти затерялся среди беспокойного хора перекликавшихся образов. Как во сне, я вылетел из этой одержимой бесами проклятой круговерти и бесшумно понесся в лунном свете. Когда я вернулся к старой церкви и мраморным плитам и спустился по ступенькам, я нашел каменный люк прочно закрытым, но я не почувствовал сожаления, потому что ненавидел древнюю крепость и вековые деревья. Теперь я борозжу с насмешливыми, дружными упырями ночной ветер, а днем забавляюсь среди катакомб Нефрен-Ка, в неизведанной долине Хадот, недалеко от Нила. Я знаю теперь, что свет – не для меня, кроме разве что света луны над скалистыми гробницами Нэба, как и всякое веселье, не считая празднеств Нитокрис под Великой Пирамидой; однако теперь, обретя свою новую дикую природу и абсолютную свободу, я почти приветствую горечь одиночества.

Ибо, хотя забвение снизошло на меня, я теперь знаю навеки, что я – изгой; чужак в сегодняшнем веке и среди тех, что ходят под солнцем. Я понял это в тот момент, когда протянул свои пальцы к той мерзости, что стояла в золоченом проеме; протянул пальцы и коснулся холодной и безжизненной глади стекла.

ДМИТРИЙ ШЕПЕЛЕВ

(Москва)

Англоязычный переводчик, окончил факультет иностранных языков МНЭПУ. Много лет работал техническим и устным переводчиком, в свободное время занимаясь художественными переводами Лавкрафта, Воннегута, Мюриэл Спарк и маргинальных американских авторов, а также сочиняя собственную прозу. В 2010 году начал переводить книги для разных издательств, а в 2017 году окончательно перешёл на книжные переводы. В настоящее время работает переводчиком-фрилансером.

Лавкрафт, Кафка, Майринк. Сравнительное жизнеописание

Перед нами – имена трех мастеров литературы мрачно-фантастического жанра. Три первопроходца, три визионера, три творца миров. Они – романтики высшей пробы; каждый из них проложил новый путь в литературе, обогатив привычные формы мистической новеллы, и оставил за собой целое направление в искусстве.

Им выпало жить и творить в непростую эпоху, на перепутье веков, когда западный мир находился в мучительном поиске идеалов, в эпоху конфликта прошлого с настоящим, который каждый из них по-своему воспринял и выразил в творчестве.

Давайте же рассмотрим эти стороны их творчества, обратим внимание на общие моменты и остановимся на особенностях каждого из них.

Следуя оккультной традиции погружения в мифическое прошлое, «Золотой век» человечества, мы начнем наше сравнительное жизнеописание с Лавкрафта, этого песнопевца канувших в Лету циклопических царств и волшебных доисторических цивилизаций, пронесшего через всю свою жизнь неизбывную тоску об иных мирах.

Говард Филлипс Лавкрафт (1890 – 1937) родился, вырос и провел большую часть жизни в нежно любимом им старинном городе Провиденс на северо-востоке США, в краю, известном, как Новая Англия. Обожание своего родного города, его истории, культуры, архитектуры, самого местного колорита, достигало у Лавкрафта почти религиозного трепета. С детства его пленяли истории о патриархальном прошлом Новой Англии, усвоенные им от деда (человека просвещенного, имевшего обширную библиотеку и привившего внуку любовь к естественнонаучному знанию), и в пылком воображении ребенка события двух-трехвековой давности преображались в «преданья старины глубокой», а поколения первых переселенцев обретали ветхозаветную патину благочестия.

Что касается литературных пристрастий будущего писателя, то здесь в первую очередь стоит отметить сказки «Тысячи и одной ночи», с которыми он познакомился в раннем детстве, сохранив к ним любовь на всю жизнь. Вскоре он откроет для себя писателей, которые окажут самое глубокое воздействие на его внутренний мир и образуют в значительной мере его собственную манеру письма: это Эдгар По, Натаниэл Готорн и Эдвард Дансейни; в более зрелом возрасте Лавкрафт прочтет и «Голема» Густава Майринка и будет очарован волшебством этой удивительной книги.

Если мы говорим о факторах, формирующих личность писателя, следует также принять во внимание то, что Лавкрафт вырос без отца, поскольку тот, страдая психическим расстройством, был помещен в лечебницу вскоре после рождения сына и умер там, когда Говарду было восемь лет. Его мать также не отличалась душевным

равновесием (к тому же, она была патологически одержима заботой о здоровье сына), и он не раз становился свидетелем, а иногда и причиной ее истерик. К этому стоит добавить кошмарные сновидения, которые начали преследовать его с 7-8-летнего возраста и не оставляли в покое до 20-ти с небольшим лет. Весьма вероятно, что именно эти кошмары в сочетании с его естественнонаучными изысканиями (в частности, в области астрономии) обусловили его концепцию «космического холода», состоящую в убеждении, что Вселенная полна неисчислимого сонма негуманоидных цивилизаций, бесконечно равнодушных к обитателям планеты Земля, и сама по себе принципиально непознаваема. Вполне возможно, что такое убеждение сформировалось в нем, хотя бы отчасти, вследствие осознания невыносимого равнодушия окружавших Лавкрафта людей – и прежде всего его матери – к его эстетическим воззрениям.

Что касается личной жизни Лавкрафта, то она была более чем скромной: за исключением двух лет его супружества – с 34-х до 36-ти лет (формально до 39-ти, хотя Лавкрафт и Соня Грини общались в эти годы, в основном, по переписке), закончившегося разводом по обоюдному согласию, он, очевидно, не имел иного опыта сексуальных отношений. Это поможет нам понять некоторые стороны творчества Лавкрафта, в частности, то обстоятельство, что среди героев его произведений мы почти не встретим действительно мужественного лица (не считая маниакальной отваги некоторых из них), а также полновесного, тем более привлекательного женского образа (за исключением демонических соблазнительниц), зато там предостаточно болезненных юношей и древних старцев – порой благочестивых, а порой зловещих.

Теперь коснемся отношения Лавкрафта к своему времени, этому пресловутому *zeitgeist*, и к типично американским реалиям повседневной жизни. Как настоящий романтик, Лавкрафт в своих культурных и эстетических воззрениях был устремлен в «достославное» прошлое, для него бесспорным идеалом являлась георгианская, а еще лучше, елизаветинская эпоха. Он лелеял в своих мечтах тихие, ухоженные улочки старых городов, по которым могли бы с достоинством прохаживаться облаченные в чопорные наряды почтенные леди и джентльмены. Стоит ли удивляться, что современная действительность – со всей ее вульгарностью, популизмом и культом обогащения, а также стремительно растущей промышленностью, неразрывно связанной с притоком чернорабочих эмигрантов, этих рассадников бездуховности, разрушавших эстетику старых добрых времен, – эта действительность была ему невыносима?

Для полноты портрета Лавкрафта нам еще остается коснуться его отношения к религиям и мистике вообще. Это представляется тем более актуальным, что всё его творчество буквально окутано неким мистическим ореолом, преимущественно зловещего, рокового оттенка. Тем не менее, в повседневной жизни Лавкрафт заявлял себя атеистом, не желающим затуманивать сознание какими-либо химерами (кроме своих собственных), и даже практиковал ироническое отношение к своему творчеству. Его знакомство с мистическими учениями не отличалось глубиной, как у любителя таинственной экзотики, и он проявлял интерес к ним ровно настолько, чтобы суметь создать отдельными штрихами соответствующую атмосферу в своих произведениях. Однако, если выбирать между лагерем верующих и атеистов, то его симпатии явно склоняются к первым, ибо они несут в себе отголосок милого его сердцу прошлого.

Говард Лавкрафт скончался в возрасте сорока семи лет от рака желудка, проведя последние дни своей жизни в страшных мучениях, но до конца оставшись верным своим космогоническим воззрениям; он отказался исповедаться священнику, заявив, что он – убежденный атеист и к тому же сам творит богов.

Теперь перейдем к рассмотрению личности ***Франца Кафки*** (1883 – 1924), этого визионера подсознательного, препарировавшего в своем творчестве глубины собственной психики, общепризнанно самого загадочного писателя XX века. Есть мнение, что творческий процесс – это своего рода самотерапия, попытка излечиться от чего-то, избавиться от неких наваждений. В отношении Кафки это верно в максимальной степени, ведь наиболее точным мерилом его гениальности может служить лишь мера его экзистенциального отчаяния, всеобъемлющего страха перед жизнью. При всей фантастичности, скорее, даже фантасмагоричности его творчества, Кафку нельзя считать писателем-фантастом в классическом смысле, поскольку все его творения являются непроизвольным откликом его болезненной, изломанной души на воздействия внешнего, «общепринятого» мира, своеобразной хроникой крушения царства «Я». Кафка не стремится показать фантастическое как таковое, он показывает нам повседневную реальность во всей ее усложненности через призму своего искаженного восприятия; таким образом, Кафка – первый большой писатель-сюрреалист.

Подобно Лавкрафту, проведшему большую часть своей жизни в родном Провиденсе, Кафка также, не считая отдельных поездок в Вену, Париж и некоторые другие города, всю свою жизнь оставался пражанином. Однако, в отличие от Лавкрафта, боготворившего свой родной город, Кафка боялся и ненавидел Прагу (что ясно следует из его дневников), представлявшуюся ему средоточием всего затхлого, косного, безжизненного, и всю жизнь безуспешно стремился вырваться из ее «цепких когтей». Следует иметь это в виду, принимая во внимание поверхностное и довольно широко распространенное мнение некоторых декадентски настроенных любителей его творчества относительно мнимой поэтизации образа Праги в произведениях Кафки; он не пел дифирамбы этому городу, он ощущал себя его пленником и отводил ему главенствующее место в своем кошмарном, квазигротескном микрокосме. Также следует добавить, что Кафка, в отличие от Лавкрафта, всецело устремленного в прошлое и отрицавшего современность, приветствовал всевозможный прогресс и оживленную жизнь больших городов. Безусловно, эти чувства не могли возникнуть в нем спонтанно, они должны были сформироваться постепенно, и где еще им было вызреть, как не в кругу семьи?

Говоря о семейном круге, мы должны в первую очередь обратить внимание на отношения Кафки с отцом. Самые сильные и, по большей части, травмирующие впечатления детства вызывал в нем отец – человек грубого нрава, не терпевший в своем доме никакого прекословия и никому не дававший поблажек; он, как тогда было принято говорить, «поднялся из низов» и преуспел благодаря своей брутальной воле к победе. Всю жизнь над Кафкой будет довлеть образ его отца – одновременно грозного тирана, внушающего страх и злость, и недостижимого идеала, пробуждающего уважение, близкое к благоговению, и заставляющего осознать всю свою неисправимую ущербность. Мать Кафки проявляла к нему любовь и заботу, однако не умела, по своей мягкохарактерности, защитить сына от нападок отца. У Кафки были три сестры, которые также страдали от отцовской тирании, и каждая из них защищалась по-своему; отсюда можно было бы предположить душевную близость между «несчастными детьми», но действительно теплые отношения сложились у Кафки только с младшей сестрой. Семейный круг дополняли разнообразная прислуга, няньки и служащие магазина товаров народного потребления, которым владел отец.

Личная жизнь Кафки представляет собой богатый материал для исследования всевозможных комплексов, фобий и маний. Пожалуй, самое яркое представление о его фатальной неспособности к построению нормальных сексуальных отношений мы можем получить из его писем к Фелице Бауэр, с которой он несколько раз заключал и расторгал помолвку. Всю жизнь он будет безнадежно страдать от желания создать нормальную семью, и неотступный образ отца – образцового семьянина и предпри-

нимателя – будет только усиливать эти страдания. Не будучи в состоянии наладить личную жизнь, построить с кем-либо длительных и гармоничных отношений, Кафка начинает посещать бордели, что дает ему кратковременную иллюзию удовлетворения, но в итоге еще больше усиливает закомплексованность в сексуальной сфере. Здесь мы видим очередное различие между Кафкой и Лавкрафтом, для которого асексуальность была, по-видимому, вполне естественным состоянием, и бордели, вероятно, наводили на него ужас. Однако оба они – каждый по-своему – всю жизнь страдали от одиночества.

Особое влияние на формирование характера Кафки и на все его творчество оказало его «еврейство» – он воспринимал весьма болезненно любые выпады против своей национальности («немец среди чехов, еврей среди немцев») и старался, по возможности, избегать этого вопроса в общении с незнакомыми людьми. Кафка вовсе не был правоверным евреем, он вел довольно свободный образ жизни, воспринимая иудаизм не в религиозном, а, скорее, в культурном плане, однако эта тема не могла не волновать его, как и всё, что касалось его непростых отношений с окружающим миром. Даже его увлечение сионизмом, уже в более зрелом возрасте, было, по сути своей, вызвано стремлением найти очередную морально-нравственную опору в его беспорядочной жизни, а вовсе не жаждой постижения туманных первооснов бытия.

Что касается литературных вкусов Кафки, то здесь в первую очередь следует отметить Гете, Льва Толстого и Флобера. Эти писатели вызывают в нем глубокое уважение своей идейной цельностью и лаконичностью слога. Его собственный стиль предельно сжат и свободен от каких-либо изысков, фразы у него короткие, отрывистые – так он стремился упорядочить лавину своих мысле-чувственных образов и придать им посильную стройность, если не в жизни, то хотя бы на бумаге, и потому он не выносил тех писателей, чей стиль представлялся ему чересчур цветистым, витиеватым, таких писателей, как Артур Шницлер, Генрих Манн или Оскар Уайльд. Едва ли Кафка был знаком с творчеством Лавкрафта, ведь он ушел из этой жизни в 1924 году, тогда как Лавкрафт только начал публиковаться в журналах за несколько лет до того; однако нам достоверно известно, что Кафка был знаком с творчеством Майринка и с похвалой отзывался о его «Големе», главным образом за то, как метко Майринк передал своеобразный колорит еврейского гетто в Праге, откуда Кафка был родом. Однако последующие творения Майринка вызывали в нем куда более холодное отношение вследствие их нарочитой усложненности и всевозможной «мистической тарабарщины».

Франц Кафка скончался в возрасте сорока одного года от ларингита, осложненного туберкулезом, проведя последние дни своей жизни в страшных мучениях, заставивших его произнести знаменитые слова: «Доктор, если вы не дадите мне смерть, вы – убийца».

Именно ***Густав Майринк*** (1868 – 1932), из всех троих единственный занимался оккультными науками всерьез. Это стремление постичь тайну жизни и раскрыть божественный замысел проходит алой линией через всё его творчество, заявляя о себе в полный голос уже в первом романе, легендарном «Големе», имевшем ошеломляющий успех по всей Европе, и, расцветая во всей своей метафизической стройности, которую не все читатели (и даже такой интеллектуал, как Борхес) смогли оценить по достоинству, в его заключительном романе «Ангел западного окна». Литературоведы отмечают влияние этого романа на творчество Михаила Булгакова, в частности, на его роман «Мастер и Маргарита», действие в котором также разворачивается в двух временных измерениях: в современной Москве, осиянной мистическим ореолом подобно майринковской Праге, и на Святой Земле начала нашей эры, тогда как у Майринка вторая сюжетная линия развивается в елизаветинской Англии.

Густав Майринк (настоящая фамилия – Майер) был внебрачным сыном одного австрийского барона, занимавшего в то время пост министра правительства, и известной актрисы баварского королевского театра. Отец будущего писателя остался вполне равнодушен к его появлению на свет и почти не принимал участия в его дальнейшей судьбе; мать же его, завсегдатай богемных кругов, не захотела поступиться своей сценической карьерой, и все детство Густава прошло в постоянных разъездах из театра в театр, из города в город – Вена, Мюнхен, Прага, Гамбург… Неопределенность семейных связей в сознании молодого человека и явно пренебрежительное отношение к отцу следуют из того факта, что при рождении он был записан по фамилии матери, а в зрелом возрасте поменял ее на фамилию одного из своих предков по материнской (sic) линии. Отсутствие настоящего дома и родительской заботы, постоянная необходимость менять одну гимназию на другую и вместе с ней едва успевшие сложиться дружеские связи оказывали травмирующее воздействие на впечатлительного молодого человека, но вместе с тем расширяли его кругозор и в сочетании с его природной любознательностью способствовали формированию космополитичных взглядов. Так или иначе, но детство каждого из трех рассматриваемых писателей прошло в атмосфере, которую сложно назвать нормальной.

В возрасте двадцати лет Густав Майринк (будем сразу называть его так, хотя фактически он примет эту фамилию только в начале 1900-х годов, когда начнет публиковать свои первые рассказы) оканчивает торговую академию в Вене и переезжает в Прагу, где он основывает с одним приятелем коммерческий банк. Дела идут вполне неплохо, и Майринк начинает появляться «в свете». Постепенно он набирает популярность, ухаживает за девушками из благородных семей и даже дерется на дуэли с одним офицером, дерзнувшим отпустить остроту насчет его незаконнорожденности. Можно с уверенностью сказать, что в отношении общепринятого светского признания и материального благополучия Майринк заметно обходит и Кафку, и уж тем более Лавкрафта. Однако, несмотря на внешнее благополучие, Майринк не видит смысла в своей жизни, все кажется ему пустым и мимолетным, и все более в нем назревает смутный внутренний конфликт. В двадцать четыре года он необдуманно женится на одной девушке из состоятельной семьи, с которой познакомился лишь незадолго до того, но вскоре понимает, что между ними слишком мало общего, чтобы из этого брака получилось что-то успешное.

Переживая затяжную депрессию, Майринк в том же году решает свести счеты с жизнью. (Нечто подобное пережил в молодости и Лавкрафт, мучимый депрессией из-за смерти деда и наступившей в связи с этим материальной бедности, заставившей его мать продать их дом, нежно любимый Лавкрафтом, и переехать в другой, на той же улице, но Лавкрафта спасла от рокового шага тяга к научным познаниям). Он закрывается в комнате, пишет прощальное письмо матери и берет в руку пистолет, как вдруг слышит шорох у входной двери. Необъяснимое побуждение, отнюдь не порожденное его желанием отсрочить исполнение своего решения, заставляет его пойти посмотреть, в чем там дело. На полу у входной двери он обнаруживает брошюру, просунутую кем-то под дверь, поднимает ее и прочитывает заглавие: «Жизнь после смерти». Этот момент становится поворотным в его судьбе.

Отныне Густав Майринк решает посвятить свою жизнь проникновению в тайну бытия и приступает к ревностному изучению всевозможных мистических традиций. Он становится завсегдатаем пражских оккультных кругов и принимает участие в основании пражского отделения теософского общества «У голубой звезды». Между тем он начинает пробовать силы в литературе и публикует свои первые рассказы в журналах (под фамилией Майринк, которая отныне становится его литературным псевдонимом и единственной действительной фамилией), знакомясь с пражскими неоромантиками, такими, как А. Кубин, Р. Леппин и О. Винер. Коммерческая деятельность Майринка также набирает обороты и приносит ему стабильный доход.

Однако такой успех в сочетание с мистическим ореолом, окружавшим личность Майринка, вызывает завистливое негодование пражского полусвета, и через несколько лет тихой травли на него поступает клеветнический донос о том, что он использует сверхъестественные силы для ведения банковских дел. В результате чего Майринка арестовывают и заключают в тюрьму, где ему приходится провести два с половиной месяца (стоит ли после этого удивляться достоверности описания тюремных застенков в «Големе»), пока официальные власти проводят проверку его финансовых операций с тем, чтобы в итоге доказать его полную невиновность. И этот трагифарс с обвинением в колдовстве, заставляющий вспомнить «Апологию» Апулея, был развязан в XX веке!

Справедливость была восстановлена, однако репутация Майринка оказалась испорчена, и, не желая мириться с таким положением вещей, он разводится (ибо только в беде познается истинная близость супругов) и переезжает из Праги в Вену.

Постепенно его жизнь начинает упорядочиваться, и в возрасте тридцати семи лет Майринк женится вновь, и на этот раз он поступает мудро, поскольку духовные устремления его новой спутницы жизни, Филомены Берндт, идеально совпадают с его собственными. Через год у них рождается дочь, но это отнюдь не остужает их мистического пыла, и вскоре семейство Майринк совершает ряд поездок по восточной Европе и Азии, имеющих характер духовных паломничеств.

Можно с уверенностью сказать, что из троих рассматриваемых нами писателей Майринк был самым активным путешественником. Таким образом он познакомился с итальянцем Джулиано Креммерцем, основателем эзотерической школы «Мириам» (позднее Майринк назовет этим именем героиню своего романа «Голем»), практикующей тантрическую йогу в сочетании с каббалой и герметизмом, и это учение о достижении высшей гармонии через слияние мужского и женского начал, своеобразной «духовной алхимии», полностью захватывает его. В том же 1908 году у Майринков рождается сын.

Примерно в это же время (начало второго десятилетия XX века) Майринк начинает работать над своим первым романом, который сделает его имя известным всей читающей Европе и вернет ему материальное благополучие. Успех «Голема» был феноменальным, вскоре после публикации его тираж достиг астрономической по тем временам цифры в сто тысяч экземпляров, и в течение нескольких лет этот роман был переведен почти на все европейские языки.

Отныне Майринк с головой погружается в оккультизм, участвует в деятельности эзотерических обществ и публикует свои переводы мистической литературы с собственными комментариями. Также он продолжает писать рассказы и романы (всего он напишет их пять), которые от раза к разу становятся все более насыщены всевозможными тайными аллегориями и визионерскими прозрениями. Здесь следует отметить, что по числу написанных (и опубликованных!) романов Майринк заметно обходит и Кафку, написавшего три романа, но не опубликовавшего нb одного из них и просившего в завещании (к нашему счастью, напрасно) сжечь их, и Лавкрафта, три самые крупные повести которого (две из них также не были опубликованы при его жизни) имеют объем чуть более ста страниц. Несмотря на внешние, сюжетные различия романов Майринка, их всех объединяет одна сквозная идея достижения высшей личной гармонии путем самоуглубления и отстранения от суетного, неправедного мира. В 1927 году, в возрасте пятидесяти девяти лет, Майринк публикует свой пятый – и последний – роман «Ангел западного окна» и принимает буддизм. Отныне его и без того скудное общение с внешним миром практически сходит на нет, поскольку все свое время он посвящает медитациям, стремясь обрести высшую чистоту своего «Я».

Вполне возможно, что такая чрезвычайная забота о собственной душе и привела Майринка к трагическому финалу. В 1932 году его двадцатичетырехлетний сын,

незадолго до того потерявший способность ходить вследствие увечья, полученного из-за увлечения альпинизмом, совершает самоубийство одним жутким способом, описанным в романе «Голем». Это буквально подкосило Майринка, ведь когда-то он сам пытался свести счеты с жизнью в двадцать четыре года! Несмотря на все свои старания возобладать над суетами повседневности и постичь глубины космической мудрости, он не сумел достичь гармонии в собственной семье.

Густав Майринк скончался в 1932 году, через несколько месяцев после смерти сына, в возрасте шестидесяти четырех лет, из-за общего истощения. Его последние слова, обращенные к жене, были следующими: «Не следует бояться смерти, ибо это не более, чем переход бессмертного Я из одного состояния в другое».

Так заканчивается это сравнительное жизнеописание. Оно не слишком обнадеживает, но заставляет задуматься. Что еще сказать об этих удивительных и трагических личностях? Они выросли в семьях, весьма далеких от общепринятого идеала, им приходилось бороться за свое место под солнцем, хотя они, скорее, предпочитали холодный свет луны, каждый из них пребывал в своем собственном гротескном мире, защищавшем их, словно кокон, от жизненных неурядиц, но также воздвигавшем барьер непонимания между ними и остальными людьми, и жизни их были полны тревог и лишений, а покинули они этот мир в смятении. Но каждый из них с достоинством нес свой крест, даже если порой тяжесть ноши пригибала их к земле, и потому я снимаю перед ними шляпу и, прижав ее к груди, стою в молчании, глядя вдаль и вглубь себя, пока ветер перемен овевает мне лицо.

2012 (ред. 2023)

Вопреки

Рассказ

Лора сошла с поезда в Спрингфилде и немного постояла на полупустом перроне, поправляя ремешок спортивной сумки на плече и глядя по сторонам. Здание вокзала было совсем маленьким, меньше, чем ей помнилось, а по другую сторону путей располагалась неприветливая пустошь. Погода была прохладная, и по небу тянулись тучи.

Выйдя на улицу, Лора увидела перед собой трамвайную колею, и это решило вопрос транспорта. Рядом с остановкой была палатка со всякой всячиной, уже открытая, несмотря на ранний час, и Лора, следуя внезапному порыву, спросила сигарет «Салем», но их не оказалось.

«Сколько можно курить?! – прозвучал в ее голове мамин голос. – Ты когда-нибудь докуришься до рака легких!»

Лора ощутила злобу и раздражение, потому что на самом деле она курила редко, можно даже сказать, почти не курила, но мама была помешана на здоровом образе жизни и пыталась привить свою манию Лоре.

Она спросила у продавщицы, как ей добраться до отеля «Сосновый бор», но та не знала; женщина на остановке тоже не знала, и в ее взгляде Лора уловила неприязнь, как будто в ней подозревали попрошайку или сектантку, пристающую к прохожим.

– Это вы общежитие ищете? – спросил кто-то писклявым голосом, подойдя сзади.

Лора обернулась и увидела перед собой старушку, маленькую и сутулую.

– Я, – сказала Лора, – отель ищу.

– Ну, – сказала старушка, – был одно время отель. Теперь опять общежитие.

И она объяснила, на каком трамвае нужно ехать до «Соснового бора» и где лучше выйти. Лора кивала ей и улыбалась, опасаясь при этом, что старушка уже впала в маразм, и доверять ее словам было бы опрометчиво.

Подошедший трамвай был старой модели, какой Лора не видела в Чикаго уже лет десять, то есть с самого детства, и она удивилась и обрадовалась, а затем смутилась. Билетерша раздавала пассажирам билеты, тоже как будто из детства Лоры – прямоугольники из тонкой желтоватой бумаги, с красной каемкой и черными буквами; только на обратной стороне теперь была реклама службы психологической помощи – изображение угрюмо сидящей на корточках девушки и надпись рядом: «Нужна помощь? Звоните». Лора скомкала билет и убрала в карман.

Здания, проплывавшие за окном, почти все были двух- или трехэтажными – жилые дома, магазины, кафе; перед входом в парикмахерскую стояла пара велосипедов, а машин на улицах почти не было. Лора вышла на указанной остановке, рядом с парком, и спросила у прохожих, как пройти к общежитию. Ей указали дорогу, и, проходя через парк, она испытала чувство смутного узнавания.

«Где-то здесь должно быть дерево с развилкой, – подумала она, – в которой я тогда застряла».

Она прошла по переулку, обогнула жилой дом и увидела впереди длинное бежевое трехэтажное здание с лоджиями и крыльцом посередине. Сомнений не оставалось – это было то самое здание, отель «Сосновый бор», каким она его помнила, или общежитие или что бы там ни было. Оно казалось потертым временем, каким-то выцветшим, к тому же сейчас было пасмурно, не то, что тем летом, но это определенно было оно. Перед входом стояла палатка, закрытая, но Лора машинально окинула взглядом сигаретные пачки в витрине – «Салема» не было.

Постояв немного на крыльце, она попробовала открыть дверь, но та не поддалась. Тогда Лора нажала кнопку звонка и подождала – вскоре из-за двери показалась пожилая женщина беспокойного вида и взглянула на нее вопросительно.

– Здравствуйте, – сказала Лора. – Я, это… приехала в Спрингфилд, к друзьям, но они сейчас не дома. Могла бы я остановиться у вас в отеле?

Она сама удивилась, как легко далась ей эта мелкая ложь про друзей, поскольку вообще-то Лора была исключительно честной девушкой, что нередко осложняло ей жизнь.

– У нас больше не отель, – сказала женщина, – а общежитие.

– Да, мне уже сказали. Просто я была здесь давно. Мне бы только на день…

Смерив Лору пристальным взглядом, женщина сказала:

– Ну, хорошо.

Уже собираясь войти в темный холл, Лора обратила внимание на блеклую табличку рядом с дверью: «Общежитие педагогического колледжа». И у нее екнуло сердце.

«Когда вы, наконец, усвоите?! – услышала Лора голос своей руководительницы, миссис Пинман. – Педагогика требует систематической практики. А вы со своими прогулами на что надеетесь?»

Что ж, теперь, по крайней мере, она могла не опасаться услышать ее очередного нарекания, так как провалила экзамены по основным предметам и не собиралась пересдавать их – всё, с нее хватит.

Записавшись в журнале и получив ключ от номера 202 – «Крайняя дверь на втором этаже», – Лора поблагодарила женщину, дала ей двадцатку и пошла к лестнице по коридору, проходившему через все здание.

Коридор был темным и пустым, и даже сейчас, когда Лора была уже взрослой, казался, немыслимо длинным – бесконечная череда дверей по обеим сторонам и лампочек на потолке, а впереди, в самом конце, было единственное окно, свет из которого ложился на линолеумный пол зыбким, волнистым пятном.

«Только подумать, – подумала Лора, – я словно вернулась в прошлое, но сейчас все здесь кажется таким бесцветным, невыразительным».

Она поднялась на второй этаж и подошла к номеру 202. Ключ легко повернулся в замке, и Лора вошла в комнату: окно с дверцей в лоджию занимало почти всю стену напротив, у окна стоял письменный стол со стулом и лампой, вдоль правой стены была кровать с тумбочкой, на левой стене висел небольшой пейзаж – пшеничное поле под синим небом и кромка леса на горизонте. Все это казалось таким знакомым – и окно, и стол с кроватью, и даже салатовые обои в полоску; но разве не были похожи друг на друга все номера дешевых отелей? Лора положила сумку на стул и вышла в лоджию.

Впереди был парк – невысокие деревья и кустарники расходились по сторонам зелеными купами, чуть колышимые ветром. Вид был почти такой же, как она помнила, но не совсем – там еще была видна крыша беседки, а чуть левее стоял фонарь. Так или иначе, но Лора была уверена, что в тот раз они тоже жили в номере на втором этаже, выходившем на эту же сторону.

Постояв немного в лоджии, она вернулась в номер и прилегла на кровать, свернувшись калачиком. Потом поднялась, прошла в душ и, проверив воду, стала раздеваться. Тело у нее было худым и жилистым, а грудь – маленькой; она слышала, что многим мужчинам такая грудь нравится, но сама она считала ее недоразвитой, словно ее тело навсегда остановилось в возрасте четырнадцати лет. Попробовав воду рукой, она встала под теплые струи и закрыла глаза.

После душа она тщательно вытерлась, снова оделась и легла на кровать. Ей нужно было хорошенько выспаться, привести в порядок мысли и чувства, а это не так-то просто, когда ночами тебя изводит бессонница, поэтому дневной сон был ей необходим; кроме того, ей всегда, с самого детства, лучше спалось в одежде. Уже через несколько минут она заснула.

Проснулась она в сумерках и, с удивлением поднявшись, подошла к окну. Судя по всему, время близилось к полуночи – окна почти во всех домах были темными, и с улицы не доносилось ни звука; справа в парке сквозь листву светил фонарь.

Затем она услышала голоса, по-видимому, из соседнего номера – взрослые разговаривали с ребенком. Лора подошла к двери и выглянула в коридор – там было темно, только слева, метрах в десяти, лежала полоска света из приоткрытой двери.

Повинуясь безотчетному любопытству, она пошла туда.

Щель была небольшой, дюйма три, но этого было достаточно, чтобы угадать простую семейную сцену – родители с ребенком недавно вернулись с прогулки и, все еще полные впечатлений, продолжали разговаривать между собой. Больше всех говорила девочка лет пяти.

– А правда, что кошки живут на деревьях и кушают птичек?

– М-м… правда, милая, – ответила женщина.

– А ворон они тоже кушают?

– И ворон, – ответил мужчина. – Если только поймают.

– А если котенка много кормить, он вырастет тигром?

– Солнышко, ну что ты, – сказала женщина. – Конечно, нет. Он же котенок. Котята вырастают в кошек. А тигры… вырастают из тигрят.

С этими словами женщина наклоняется к девочке и начинает щекотать ее.

– А если, – произносит девочка, увертываясь от маминых рук и смеясь, – если сказать волшебное заклинание… Тогда можно?

– Ну, если бы мы жили в сказке, – говорит женщина, – тогда, возможно…

– Если подобрать правильное заклинание, – говорит мужчина, – должно получиться.

– Правда? – спрашивает девочка.

– Ладно, Лора, – говорит женщина. – Пора уже спать. Иди чистить зубы.

Девочка еще немного упирается, но потом идет в ванную, и взрослая Лора отступает назад, в темноту, когда она проходит в полуметре от нее. Слышится звук льющейся воды.

– Вечно ты говоришь глупости ребенку, – говорит женщина.

– Разве плохо верить в волшебство?

– А что хорошего-то? Она уже не маленькая. Вырастет вот так наивной неприспособленной дурочкой. Ты даже дверь за собой закрыть не можешь.

С этими словами женщина подходит к двери в комнату и захлопывает ее перед носом у Лоры.

Лора проснулась и открыла глаза. Она по-прежнему лежала на кровати, и был день. Время близилось к полудню. Она осторожно села, словно стараясь не растрясти воспоминание об увиденном сне. Да, всё так и было… На следующий день отец пойдет на выставку индейских ремесел, а они с мамой будут гулять в парке, и Лора залезет на дерево и застрянет ногой в развилке; она разревется, и соберутся люди, и мужчины с шутками-прибаутками освободят ее; а когда отец вернется, мама устроит ему скандал. На следующий год родители разведутся, и отец уедет от них, а Лора перестанет улыбаться и пойдет в школу. Когда ей будет тринадцать, отец умрет от цирроза печени.

Лора встала и вышла в коридор. Она не помнила точно, сколько дверей миновала во сне, но, дойдя до номера 210, почему-то уверилась, что это та самая комната. Мысль о том, чтобы постучать, повергла ее в смятение, и она, покрывшись холодным потом, поскорее отступила, словно грешница, испугавшаяся искушения.

Вернувшись к себе в номер, она почувствовала голод и решила поесть в каком-нибудь кафе. Она взяла сумочку, надела темные очки и вышла на улицу. Прохожих было мало, и машины проезжали по две-три за минуту, и все же Лора не могла отделаться от ощущения, что эти люди то и дело недобро поглядывают на нее, как бы говоря: «Ты здесь чужая. Какое у тебя к нам дело? Уходи, откуда пришла». Она знала, что это ей только кажется, как убедил ее психолог, мистер Бидерман, но как она могла не верить своим глазам? К тому же этот назойливый ветер так и хлестал ее отовсюду, налетая из-за углов, кидая пыль в лицо.

На перекрестке мимо нее проехали трое подростков на мотороллере – за рулем парень, а за ним две девушки, тесно прижавшиеся друг к другу. Они беспечно улыбались, и одна из них что-то говорила другой на ухо. Лора посмотрела им вслед, и ей стало не по себе оттого, что кто-то рядом мог быть таким… не то, чтобы даже счастливым, а просто таким беззаботным и, очевидно, довольным жизнью.

Она миновала одно кафе, показавшееся ей слишком дешевым, того типа, где обычно заседают местные выпивохи, перебрасываясь пошлыми шутками про женщин и политику. Прошла еще пару кварталов и, наконец, увидела то, что искала – скромное и приличное заведение, где, наверняка, можно недорого поесть в спокойной обстановке. Задержавшись на секунду перед входом, чтобы окинуть взглядом меню поверх очков, она уверенно вошла внутрь. Большинство столиков было свободно, и она, пройдя по залу, села в углу, лицом к окну. Внимательно изучая меню, Лора думала не о калориях, как большинство женщин, ибо вес ее никогда не превышал сорока пяти килограммов, а о том, чтобы не расстроить свой слабый желудок.

Ей невольно вспомнился один ужасный случай, произошедший с ней не так давно. Мартин, ее бывший парень, вальяжный негодяй с томными глазами, позвал ее в числе своих друзей отметить его новую работу, и хотя Лора в тот день чувствовала себя неважно, она не решилась отказаться, чтобы он не подумал, что она еще дуется на него. Пока они все вместе ехали в тот ресторан, ее укачало и стало подташнивать. За столом все глупо шутили и громко смеялись, а она сидела с зеленым лицом и ковыряла вилкой салат. После первой рюмки вина ей вроде бы полегчало, и она немного поела. Но после второй ее вдруг скрутил жуткий спазм, и содержимое желудка

стало судорожно, с утробным урчанием, извергаться наружу, на глазах у всех – остолбеневшего Мартина и его ошарашенных друзей. Будь у Лоры бомба в тот момент, она бы, не медля, взорвала весь ресторан.

«Ну, детка, ты даешь! Могла бы нас предупредить, что у тебя проблемы с животом./Да, точно, а то мы не взяли с собой запасную одежду./ А лучше бы блевала прямо в сумочку./ А-ха-ха-ха»…

Лора заказала курицу с рисом и черный кофе.

Зал был небольшим, всего на шесть столиков, за двумя из которых кто-то сидел, и еще один мужчина сидел за стойкой, общаясь с официанткой. Сами по себе все эти люди не беспокоили Лору, но проблема была в том, что в кафе работал телевизор, оглашая пространство монотонным голосом диктора, вещавшего о всяких бедствиях, и Лора не могла набраться храбрости, чтобы попросить их выключить его. Поначалу она старалась не обращать внимания, разглядывая улицу за окном, но затем диктор начал рассказывать историю с изнасилованием и тройным убийством, и как раз в это время ей принесли заказ. Пока она ела, ей приходилось слушать о том, как три девчонки-подростка развлекались с парнем, который, как установило следствие, «крутил отношения» с каждой из них, а потом они насиловали и убивали его. После группового секса малолетние фурии привязали непутевого «Донжуана» к кровати, поиздевались над ним (диктор подробно описал все шрамы, синяки и ожоги на теле убитого) и задушили подушкой, а потом положили тело в багажник машины и поехали в сторону свалки. Но по дороге они попали в аварию, и две преступницы умерли (одна истекла кровью, зажатая в машине с переломанными ногами, а другая умерла в реанимации из-за летального повреждения внутренних органов), а третья, придя в себя в больнице, стала уверять полицию, что подружки позвали ее вывезти какой-то мусор, и она знать не знала, что на самом деле лежало в багажнике.

«Вы все – навозные жуки, – думала Лора, давясь едой и глядя на остальных посетителей, монотонно жующих и иногда поднимающих взгляд на экран, – такие же, как этот диктор, как и все эти чертовы извращенцы, о которых он говорит».

Она достала из сумочки пузырек с транквилизаторами, высыпала на ладонь несколько таблеток и запила их кофе. Затем расплатилась и вышла на улицу, оставив половину еды на тарелке.

Шагая по улице, она скрипела зубами, и на глазах у нее выступали слезы, в ней вскипало бешенство, ей хотелось плеваться и бить наотмашь.

Увидев сигаретную палатку на другой стороне улицы, она почти подбежала к ней и, не глядя на витрину, нагнулась к окошку и спросила «Салем».

– «Салема» нет.

– У вас что, вообще, его в городе не бывает?

– Почему? Не знаю. Вообще, бывает.

Лора едва удержалась, чтобы не пнуть палатку и, выругавшись про себя, пошла дальше. Ей опять начинало казаться, что мир ополчился против нее, и она шла, куда глаза глядят, по неизвестной улице, в городе, в котором последний раз была маленькой девочкой. Со стороны можно было подумать, что она рискует заблудиться; но это было не так, ведь человек, потерявшийся в лабиринтах своей души, не может уже потеряться где-либо еще.

Словно нарочно, стал накрапывать дождик, и Лора ускорила шаг, а, увидев за поворотом автобусную остановку, поспешила к ней. Едва она достигла укрытия, как дождь хлынул в полную силу, капли дружно отскакивали от асфальта, как маленькие мячики, и скоро вдоль бордюров потекли бурлящие ручьи. Помимо Лоры, на остановке стояли еще два человека, а через пару минут подошел и третий, складывая зонтик и отряхивая воду с рук. Когда показался автобус, она решила, что, если большая часть людей сядет в него, она останется, а если большинство останется, она сядет в автобус – близкое соседство незнакомцев тяготило ее.

В автобус вошел только один человек, и Лора последовала за ним. Она прошла через весь салон и села в последнем ряду, чтобы не быть в поле зрения других пассажиров. Остановки сменяли одна другую, а Лора сидела, сложив на коленях руки и глядя в окно сквозь струи воды, вся в своих мыслях. Ей было безразлично, куда везет ее автобус, но само чувство движения в теплом салоне, под шум дождя, успокаивало ее – в этом было ощущение надежности, какой-то правильной подвластности судьбе.

Автобус въехал на мост, и это как будто вывело Лору из оцепенения. Она взглянула на реку внизу, исхлестанную дождем, и этот вид наполнил ее смутной тревогой, словно вода, сливаясь с водой, говорила: «Из праха ты пришла и в прах вернешься».

На следующей остановке Лора увидела примечательное трехэтажное здание. Это был особняк, построенный, по-видимому, в середине XIX века, стоявший на перекрестке и выходивший своими фронтонами на две улицы; над входом имелась вывеска: «Мир забытых вещей». Повинуясь внезапному импульсу, Лора поспешно встала, вышла из автобуса и, пробежав немного под дождем, поднялась на крыльцо особняка.

Несколько секунд она осматривала резную дверь с массивной бронзовой ручкой, а потом подняла руку и нажала кнопку звонка. Ей открыла женщина с манерами экскурсовода и пригласила войти. Лора застенчиво улыбнулась и вошла в небольшой светлый холл.

– Это музей тут у вас? – спросила она. – Я просто ехала мимо…

– Да, – ответила женщина. – У нас тут музей домашнего быта аристократии прошлых времен.

– Как интересно…

– Желаете экскурсию или посмотрите сами?

– Пожалуй, посмотрю сама.

Лора купила билет и начала осмотр. Гостиная, столовая, библиотека… Она переходила из комнаты в комнату, где ее окружали, словно древние ископаемые, навеки застывшие в янтаре, интерьеры давно минувших времен – резные комоды из красного дерева, диваны, обитые гобеленом, на изогнутых ножках, зеркала в массивных рамах; и в какой-то момент ей стало казаться, что она каким-то образом перенеслась на сто с лишним лет назад, и что сейчас вернутся с прогулки хозяева дома и позовут пить чай.

Обойдя первый этаж, она поднялась по трехмаршевой лестнице на второй и окунулась в еще более причудливые апартаменты – начать с того, что перила лестничной клетки доходили до самого потолка и служили перголой для вьюнка, оплетавшего их. Разве мог в музее расти вьюнок? Или он считался экспонатом?

Одна из первых комнат была детской – у стены стояла лошадка на полозьях, кубики и мячи; на диване сидели куклы с мишкой; а еще там был застекленный шкафчик с игрушечной комнаткой. Если другие комнаты смотрелись вполне естественно – не хуже, чем на иллюстрациях в старинных книгах, то здесь почти неуловимо ощущался некий наигрыш. И все же Лора в ней расчувствовалась, как ни в какой другой, особенно ее тронула игрушечная комнатка с куклами в виде детей и крохотными игрушками, словно она-то и была тем самым местом, где обретался дух детства.

Пройдя еще одну комнату, Лора оказалась в галерее, сплошь завешанной портретами – почти все были написаны на темном фоне, в окружении старинных интерьеров, некоторые мужчины были в париках, и у всех женщин были длинные, пышно убранные волосы; но что еще больше объединяло их всех – это выражение холодного превосходства, будто они смотрели из прошлого через века на тех, кто остался жить после них, смотрели прямо на Лору, и во взгляде этом было снисходительное, ироничное презрение. Ей стало жутко от всех этих взглядов, будто бы мимолетно бросаемых на нее, и она вышла из галереи с колотящимся сердцем, словно увидела привидение, да еще споткнулась о коврик и едва не упала.

Но в следующей комнате, напоминавшей карточную или курительную, она увидела чучела птиц и животных и испытала внезапную оторопь: на изогнутых ветвях, отходивших прямо от стен, сидели крупные лесные птицы; над дверным проемом ощетинилась кабанья голова; а на серванте притаилась лисица.

«Господи, – мелькнула мысль, – я одна тут живая, совершенно одна. Среди всех этих мертвецов. Что я здесь делаю?» Сглотнув, она поспешила уйти и невольно пригнулась под кабаньей головой, почти слыша утробный рык зверя.

Пройдя быстрым шагом еще пару комнат, она вздрогнула, увидев женщину, ту, что пустила ее в дом.

– Уже осмотрели второй этаж?

– Да.

– Так быстро…

Лора смотрела на женщину, слабо улыбавшуюся через легкую усталость, и не знала, что сказать.

– А это музыкальная комната. Здесь проходили вечера. Молодежь собиралась.

Только после этих слов Лора отвела взгляд от женщины и осмотрела комнату: здесь стояло черное пианино, рядом позолоченная арфа, на стеллаже лежали скрипка и ноты, а в углу на маленьком столике – патефон с длинной трубой.

– Хм, – сказала Лора. – Да, здесь приятно.

– Раньше не было телевизора, радио даже не было. Люди вот собирались вместе, общались, музыкой занимались.

Женщина подошла к патефону и продолжала:

– Здесь видите? Столешница двухъярусная, а рядом стул. На нем специально сидел человек и менял пластинки на патефоне. Ему наливали чай, подавали пирожные, и он тут сидел.

Присмотревшись, Лора как будто увидела на нижней столешнице кружок накипи от стакана.

– Как ди-джей, да?

Женщина чуть наморщила нос, но согласилась.

– Да, почти.

На несколько секунд повисла тишина.

– В некоторых комнатах, – сказала Лора, – мне было как-то не по себе. Ну… вроде как на кладбище.

Женщина взглянула на нее непонимающе, и Лора рассмеялась.

– А в этой и правда хорошо.

– Я сама люблю эту комнату. Нет, дом, конечно, старый и местами мрачноватый. Он имеет свою атмосферу. А вы, наверно, восприимчивая? Ко всяким паранормальным явлениям. Может, видите привидений?

– Я… нет, не вижу.

Женщина улыбнулась ей, почти заговорщицки.

– А вот фотопортрет последней хозяйки.

С этими словами женщина подошла к черно-белой фотографии в рамке, размером фут на полтора, висевшей над диваном, – овальный поясной портрет на белом фоне изображал женщину лет тридцати, симпатичную, в строгом темном платье и с печальной загадкой в глазах.

– Ленора Кэллохан, урожденная Мэдиган. Двадцать восемь лет ей было. Вышла замуж за владельца дома, Джозефа Кэллохана, в 1918-м. А тот сошел с ума – у Кэллоханов была плохая наследственность. Он был старше ее почти вдвое. У них даже родился ребенок, но в детстве умер – несчастный случай. А потом Ленора осталась одна. Она-то здесь и играла на пианино. За ней ухаживал один молодой человек, скрипач. Но через пару лет миссис Кэллохан умерла от воспаления легких. И дом опустел.

Лора была подавлена этой неожиданной драмой, и, взглянув на портрет еще раз, подумала, сколько на нем было лет Леноре?

– Дом был необитаем какое-то время, его даже хотели снести. Но потом открыли музей.

– Надо же как.

– А еще у нас тут музыкальная шкатулка. Хотите послушать?

И женщина, подойдя к стеллажу, открыла деревянную лакированную шкатулку, в которой оказался металлический цилиндр с ямками и выступами; она покрутила ручку, и цилиндр начал медленно вращаться, играя чарующую, похожую на колыбельную, мелодию.

У Лоры на глазах выступили слезы.

– Такая вот шкатулка, - сказала женщина, закрывая крышку.

Музыка смолкла, и Лора сразу подобралась, почувствовав себя неловко и даже немного сердито.

– Теперь поднимайтесь на третий этаж, там всего две комнаты, но их осмотреть тоже стоит.

– Нет, спасибо. Я, наверно, пойду уже.

Выглянув в окно, Лора увидела, что дождь почти перестал, хотя было по-прежнему пасмурно.

Она спустилась на первый этаж и, проходя мимо конторки, где сидела женщина, продававшая билеты и открытки, спросила у нее, не знает ли она, как добраться отсюда до общежития «Сосновый бор». Женщина ответила, что это близко – надо только перейти мост и потом еще пару кварталов налево вдоль реки.

– Знаете, где мост?

– Да, примерно.

– А потом налево, по Морфил стрит. Там спросите.

– Спасибо.

И Лора покинула «Мир забытых вещей».

Она немного постояла на крыльце, наблюдая, как падают редкие капли с ветвей деревьев, оставляя в лужах круги, а потом пошла по дороге к мосту.

Через пару минут пути ее обогнал автобус, и она подумала, что останься она ждать его на остановке, он бы пришел не раньше, чем через четверть часа. И вслед за этим она увидела мост, и в ней проснулось воспоминание.

«Да, точно, – вспомнила она. – Там были река и мост. Только я тогда не купалась. Из-за аллергии».

Проходя по мосту, Лора смотрела на воду, темную и холодную, медленно текущую под мост, как будто норовя вымыть твердую опору у нее из-под ног и поглотить ее.

У нее закружилась голова, и она взялась за перила. Ей с трудом верилось, что это была та же река, на берегу которой она играла тем жарким летом.

«Нет, конечно, это ерунда, – думала она. – Ясное дело, река та же самая. Просто все вокруг изменилось. А главное, я изменилась. Это я не узнаю ее. Умом – да, но не душой. Река здесь ни при чем. А этот дом? Он, интересно, был таким же пятнадцать лет назад? А раньше – сорок, пятьдесят? Узнала бы я его на фотографиях столетней давности? Вижу ли я его так, как его видела Ленора? Бедная Ленора… Она умерла молодой. Но была бы она счастлива, доведись ей прожить долгую жизнь и состариться, и умереть дряхлой старухой? Есть люди, просто не созданные для счастья, и с возрастом жизнь давит их только сильнее. Так что ей, наверное, повезло. Вот дом – другое дело; он столько всего повидал, но наверняка почти не изменился – стоит себе такой же, как и сотню лет назад. Никому не дано состариться так элегантно, как этот дом. Никому. Только вещи прекрасны в своем старении. А людей ждет увядание и распад – телесный, умственный, психический».

Проходя по улицам и скверам, она отмечала, как в ней временами пробуждаются тени воспоминаний, и старалась следовать им, как животное следует запаху давно потерянного хозяина.

Ей казалось, что где-то здесь ее, возможно, ждет какой-то знак, тайное послание, которое подскажет ей какое-то решение – о себе, о своей жизни, о прошлом и, возможно, о будущем. С некоторых пор ее преследовало ощущение, что она подошла к некой черте, за которой нет ничего привычного и надежного, за которой все, что казалось ей раньше значительным, теряет свое значение; ей нужно было что-то решить для себя.

Словно в ответ на ее невеселые мысли из переулка показалась престарелая оборванка – бродяга, полоумная или просто пьяница. Одежда на ней была сильно поношена и замызгана, грязная многолетней въевшейся грязью, сама она прихрамывала, а лицо ее, красно-белое и болезненное, со слезящимися бессмысленными глазами, производило отталкивающее впечатление. Увидев Лору, она заковыляла в ее сторону и стала просить милостыню.

– Дай на хлеб-то. Старухе одинокой.

Лора с трудом преодолела отвращение, вызванное не только внешним видом старухи, но и едким запахом мочи, и, достав из кармана мелочь, не глядя, протянула ей, стараясь не коснуться скрюченных пальцев. Одна или две монетки упали на дорогу. Вместо благодарности старуха стала ворчать себе под нос:

– Чай, молодая, еще заработаешь. А тут бы на хлеб набралось…

Придя в общежитие, Лора умылась, села на кровать и расплакалась. Сперва она плакала тихо, как плачут, узнав о смерти давнего друга, с которым не виделись много лет; потом рвущее душу отчаяние захлестнуло ее, и тихие всхлипы перешли в рыдания, и она сидела, сложив руки на коленях и закусив губу, и сотрясалась всем телом.

На нее накатывали образы трогательные и болезненные – из детства, когда родители еще не развелись, и они гуляли втроем в парке; из подростковых лет, когда она играла с друзьями во дворе или шла в гости к кому-то из них после школы; из ее взрослой жизни, недолгой, но полной надежд, стремлений и разочарований: ей слышался нервозный голос матери, критиковавшей или поучавшей ее; недовольный голос миссис Пинман, отчитывавшей ее за халатность и неуспеваемость; обидные и насмешливые слова Мартина и других парней, до него.

Когда слезы кончились, Лора еще долго сидела, согнувшись и закрыв лицо ладонями, временами дрожа всем телом.

Потом она прошла в ванную, умылась, не глядя в зеркало, вернулась в комнату, достала из сумки термос, открыла крышку и сделала большой глоток, скривившись и пролив немного на подбородок. Скотч обжег ей горло и разогнал кровь по венам, она сделала еще пару глотков, и ей стало тепло и ватно.

Она достала пачку снотворных таблеток и приняла две, запив скотчем. Шмыгнула носом, потерла глаз и приняла еще одну. Сидя на стуле, она слегка покачивалась из стороны в сторону, и по лицу ее расползалась нелепая и жутковатая улыбка. Бессознательно, с пустыми глазами, она вынула одну за другой все таблетки из пачки, собрала их в горсть и проглотила, запив скотчем. Одна или две упали на пол.

Лора перекатилась со стула на кровать – тяжелая, неповоротливая, невесомая, бесчувственная – и погрузилась в забытье.

Она выплыла из забытья от боли в животе и пояснице, буквально скручивавшей ей нутро, и, толком еще не проснувшись, побрела в туалет, чтобы не обделаться в кровати.

Голова тоже пульсировала болью, и она едва держалась на ногах, а в комнате было темно. Свет в туалете, отскочив от кафельных стен и зеркала, полоснул ее по глазам.

По мере того, как она испражнялась, согнувшись пополам, с жуткими звуками и ужасной вонью, ее начало подташнивать. Сперва она сглатывала тягучую и горькую слюну, потом сплевывала на пол, а затем поняла, что это бесполезно, и ее стало рвать. Желтоватая жидкость извергалась из горла, заляпывая стену и дверцу и стекая мерзкой жижей на пол. Чувство отвращения к с себе переполняло Лору, она ненавидела себя и весь мир и была готова провалиться в преисподнюю от стыда. Когда рвота закончилась, она поднялась с унитаза, включила воду и стала приводить себя в порядок. Перед глазами все по-прежнему плыло, и тело ее дрожало. Вернувшись в комнату, она услышала дождь за окном, даже ливень, перемежаемый громовыми раскатами.

«Не можешь справиться, – пронеслась мысль у нее в голове, – так хотя бы найди в себе силы покончить с этим – раз и навсегда».

Она вышла в лоджию, под шум дождя, и несколько секунд стояла на ветру, обдаваемая холодными брызгами. Потом спустилась по пожарной лестнице до первого этажа, перемахнула через перила и побрела куда-то. Она сразу промокла до нитки, и ее стала колотить дрожь. Зажмурившись, она обхватила себя руками и продолжала двигаться дальше.

«Одним махом – и все будет кончено, – думала она. – Говорят, тела утопленников выглядят ужасно, ну и пусть».

Лора пыталась двигаться в нужном направлении, но это было непросто – ночью, в такую жуткую погоду и в таком состоянии. Она брела по улицам, проходя квартал за кварталом, и разражалась страшными ругательствами на всех, кто причинял ей боль и делал несчастной – на маму, Мартина, отца, на миссис Пинман и других людей, на жизнь и Господа Бога. Наконец, за поворотом показался мост.

Темное ликование наполнило ее. Она вся сосредоточилась на этой цели – идти к мосту. Внезапно из-за поворота выскочила машина, и Лора в страхе шарахнулась в сторону, упала на асфальт и ободрала ладонь. Увидев кровоточащие ссадины, она невольно испугалась, что ей грозит заражение крови. И сразу рассмеялась этому. Собравшись с силами, она поднялась и пошла к мосту. Мост вздымался в ночное небо металлическим каркасом, блестящим под дождем и озаряемым вспышками молний, и излучал какое-то инфернальное величие. Словно врата в иной мир.

Лора ступила на мост и, держась рукой за перила, стала двигаться к середине, к самой вершине. Внизу была река, черная и блестящая. Дойдя до середины, Лора совсем выбилась из сил и опустилась на асфальт, прислонившись к перилам. Она дышала, как загнанный зверь, часто и хрипло.

«Ну, вот, – думала она. – Ты уже почти справилась. Дело за малым».

Набравшись сил, она подтянулась за перила и, закрыв глаза, свесилась в пустоту. Что-то словно ударило ее молотом по голове, как будто выпрыгнув к ней из реки и грозно шепча: «ДАВАЙ! ДАВАЙ! ДАВАЙ!»

Лора качнулась на перилах, и, широко раскрыв глаза, стала сваливаться в пропасть – ее прошиб пот и перехватило дыхание.

И тут из-под моста показался нос корабля. Лора схватилась за перила, судорожно пытаясь не дать своему телу соскользнуть. Внизу шел теплоход, окна его светились, и была слышна музыка. Там были люди, в тепле, защищенные от буйства стихии железным корпусом и приятной компанией.

И Лора, держась дрожащими руками за перила, сумела перебороть силу тяжести и, перевалившись назад, упала на асфальт бесформенной грудой костей.

«Вот я дура, – подумала она, и тихий, придурковатый смех стал разбирать ее. – Сейчас бы ебнулась прямо о палубу».

И она решила, что останется жить, хотя бы для того, чтобы, вопреки всему, покурить «Салем».

АКШИН ЕНИСЕЙ

ИЗГНАНИЕ ИЗ АДА

Рассказ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Облаченные в белое исподнее мужчины, которых можно было бы назвать богами древнего мира, с умудренной усталостью возлегая, как обычно, со своими женами, вход в чьи утробы заволокла паутина, чьи колыбельные сменил плач по покойникам, чьи тела (более ни на что не способные, кроме замешивания теста и отделения зерен от плевел) заменились побитыми памятниками во славу участи домохозяек, мужчины, – вспоминающие встающего каждую ночь на дыбы одинокого всадника и забывающие вкус тушеного, точнее протухшего мяса, некогда поедаемого (после отхода детей ко сну) не в столовой, а в спальне, – вскочили в постели от грохота осыпающих их головы снарядов. В полночь.

Наконец, история вспомнила и наш городок. Война окружила нас не спереди и сзади, не справа и слева, как о том писали книги, а сверху и снизу. Бородатые вражеские солдаты над нашими головами и усатые крысы под ногами стали копошиться одновременно. Вторгшиеся в город солдаты и крысы были настолько стары, побиты, что мы, ей-богу, проявив гуманность, даже сжалились над ними, считая, что они пришли сюда не отнимать жизни, а отдавать свои. Какие из них враги? У одних болел зуб, у других – голова, третьи то и дело блевали, где попало, четвертые валились наземь от боли в почках и царапали ни в чем не повинный асфальт. И все – вшивые. При взгляде на них внутри поднималась тошнота; с их разбойничьих бород свисала капуста или вермишель, а у некоторых детские рты осенял нимб от йогурта, молока. Глядя на военные бушлаты, в которых утопали худосочные тела этих иноземных тварей, то и дело по-обезьяньи почесывающих себя то тут, то там, нам чудилось, что город порабощен старыми огородными пугалами.

За какие грехи бог наслал на нас карикатурную войну? Счастливы те, кому выпала настоящая война и настоящие враги! Эти карикатурные вояки не врывались в дома, требуя денег, золота, еды у домохозяек, они, потирая ладонями челюсти, животы, почки, изнемогая от боли, почесываясь, просили лекарств на своем варварском наречии. Некоторые стреляли в себя вместо того, чтобы сорвать на нас зло от боли. Мы готовы были с гостеприимной покорностью, позабыв весь стыд и срам, припасть к ногам этих вшивых балбесов и умолять: ради бога, хоть бы разок пристрелите и нас. Как бы там ни было, мы – компаньоны по войне, мы тоже, пусть немного, должны понести жертвы. У войны же есть свои законы. Есть же приличия, именуемые военным кодексом. Часто прямо посреди улицы мы наталкивались на горожан, пытающихся вырвать оружие у корчащегося от головной боли, боли в животе вражеского солдата, собирающегося прикончить себя. Наши гуманисты-активисты, не выдерживая самоубийства горе-вояк, несколько раз устраивали уличные демонстрации под лозунгом «Самоубийство – бардак! Да здравствует наш враг!», но толстокожий враг плевал на наше человеколюбие. Честно говоря, мы не хотели, чтоб наш город вошел в историю, как отринутые человечеством каменные джунгли с безжалостным сердцем, где бродят живые трупы. Мы хотели воспользоваться этим историческим шансом, выпавшим нам в образе войны, чтобы запечатлеться в памяти людей в качестве общечеловеческого примера. Кто знает, когда еще такое повто-

рится. Активисты-гуманисты, принимающие за дар небес эту эгоистичную войну, которая, наконец-то, соизволила снизойти на улицы нашего города, ходили по домам и призывали народ обходиться с врагами ласково, а отцы, запретившие давать врагу от ворот поворот, обличали позабывших наставления и харкали им прямо в лицо. Некоторые активисты-гуманисты, не желая, чтоб город был опозорен в исторических книгах будущего, создавали наемные карательные отряды, выискивали и избивали тех разжиревших горожан, которые грубили вражеским солдатам, отказывались стирать их грязное белье, ставили горячий суп перед собой, а не перед чужеземными солдатами, испытывающими все тяготы войны и замерзающими на морозных улицах. Активисты выливали теплый суп на головы таких «отчизнолюбцев», тащили на улицы, раздевали и привязывали их к электростолбам, а на грудь прикрепляли табличку с надписью «No War». Наши интеллигенты, цепляющие оптические очки даже на третий глаз ради прозрения высей и далей, боялись: если эта дурацкая война продолжится еще немного, то горожане разделятся на два фронта, занимающих сторону национальных и общечеловеческих страстей, и начнут гражданскую войну за здоровье врагов. Две войны сразу стали бы исторической наглостью. Недопустимо обесценивать войну только ради того, чтобы войти в истории. Не хотелось, чтобы история в сподручное для нее время вспоминала нас как «жадин». Войны на вес золота, а нам эта война выпала даром, может, какой-то другой, мчащийся в будущее народ, жаждал ее, но Фортуна выбрала нас, бездарно слоняющихся между прошлым и будущим, во всяком случае, никто из нас не имел права игнорировать этот исторический шанс! Активисты-гуманисты всё безжалостней били горожан, и порой вражеские солдаты сами отнимали у гуманистов-активистов таких проглотивших язык толстокожих горожан и старались объяснить, что каждый должен заниматься своим делом. «Пытать горожан, допрашивать их, выдергивать им ногти плоскогубцами, выкалывать глаза чайной ложкой – всё это наша работа, войну начали мы, не надо делать за нас нашу работу, из-за вас, гуманистов-активистов, мы уже жалеем, что всё затеяли. Если уж вы так сильно ненавидели себя и свой город, то грызню следовало начинать до нашего прихода. А так, ваши зверства будут приписаны нам! – жаловался глава вражеских солдат в интервью онлайн-телеканалу гуманистов-активистов. – Разве можно так ненавидеть людей, вдобавок своих же земляков, как не стыдно?»

Враги призывали жителей города проявлять сострадание друг к другу, но как враги, так и крысы втихомолку расплодились, охватили весь город наподобие раздуваемого ветром пожара.

Мы – голодные жители города, на чьих опустевших улицах копошились усатые крысы и бородатые враги, честно говоря, не знали, что делать. Ибо ни у кого в городе не имелось военного опыта. До сего дня никто не умирал и не убивал ради города. Лишь раз один наш неприкаянный националист в подвыпившем состоянии бросил камень и выбил глаз статуи, возведенной отцами в честь своих врагов, и на этом всё! К тому же мы подверглись двойному нападению. С кого следовало начать: с вражеских солдат или крыс? Начнем с вражеских солдат – расплодятся крысы, начнем с крыс – не останется сил на солдат. А на то, чтобы одновременно сражаться по двум фронтам, у нас, признаем это, не хватало ни сил, ни опыта. Враги и крысы действовали инстинктивно, а мы давно позабыли рефлексы самосохранения по причине их ненадобности на протяжении долгих лет. Как народ мы вступили в эпоху пассионарной импотенции. Войну мы знали только по фильмам, книгам и не более. В мирное время при наличии свободного времени мы искали войну ради развлечения. Раз убивают не нас, то все войны прекрасны. Но теперь снаряды и крысы превращали нашу землю в дуршлаг, кровь вытекала через рвы и рытвины, трупы никто не подбирал.

Голод и нищета сделали детей взрослыми – это стало первым даром войны.

Вдруг в городе нежданно-негаданно объявились кошки, постепенно их становилось больше. Между кошками и крысами началась кровопролитная битва за город.

Оживилось кладбище, его обитатели, ковыляя, добрались до города и заполонили его. Мертвецы совались в дома. Бедные женщины вечером по четвергам готовили уже и для них. Хорошо хоть мы узнали, что мертвецы наедаются одним запахом еды, не то пришлось бы делиться с ними теми крохотными припасами, которые мы припрятали, и тогда в скором времени город охватил бы голод. Ибо мертвых было намного больше, чем живых, и все – обжоры. Смекалистые женщины, догадавшиеся, что запахом одной жареной луковицы можно накормить целый батальон мертвецов, осмелели: «нам такие войны нипочем, справимся».

Вражеские солдаты при виде вернувшихся в город мертвецов переполошились. Ибо и сами признавали, что пропустили мимо ушей предупреждение своих священников, неоднократно повторявших до оккупации: «их мертвецов не трогайте, если те оживут, принесут вместе с собой историческую мощь». Но было уже поздно, теперь солдаты просили у горожан снотворное, жаловались, что по ночам кто-то садится им на грудь и душит. От страха они весь сон потеряли, с ума сходили. Молитвы, что писали для них наши муллы, не возымели действия; вражеские солдаты, пьющие воду с выкипяченными в ней молитвами, записанными на треугольных бумажках, подхватили брюшной тиф, и тогда весь город провонял поносом. Жители при виде стонущих вражеских солдат, ищущих укромный уголок, где можно было бы опорожнить кишечник, поначалу тайком хихикали, но потом осмелели, видя, что врагу не до них. По всему городу раздавался хохот. Война вступила в кульминационный карикатурный этап. Наши сговорившиеся храбрецы-мертвецы и пронырливые муллы нанесли врагу ошеломительный удар; немного спустя враг схватился одной рукой за голову, другой за задницу и убрался из нашего города ко всем чертям. Никого в нашем набожном городе не обидела фраза одного писателя-атеиста из его ежедневной колонки: *«Наконец-то мы увидели хоть какую-то пользу от мулл, к тому же узнали благодаря этой войне, что предназначенная для головы молитва оборачивается не в пользу жопы. Ибо впервые в военной истории мы потопили врага не в его крови, а в его дерьме. Гуманизма лучше не сыскать!»* Позор и поражение врагов дорого обошлись гуманистам-активистам; начальник городской полиции выстроил их перед камерами гостелевидения, вручил ведра с водой и мочалки и приказал: очистите город от следов своих любимых врагов – от «художеств», которые те распылили «акварелью» под стенами и деревьями, на задворках маркетов и аптек.

После поражения незадачливого врага наши мертвецы один за другим вернулись в свои могилы и пропали из виду. Предназначенную для мертвецов пищу поделили между детьми, потерявшими на войне родителей, и стариками, у которых пропали без вести дети.

Победа над двуногими врагами вдохновила наших четвероногих друзей; кошки, не зная сна и отдыха, за короткое время растерзали всех крыс и с аристократическими повадками укромно опорожнились под розовыми кустами, а затем закопали свои фекалии.

Внезапно пропали и кошки. Во всем городе раздался восклик детей, тайком от матерей раздвинувших занавески и выглянувших на улицу: «Папа вернулся!» Все дети принимали чужих мужчин с рюкзаками и ботинками за своих отцов. Война уподобила друг другу всех мужчин. Женщины не могли отличить своих мужей. Все выжившие мужчины стали отцами всем выжившим детям, мужьями и братьями всем выжившим женщинам.

Война закончилась. Точнее, покинула наши жизни и перекочевала в сны. Теперь мы сражались, умирали только во сне и оживали, отдыхали, только проснувшись. Днем, бодрствуя, мы ощущали в телах боль от пуль и снарядов, вонзившихся в нас во сне. Среди нас ковыляли даже психопаты-демоны, которые не спали сутками и сошли от бессонницы с ума, лишь бы не умирать на войне, идущей во сне; мы называли их «дезертирами-сновидцами».

Теперь, если б вы принялись искать живых свидетелей, могущих доказать то, что в нашем заново восстановленном городе некогда сражались кошки и мертвецы, то не нашли бы ни кошек, ни мертвецов. Не осталось ни воронки от снарядов, ни крысиной норы. Земля очень скоро сокрыла всё с резвостью профессиональной сиделки, услышавшей звонок в дверь и кинувшейся спешно прибираться в квартире. Город привел себя в порядок в ожидании внезапного возвращения родной войны. Он настолько приукрасился косметикой перемирия, что мы боимся: этой своей фальшивой красотой он снова станет объектом внимания варваров, и это внимание обойдется ему дорого. Конечно, красота требует жертв, мы против этого не возражаем, но всё должно быть в меру. Мы не забыли, что жертва тоже требует красоты, что некогда боги требовали в качестве жертв самых красивых девушек, самых здоровых юношей и наказывали, если мы пихали им в качестве жертв уродливых своих чад. В городе, можно сказать, не осталось красивых людей для принесения в жертву. Парутройку красоток следует беречь для получения приплода. А дети и старики – никудышные жертвы. Жертва должна быть юной, здоровой. Так говорили наши боги. Из плоти жертв должен выходить отменный шашлык! Боги и во́йны – большие гурманы.

Да, пока не забыл, в город пришла робкая послевоенная весна, на улицах расцвели стыдливые фруктовые деревья, у которых первые месячные. Мужчины привязали деревяшки к ампутированным ногам, подвалы и свалки, где во время войны шли ожесточенные бои, заново белят известью. Женщины, напевая под нос, распахнули окна и двери, впуская в дома теплое весеннее солнце. Играющие голышом во дворе дети похожи на свежие ростки, пробивающиеся на пепелище.

Наша вера пришла из пустыни, потому набожные горожане приговаривают: «Зеленый – цвет жизни».

«Самый старый обитатель города живет по соседству. Этот старик каждый день ест мясо, точнее, кости и хрящи. Каждый раз, когда в жаркий полдень я вижу из окна, как он просит мясника отделить от висящей на крюке коровьей туши позвонки, разрубить их, а потом, жадно сжимая куски мяса с костями, спешит к себе – меня охватывает ужас, и духота множит этот ужас стократно: человек, жара, сырое мясо и голодный город. Дикая картина. Живя с ним по соседству, и часто наблюдая эту картину, я понял: в своей одинокой квартире, куда старик никого не пускал, он закидывал крупные куски мяса в медный казан, который никогда не мыл, и варил. Затем доставал полупроваренные куски из казана, ставил на деревянный стол без скатерти и принимался глодать, урча, как старый жадный пес. А обглоданные кости он бросал на кучу таких же костей в углу комнаты, либо ставил рядком на полке с посудой, мне казалось, что жилище его походило на массовое захоронение, набитое костями».

Мой репортаж о послевоенном быте горожан, написанный по поручению редактора, начинался этими фразами, и текст очень не понравился жителям, читающим в газетах только гороскопы и сплетни о певичках. Наподобие проникнутых буржуазной моралью французов, не смирившихся с фривольностями мадам Бовари, читатели города проявляли настойчивость в желании проучить мой национальный флоберизм. Кто этот мерзавец, пишущий о нашем городе только плохое? Разве жизнь старикашки-идиота может служить образом большого города? Этого писаку надо повесить на крюке вместо той коровы. Мои тексты о мясе и боге, раз в год жаждущем жертвенного мясца, разворошили пчелиный улей, в первую очередь, набожных горожан, чьи плоские головы, набитые руганью, проклятьями, угрозами, сочились райской амброзией. Чернь объявила на меня охоту. Бог требовал убить меня. Коллеги-газетчики советовали отсидеться дома пару недель, чтобы избежать гнева разъяренной толпы. Хорошо, что сейчас нет троглодитов, хотя всё еще царит эпоха пещерных людей.

В конце концов в редакцию самолично заявился тот старикашка, мой сосед, и рассказал следующее:

«Я художник. Вырос в многодетной семье. Отец был пьяницей. Не покупал домой ничего, кроме мяса. Мама мстила ненавистному отцу этими кусками мяса; всегда недоваривала, чтобы беззубый отец не мог нормально есть. А пьяный отец, урча, как собака, рвал эти куски и вдобавок учил нас этим собачьим повадкам. Порой целыми днями мы ели только такое недовареное мясо с костями. С самого детства я не представляю своей жизни, снов и окружения без мяса, со всех сторон меня окружает мясо, повсюду словно наваждение мне чудится мясо. Я считаю, что мясо – перводвигатель, и считаю, что, рисуя мясо, можно придать картине движение. Вот гляньте, на этой нарисованной акварелью картине, – сказал он, показывая моему коллеге картину, которую взял с собой в редакцию, – *желая изобразить силу женской похоти, я усадил ее нагую на гигантской мясной туше, напоминающей толстый и красный слоновий хобот, или вот эта моя картина, «Перелет»,* – показал старик вторую картину, – *птицы мигрируют, а с неба падают отделившиеся от них куски мяса, для меня это воплощение даосизма, философии пути, то есть, выйдя на путь, ты потеряешь свой груз, станешь легким. Став легким, захочешь летать. Древние тюрки говорили вслед умершему: «да станет его пристанищем полет». Полет представлялся, как пространство вечности, бесконечности. Человек может войти в это пространство, лишь умерев, то есть избавившись от плоти, от мяса. Инобытие – бытие, где нет мяса. Но в нашем мире мясо – божественная и человеческая потребность.*

Одно из важнейших условий вашего правоверия состоит, в том, сколь далеко вы держитесь от свинины. Эта вера, начинающаяся при обязательстве неприятия мяса, побуждает вас при другом религиозном ритуале выражать свою любовь через мясо. Свинина символизирует ненависть, баранина – любовь. Почему в нашем подсознании существует представление о боге как мясоеде? Ибо мы пожирали мясо своих первобогов – тотемных животных, чтобы вобрать в себя их силу. Затем боги решили отомстить и вынудили нас раз в год жертвовать им мясо юношей и девушек. На сей раз есть мясо, человеческое мясо, стали боги.

Жажда сырого мяса не только божественная, но и половая потребность. Разве мы, жадно сосясь в темных комнатах, не утоляем преходящую из поколения в поколение алчбу пращуров по сырому мясу? Почему люди предпочитают заниматься любовью в темных комнатах? Потому что они нравственны? Нет, это – хищный инстинкт. Они уволакивают в укромное местечко, в темноту сырое мясо, предстающее перед ними в облике мужского или женского тела, чтобы не делиться с другими, точь-в-точь, как вынюхивающая укромное местечко лисица, собирающаяся есть в одиночку зажатую в пасти утку. Разве не из-за половой жажды по сырому мясцу мы, мужчины, любим женщин, разве для женщин мужчина что-нибудь иное, кроме голого Эроса? Человеческая надежда на рай – ожидание обретения нового мяса после смерти. Бог – всего лишь фокусник, своим дыханием обративший глину в мясо. Никто в этом мире не влюбляется просто так! Таким место не в жизни, а в мифах и легендах. Но меня понимают неверно, гляньте, что пишет обо мне ваш молодой писака, – старикашка захватил с собой репортаж, где я описываю послевоенную эпоху города, – *будто я каждый день покупаю куски мяса с крупными костями, крепко сжимая, несу домой, опускаю, не разделяя, в казан, к тому же грязный медный казан и варю. А потом ем это полупроваренное мясо, а кости складываю на полке. И будто бы молодой человек видит всё это собственными глазами, каждый день. Верно, в моей кухне много костей, ибо, по моему мнению, кости – идеальный символ бренности. Если искусство не вдохновляется ощущением бренности, оно скатывается в пафос. Смотрите, что нам осталось от войны? Забившие могилы кости с запечатленными на них подписью и печатью истории! А что останется от нас? Не подтвержденная подписью и печатью истории куча костей! Кости у меня дома избавляют меня от эго, от гордыни. Эти безмолвные кости – орущие статуэтки смерти. Я набиваю живот мясом с этих костей, а сами эти кости не дают разжиреть моему эго. Я не маньяк, я художник, можете узнать у моей жены».*

«Жены? Разве вы живете не один?» – спросил мой коллега.

«Верно, мы разошлись после войны, но, она во всяком случае, некогда приходилась мне женой. Я бы даже просил дать объявление в вашей газете о ее розыске. Слышал, она нашла приют в одном из городских общежитий. Детей у нас не было, мы заменяли их друг другу. Наше расставание не супружеское, это разлука между отцом и дочерью, матерью и сыном».

Интервью художника вызвало такую шумиху среди читателей, желающих вернуться к темам мирной эпохи с целью предать забвению горести войны, что наш цыганской натуры редактор объявил в редакции мобилизацию во имя сохранения этой шумихи, вызванной нашей газетой: жену художника следовало найти непременно! Даже если та сквозь землю провалилась! Времени – два дня! Нашедшему обещается награда. Найти жену старого художника оказалось несложно. По адресу, по которому мы направились, ее знали все: от модернового неандертальца под прозвищем «профессор» и до детей-гомосапиенсов, качающихся на дворовых качелях. Главный редактор приказал прославить ее на весь город. Отныне медиа зарабатывала не на популярных, а на непопулярных личностях; именно нам выпало жить в ту ужасную эпоху, где каждому полагалось стать героем дня.

Уля – так называла себя бывшая жена художника, забывшая свое прошлое женщина. После войны лишилась мужа и рассудка. Точнее, сначала рассудка, затем мужа. Сейчас в городе никто не помнит настоящего имени этой женщины, даже она сама. В общежитии две версии по поводу имени: первая – Улей ее прозвал этот квартал, где она обитает; потому что под градусом она иногда выла на балконе. Родные стены соорудили этой чужеземке имя из ее мук и одиночества. Вторая версия – она принесла с собой это имя из Сибири. Сейчас она работает уборщицей в общежитии для рабочих. Заработанные гроши тратит в основном на самое дешевое сухое вино, сигареты без фильтра, кормят ее сострадательные беженцы, обосновавшиеся после войны в общаге и покамест не спешащие возвращаться в свои дома, и целыми днями в подпитии разговаривает сама с собой на никому не понятном макароническом языке, сооруженном из турецких и русских слов. Пропитавший ее лохмотья кислый запах пота и вина столь ужасающ, что во время уборки коридора общежития жильцы закрываются в комнатах и ждут, когда она уберется ко всем чертям. Соседи, тоже не горящие желанием вдыхать это амбре, ставят предназначенную для нее тарелку с едой у порога. Даже древние отсыревшие стены пропитались вонью Ули, чья женская красота, у которой вышел срок годности, улавливалась под грязной кожей, как мутный сон, что видело ее тело. Эта часть города пропахла Улей, этот запах забирался не в ноздри, а в саму память, и вам никогда его не забыть словно гадкое воспоминание.

Невозможно превратить речь Ули в текст. Я вынужден пересказать ее историю своими словами. В одну из холодных сибирских ночей Уля забеременела от кавказца, отправившегося в мировое турне в поисках работы. Ее история, ставшая впоследствии предначертанием, начинается таким образом:

«Я ненавижу свою родину. Первая и главная причина – ребенок, новорожденный ребенок. Однажды я увидела, как полицейский гонит с центральной улицы нищенку, держащую на руках ребенка. Подняв малыша над своей головой, женщина потрясала им как сумасшедшая, угрожала полицейскому: если тот не отстанет, она грохнет малыша наземь. А затем умоляла его на языке, понятном лишь беднякам и нищим. Прохожие споро покидали этот пятачок словно бегущие впритык бараны, спешащие в тень под деревьями. В этом не знающем финала уличном театре, где главные роли играли государство и нищенка, никто не желал получить эпизодическую роль. Подчиняющийся приказу полицейский, безусловно, не собирался отставать от нищенки, и не отстал… вдруг женщина закричала с дикой беспомощностью, и я увидела окровавленного малыша у ног полицейского. Хватающиеся за воздух крохотные ручонки искали мать. Измученный народ своими же руками устраивал побиение своих младенцев…»

Я спрашиваю, где произошла эта дурацкая история (мы не понимаем, почему она нам ее рассказала), Уля, мешая русский с тюркским, говорит: «Там это бурада» и теряет нить. Я максимально адаптирую к письменной речи несуразные фразы Ули и записываю их в своем блокноте – «сокровищнице тайн»; но так как она пьяна до самых глубин своей памяти, я не могу разобрать, видела ли она это происшествие своими глазами, выдумала или это случилось с ней самой.

Уля перескакивает с одного языка на другой, так и я перескакиваю с одной темы на другую. Да, значит, тот самый парень отказывается от отцовства. И тогда лишившая себя (распространенным народным способом, то есть погрузившись в корыто с горячей водой, чтобы заживо сварить инопланетного паразита – прилепившегося к ее матке эмбриона) радостей материнства девчушка вместе со своим ветреным ухажером приезжает в наш город. Но ей опять не везет: начинается война, парень добровольно отправляется на фронт, никаких вестей от него не приходит. Голодная и несчастная женщина не знает, как быть, ей приходится, повинуясь собачьему инстинкту, вернуться в Сибирь, в покрытое снегами запустелое одиночество.

В тот день, когда она ступает на сибирскую землю, северный ветер бьет ей в лицо, тело, забирается в утробу белым словно мука снежным крошевом. И тем самым морозная родина смывает грязь и копоть жаркой чужбины с блудной своей дочери.

В этом месте нашей истории, точнее, истории Ули одно пространство сменяется другим, и потому должно смениться и время. Так что мы должны прыгнуть из прошлого нашего города в настоящее время Сибири.

– Уля! – принял ее за знакомую раздавшийся за спиной голос.

Народ хоть и поздно, но дал имя своему чаду, взяв за руку, отвел домой, снял прохудившееся платье с отеческой решительностью и стыдливостью, приказал не стесняться и снять нижнее белье, впитавшее южную грязь. Мерзнущая от холода голая девушка, стесняясь перед Народом, прижала к обнаженной груди протянутое ей новое платье и обувь, и прошла в другую комнату переодеться. Народ мельком глянул на крупные, белые, гладкие ягодицы своей дочери и запомнил их. Наутро Народ взял Улю на работу, выделил ей отдельную квартиру.

Теперь в этой квартире можно было предать забвению неудачливое прошлое.

Поначалу Народ любил Улю с состраданием «Отца Сергия», приходил в тихие, благостные вечера в ее квартиру с гостинцами, до самой полуночи заплетал у печки ее косички. Читал ей стихи, жарил свинину. А Уля заваривала для Народа мятный чай, старалась отблагодарить его с тем же состраданием. Но, в любом случае, один из них был зрелым мужчиной – Народом, а другая – вострогрудой женщиной. По сути в этой квартире ходила-бродила тайная тень сострадания: Похоть! Именно язык этой тени побуждал Народ читать по ночам стихи для Ули, именно руки этой тени заплетали косички Ули. Немного спустя похоть Народа взяла верх над состраданием. Конечно, в этом вопросе нельзя отрицать работу сатаны – падкого на секс и не позволяющего пустовать рюмкам. Сатана поработил душу Народа и взял на себя его грехи. «Проклятые навеки – добродетельные обитатели ада. День принадлежит богу, а ночи – тебе», – сказал сатана Народу. Пьяный Народ, получивший трансцендентальную силу от мудрости сатаны, начал каждую ночь фривольно обнимать свою дочь, целовать в шею, раздевать догола, а порой, даже не раздевая, валить под себя и наслаждаться. Это наслаждение обходилось Уле за счет усталых и болезненных ночей, но она никогда не говорила этого Народу. Как-никак, это Народ, ее народ, ее отец, отец ее отца; любить его и удовлетворять – святая обязанность Ули. Даже если б она сказала, то пьяный и пронырливый Народ не понял бы. И еще: разве Народ не вытворял всё это ради счастья своей дочери? Кем была и что могла сказать Уля перед этой исторической истиной? Выпивка всё больше и больше ухудшала состояние Народа. Народ терял остатки здравого смысла, порой забывал по ночам, что он мудрый Народ, вел себя, как разъяренная чернь.

Поцелуи... пропали поцелуи. Народ больше не целовал в постели свою дочь, и Уля женским своим разумением поняла: то, что пропали поцелуи, говорит об исчерпанности любви. Женщина, которую не целуют в постели, не отличается от проститутки. Народ обращался с ней не как со своей дочерью, а как со своей проституткой. Если Народ оставался чем-то недовольным, он вставал и пинал голую Улю, материл, ставил в холодный и темный угол, орал: «заткнись, неблагодарная сучка!» А причину своей неблагодарности Уля видела в том, что приелась Народу.

Уля уже ненавидела Народ, она, желая отомстить Народу, пробовала бежать из деревянной избы, где оставалась одна, но, понимая свою беспомощность, плакала в подушку. Она решила изменить Народу; выпивка и чужие мужчины. Видимо, проституция – завершение самоубийства, запланированного женщиной с целью наказать своего родного человека: самоубийство Женственности! Проститутки – это женщины, убившие свою женственность. В противном случае как может женщина расценивать свое тело в качестве места работы?

Измена случается, как ураган. Перед изменой в душе женщины воцаряются дикое безмолвие, хищное спокойствие. Женщина готовится к измене серьезнее, чем к замужеству. Пронырливый Народ мгновенно уловил это безмолвие, воцарившееся в душе Ули, и полностью предался сомнениям и подозрениям. А однажды ночью напился до бешенства, разорвал на девушке одежду, бросил ей в лицо изорванное платье и толкнул к двери: убирайся отсюда, Шлюха! Уже до измены Ули Народ объявил ее шлюхой и выгнал из дома.

На одном из вокзалов, где поезда-питоны, заживо заглотив людей, затем медленно выползали из города, появилась женщина и отправилась в путь, повернувшись в холодном вагоне спиной к заснеженным пустыням своей родины.

Уля бесследно растворилась в тюремной тиши дворов, окруживших космополитическую ностальгию города (куда она перебралась в одиночестве) высоченными заборами особняков, в адской толчее шумливых вокзалов, где классовую борьбу вели не люди, а их чемоданы, в грязи надетых друг на дружку юбок торговок, ставших волосатыми и мужеподобными от продажи зелени в надземных переходах метро (возящем усталую толпу в разные концы города), среди лишенных запаха древности памятников поэтам, скорбно и свысока взирающих на участь народа, и, наконец, в безмолвном шепоте разнообразных костей в комнате пьяного художника, который подобрал ее с улицы. На сей раз наш Народ проглотил без остатка эту несчастную и потерянную женщину.

Она потеряла счет дням, прожитым в этом общежитии, где работает уборщицей, а всё вышенаписанное – не ее воспоминания, а наша выдумка. Ее речь состоит не из предложений, а из отдельных слов. Например, после того как мы додумали пустоты между ее словами (такими, как «Я… народ… этди… борьба…»), появилась вышеизложенная история, и мы вдруг увидели: вместо того, чтобы написать репортаж об этой женщине, мы выдумали ей целую жизнь. Откуда нам знать, что скоро в нашем городе разгорится новая война и нам очень пригодится умение выдумывать жизни незнакомым людям. Литература и на сей раз мобилизовала свои приобретенные со дня основания письменности и всё еще длящиеся эзотерические традиции, чтобы перевязать раны истории, и поделилась ими с нами, журналистами, то есть медийными престидижитаторами, достающими кроликов из шляпы. В очередной раз каждому стало ясно: возникновение письменности призвано выдумывать жизни. Древние короли, выдумывающие себе биографию, запечатленную на каменных скрижалях, пророки, выдумывающие биографию богу в священных книгах, народы, выдумывающие в дастанах жизнь своим потомкам, поэты и писатели, выдумывающие в эпосах и романах жизнь своим персонажам, – все они пришли нам на помощь, чтобы выдумать жизнь погибшим на войне за наш город, чтобы дополнить посредством воображения их прерванную жизнь.

И мы поняли, что основная цель войны между народами – познание и признание не только своих героев, но и своих трусов, дезертиров, предателей. Поняли, что раз мир – тюрьма, то арестанты – не люди, а народы, и в этой тюрьме каждый народ получает погоняло в соответствии со своим характером. Поняли, что народ предстает перед будущим посредством перформанса войны, и история, одиноко восседающая на троне жюри, оценивает общемировой потенциал народа согласно этому перформансу. Народы, не прошедшие через устроенный историей экзамен войны, либо возвращаются обратно и заново готовятся к войне, либо падают духом и добровольно отказываются от будущего. Народ выдумывает жизнь, чтобы не падать духом. Один из восточных философов назвал уныние раковой клеткой народа. Или психиатр Юнг, говоря об архетипах, подразумевал жизни, выдуманные народом на черный день и собранные в подвале под национальным сознанием? Может, это и есть наша тайная самость, которую мы называем душой: наш архетип. Каждый из нас – плоть одного из архетипов, плоть праотца, исходящего из коллективного бессознательного. Того праотца, чью жизнь выдумал народ. Что касается Ули, то эта женщина не стала ни вспоминать своего бывшего мужа-художника, ни отвечать на наш вопрос «хотите вернуться к своему мужу?»

Да, однажды снова облаченные в белое исподнее мужчины, которых можно было бы назвать богами древнего мира, с умудренной усталостью возлегая, как обычно, со своими женами, вход в чьи утробы заволокла паутина, чьи колыбельные сменил плач по покойникам, чьи тела (более ни на что не способные, кроме замешивания теста и отделения зерен от плевел) заменились побитыми памятниками во славу участи домохозяек, мужчины, – вспоминающие встающего каждую ночь на дыбы одинокого всадника и забывающие вкус тушеного, точнее протухшего мяса, некогда поедаемого (после отхода детей ко сну) не в столовой, а в спальне, – вскочили в постели от грохота осыпающих их головы снарядов. В полночь.

Враг, не сдавший экзамена прежней войны, вернулся к себе, заново подготовился и пошел на нас.

Старая война, с которой в свое время мы чуть ли не породнились, спустя годы вернулась с чужбины на нашу родину, к несчастью, на этот раз на помощь не пришли ни кошки, ни мертвецы. Мы остались с врагом один на один. Честно говоря, мы не смогли распознать эту старую войну в новом обличье, она помолодела, приоделась, сгладила хирургическим путем все старящие ее рытвины на теле; подтянула морщинистую кожу лица, скрыла татуировками все застарелые шрамы, чтобы те не выдали ее, посадила блондинистые волосы у себя на макушке, арестовала свои глаза в темнице черных, больших очков. Накачала некоторые части тела силиконом. Будто наша дочь, которую мы проводили девственницей, вернулась проституткой. Фальшивая внешняя красота испортила и ее внутренний мир; она стала эгоисткой, развязной, заболела нарциссизмом, когда внутреннее уродство влюблено во внешнюю красоту. Принялась смотреть свысока не только на нас, но и на всё человечество. От военной морали в ней абсолютно ничего не сохранилось. Теперь нам следовало беречь от нее не только свои жизни, но и честь; мы должны были сражаться еще и потому, чтобы наши мужчины, женщины, дети не походили на нее. Женщины нашего города спали в одежде, чтоб наутро никто не видел их искалеченные под ночными развалинами тела обнаженными. Наши мужчины не пытали пленников, а наставляли их, учили уму-разуму. Наши дети вместо того, чтоб убояться войны, играли в прятки среди искореженных танков и пушек. Война теряла весь стыд и срам, чтобы привлечь внимание нашей холодной аристократичности. На сей раз война понимала, что проигрывает своей бесстыжести, и это рождало в ней исступление. А рожденное бесстыжестью исступление быстро старит, не важно, человека ли, войну. Наша война стремительно старела, кажется, на сей раз ее в наш город погнала перед собой сама смерть, таким вот ходом мы стали участниками и свидетелями дешевой войны, впервые в истории скончавшейся от старости.

Либо история издевалась над нами такими вот дурацкими войнами, либо отныне пришли в негодность все войны на свете.

Случилось, как мы и предполагали; однажды утром мы проснулись и увидели, что вернулись пропавшие с начала новой войны дворняги и что они, подняв заднюю лапу по очереди справляют нужду на бесхозные танки и пушки на улицах города. Наглость уличных псов воодушевила горожан. Первыми заявились вооруженные метлами женщины и, не дожидаясь указаний исчезнувшего словно мираж мэра, смели с улиц и тротуаров в черные мешки бесхозные железки войны. Подняв задние лапы, дворняги оставили свои метки и на этих мешках. Затем выжившие мужчины завалили воронки от взрывов собранными в этих мешках камнями, разбитыми оконными стеклами, осколками снарядов, порвавшимися танковыми гусеницами, пустыми гильзами. Похоронили войну в могилах, вырытых ею своими же когтями. Собаки не замедлили обработать и эти могилы.

Внезапно объявившийся после всего мэр, которого мы прозвали «бюджетным грызуном», дал поручения своим подчиненным узнать масштабы причиненного войной урона. Было решено подготовить сначала отчет о численности умерших и раненых, пропавших без вести. Неделю спустя отчет опубликовали в газетах. Война унесла жизни двадцати тысяч шестисот одиннадцати жителей, ранила тридцать тысяч пятьсот сорок четыре человека. Без вести пропали всего два человека. Странно, ни имени, ни фамилии этих двух человек никто не знал. Ходящие по всем дверям для пересчета населения исполнители просто ссылались на слова горожан, заявивших о пропаже одного из соседей. В городе не хватало всего-навсего двух соседей; где их останки, могилы, раз они умерли или убиты? Где прячутся, раз живы? Во время войны все входы-выходы перекрыли, так что уехать в другой город они не могли. Попасть в плен тоже не могли, ведь душимый злобой враг расстрелял всех пленных, а среди полученных обратно тел все личности установлены. Мертвые или живые, не важно, они должны находиться здесь. Вынюхивающая дешевые сенсации пресса усердствовала в этом поиске двух пропавших жителей больше местной полиции и представителей международных организаций. Ослеп даже третий глаз у наших гадалок, вмиг прозревающих в самых невероятных закромах и сусеках мелочевку для наведения порчи – лапку летучей мыши, булавку, вороний клюв, собачий череп. Два жителя города пропали с концами. Слухи и сплетни влетали в одно ухо города и вылетали из другого; верующие пытались нас убедить, что те двое – джинны, и, когда поднялся переполох, они приняли людское обличье либо вернулись в свое потустороннее измерение. Жители, на чьи головы во время войны свалилось психическое расстройство, подозревали, что один из тех двоих скрывается у них в душе. В тайных закоулках города появились экзорцисты, способные изгонять различными способами засевшего в человеке джинна; взяв с человека деньги, они изгоняли из него джинна, а длинные очереди визитеров (подозревающих или даже уверенных в том, что у них внутри засел джинн) у порогов экзорцистов превратили расторопных сотрудников телеканалов, интернет-сайтов, газет в охотников за привидениями. Весь город сражался с невидимыми джиннами. Наши атеисты – дезертиры этого сражения – задавали служителям религии ироничные вопросы: «Как складывается судьба джинна после изгнания из тела одержимого? Если его после изгнания отпускают на все четыре стороны, кто даст гарантию, что отпущенный на свободу джинн не вселится в очередного человека? А если джинна после обряда экзорцизма убивают, то как это делают, где же эти убитые джинны?» Эти издевательские вопросы становились объектом проклятий набожной толпы. Экзорцисты изгоняли относительно сговорчивых джиннов посредством ворожбы, страшного шептания во имя бога, а наглых и беспринципных пинками – несколько жителей не вынесли этих побоев и скончались на месте. Но всё оказалось без толку. Со временем мы поймем, что джинны живут не в телах, а в памяти людей с психическими расстройствами, вдобавок как гости, по-

сланные стрелой наследственности. Поезд ушел, когда мы поняли, что сама наша память, рецепторы иммунитета создали джиннов, чтобы мы не загнулись от умственного расстройства. Улицы ломились от сумасшедших, избавившихся благодаря джиннам от умственного расстройства и здоровых, как огурчик. С самого начала следовало вести битву с джиннами не в наших телах, а в нашей памяти. Увы! Эти два жителя, пропавшие в образе человека, день ото дня множились среди нас, как легион. Эти двое, испарившиеся во время военных действий, проникали даже в сны жителей, каждый видел их во сне в ином обличье: но все сновидцы видели их в образе мужчины или женщины. Больше всего их видели как держащихся за руку и разгуливающих голышом супругов. Случались ночи, когда весь город видел один и тот же сон; эти держащиеся за руку голые супруги всю ночь во сне передвигались из одного конца города в другой. Наше стремление к одним и тем же желаниям и целям уподобило наши сны друг другу. Наше духовенство, во весь рот толкующее неожиданные происшествия в качестве чудес, доказывающих бытие бога, с одолевающей все сомнения уверенностью говорило в своих проповедях: эти никем не узнанные голые супруги – Адам и Ева, снящиеся нам. Грешные прародители пришли после войны проведать нас, своих потомков. Как бы там ни было, мы – порождение их первого прегрешения, и они ответственны за случившиеся с нами ужасы, к тому же ответственны навеки. Допустив первый грех, они по сути нарушили покой, божественный покой: да, после первого сексуального акта наши прародители открыли интимное наслаждение обоюдного насилия, чуждого райскому покою. Война была человеческим обликом этого сексуального акта; после их изгнания все народы по сути хотели с оружием в руках насладиться этим обоюдным насилием. Война выясняла, кто из двух народов, вступивших в сражение, мужчина, а кто женщина, связывала с перемирием, затаенными чувствами их кровавую интимную близость; точь-в-точь, как Адам (мужчина) и Ева (женщина), до первого сексуального акта не ведающие о любовном чувстве, связывающем мужчину с женщиной. Любовь обратила секс, а мир войну – в чувственную память, обеспечивая длительность обоих актов в жизни человека. Первым сексуальным актом Адам открыл силу мужского тела, а Ева – красоту женского. Только после совершения первого греха они поняли, что созданы друг для друга как божественные творения, воплощающие силу и красоту. Поняли еще и то, что бог послал их в рай получить сексуальный опыт; первый торопливый сексуальный акт растопил лед чар, после того, как стекли первые капли пота с тел божественных творений, они превратились в рядовых существ. Стало ясно, что проведенные в раю дни были медовым месяцем Адама и Евы. После удачного испытания первого секса рай навеки закрылся в качестве божественной лаборатории. Ибо бог создал всё в раю лишь временно, для одноразового использования, чтобы мужчина и женщина познали себя, создали себя. В раю не было цепных переходов, создающих качество изменчивости вещей. Соловьи в раю щебетали не ради спаривания, а просто от нечего делать, плод не знал своего древа, а древо – своего семени. Розы не беспокоились по поводу увядания, потому и не спешили расцветать. В этих стационарных условиях бог всего-навсего собирался провести эксперимент над человеком, человек должен был создать самого себя и тем самым облегчить труд творца, вот и всё. А всё, что дальше, – ведомо было лишь богу. Если вы отправитесь сейчас в рай, столкнетесь там со старой разрушенной, превращенной в свалку лабораторией с семью отделениями; увидите вместо раскидистых садов, где цветок призывает цветок, соловей кличет соловья, – кучу опилок, птичьи скелеты. Русла арыков, где прежде текло вино, пересохли и потрескались, распространяя зловоние. Не надо губить себя и других с целью попасть в рай, не дай бог никому нынешний рай! Да, наш сильный праотец и прекрасная праматерь были переселены в более подходящее место для бесконечных занятий любовью, рождения детей, размножения, на землю; божественное содержание стало для рядовых существ всего лишь ностальгией. Миф

об изгнании – выдумка, в истинном смысле этого слова миф. В раю, оснащенном богом в качестве «космической станции» для двоих, не предназначалось места для народов и наций, происходящих от Адама и Евы. Адам и Ева были в некотором роде первыми космонавтами, космонавтами бога. Бог отправил их в рай, чтобы узнать результаты первого сексуального эксперимента. А результат оказался неожиданным даже для самого бога: когда мужчина открыл в себе силу, а женщина – красоту, между ними возникло странное соперничество, и даже вражда. Взаимоотношения силы и красоты породили третью, еще одну ценность, глупую ценность – друзья стали в то же время соперниками, братья – врагами. После этого сила и красота, желающие самоутверждения, не смогут жить друг без друга, сила для самоутверждения станет искать красоту, а красота силу, и для сохранения этого единства-оксюморона возникнет потребность в ненависти, столь же, сколь в любви; как соль и сахар, придающие вкус халве в одной и той же тарелке. Первый секс замешал тесто людское. Отныне сила и красота будут ненавидеть друг друга любя, любить ненавидя. Каин и Авель – первые дети силы и красоты, братья и враги, пришли в мир как представители любви и ненависти. Замешав человека из глины, бог замарал руки, точнее, ударил лицом в грязь; теперь ему следовало вечно опекать этих новых созданий, привязанных друг к другу как любовью, так и ненавистью, либо покинуть навеки, оставив без надзора. Бог выбрал второе и, покидая нас, обещал на прощание иной рай: совсем иной рай, царство свободы, не такое царство запретов, откуда, как нам казалось, мы были изгнаны: очередную божественную лабораторию, которая избавит нас от положения рядовых существ и снова превратит в существ божественных. Человечество осталось на земле одно-одинешенько с последствиями первого прегрешения. В первом сексе крылась вся идея войны; народы, нации, оставшиеся друг против друга наподобие Адама и Евы, раздевались для войны, чтобы выявить, которые из них воплощают силу, которые – красоту. А война была половым актом между народами, нациями. В этом кровавом акте сливались в истоме как любовь, так и ненависть. Сила победившего потерпит поражение перед красотой проигравшего; друзья станут врагами, а враги обратятся в друзей! Чтобы никогда не разлучаться! Вызвавшие уважение мужчин и ненависть женщин города слова одного молодого поэта («Сдавшиеся мужчины поднимают руки, а сдавшиеся женщины – ноги») показали, что первый секс – источник войны. Эти слова развязали язык и прославленному нашему психиатру, который приходил на помощь жителям и толковал ставшие городскими легендами сны, передающиеся из уст в уста, который не смог вытащить себя за волосы из болота депрессии, куда скатился кубарем после смерти любимой собачки, и который ушел из жизни, не переставая звать свою собачку. Прославленный психиатр тоже пробовал нас уверить, что джинны – психические сущности и они – эхо войны. «Да и сам бог – психическая сущность!» На вопрос ведущей «а что такое психическая сущность?» он ответил: «Человек – стадное существо. Он нуждается в стаде ради выживания. Мы ощущаем себя в безопасности внутри стада. Но и внутри нас есть стадо, дающее нам чувство безопасности. Внутренне стадо состоит из психических сущностей. Наши архетипы, идеалы, кумиры, бог, дьявол, джинны, суккубы и инкубы – члены нашего внутреннего стада. Человек становится одиноким, когда отпадает не от внешнего, а от внутреннего коллектива. Эти психические сущности создает наш мозг. Например, иудейский мозг, выросший под опекой вековечного чужбинного бессилия, желая удовлетворить моего предшественника Фрейда, идеализировал воплощающих для него силу полководцев (Ганнибала, Кромвеля) в качестве психических сущностей. Ибо в мозгу Фрейда на месте силы находилась историческая пустота. Мозг Фрейда заполнил свою пустоту легионом полководцев. Эти полководцы защищали его психическую крепость. Или же мозг верующего заполняет свою галактическую пустоту богом. А бог, желая явить свою психическую мощь жалкому созданию, приносит вместе с собой все фигуры вражеских армий –

сатану, джиннов, суккубов и инкубов. Ангелы – солдаты бога, а джинны и суккубы – солдаты сатаны. Сатана и его армия нужны богу, чтобы тот явил свою силу человеку. Не будь сатаны, не могущий применить свою силу бог запылится в отдаленном уголке мозга словно забытый глиняный горшок. Во время войны мозг выдвигает вперед бога, психического полководца, а после войны сатану, психического трикстера. Если нарушится это трагикомическое чередование, человек не выживет. Нет ничего удивительного в том, что после войны внутри нас разворачивается карнавал джиннов. Поэтому повторяю, джинны – эхо войны, доносящееся до нас». Прославленный психиатр почувствовал себя неловко перед уставившимися на него хлопающими верблюжьими глазами ведущей. Желая объяснить тему попроще, он поерзал, будто в толстую ягодицу впивался воображаемый гвоздь, и продолжил, не дожидаясь следующего вопроса: «Доченька, – сказал он, но в тоне голоса не ощущалось никакой теплоты, – есть сознание, а бывает еще подсознание. Сознание охраняет нашу активную память, создает и усиливает волю, копит знания, учит новые вещи, отделяет зерна опыта от плевел, выдвигает суждения, опирается на логику, конструирует и понимает юмор, сознание обладает способностью проводить сравнения, оно может проводить различия между прошлым, настоящим и будущим. А подсознание – это пассивная наша память, у него нет никаких аналитических способностей, оно спонтанно, не подчиняется нашей воле, реагирует одновременно на несколько действий, оно инстинктивно, не обладает чувством юмора, не понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Оно действует на скорую руку, копит в себе наши привычки, не взвешивая их хорошие и дурные стороны, не имеет никаких мыслей по поводу будущего, оно эгоистично, взбалмошно, днем и ночью пыхтит впустую, эмоционально, ненавидит логику. Сон – жизнь подсознания. Во время сна место сознания порабощается подсознанием. Потому-то наши сны полны убийцами, демонами, змеями, волками, которых мы никогда в глаза не видели. Эти причудливые твари набились в темный подвал нашего сознания, не подчиняясь нашей воле. Джинны, появившиеся внутри нас после окончания войны, – разновидность этих тварей, вечно живущих в подвале нашего сознания. Во время войны рассудок уступает свое место инстинктам. Ожидание угрозы мобилизует зверя в человеке. Животные инстинкты мгновенно порабощают наше сознание, распахивают двери подсознания и выпускают на волю живущих там тварей, ибо именно там находятся все чудища-герои, воодушевляющие нас бесстрашно смотреть смерти в глаза.Из-за этих воинов-чудищ теряется грань между сном и явью на войне. Война приносит с собой бессонницу, а мир – сон. На сей раз в нашем подсознании пробуждаются демоны и джинны, отдаляющие нас от военных реалий. Хочу сказать, что не стоит беспокоиться по поводу джиннов, как только наш город пробудится ото сна мира, они снова вернутся в свое подземелье».

То, что весь город видел один и тот же сон, и видел в этом сне одну и ту же обнаженную пару, прославленный психиатр объяснял спонтанным чувством солидарности, возникающим в психологии масс, когда в экстремальных ситуациях добровольно устраняются различия. «Сегодня весь город ищет тех двух жителей, пропавших во время войны. В нашем мозгу возникла лунка, где должны занимать место двое, и это нас беспокоит. Наш мозг, желающий осчастливить нас, вынужден на скорую руку заполнить эту лунку. Когда сознание возвращается с пустыми руками от подсознания, оно раскрывает ради милостыни руки перед нашей памятью и потому запихивает в ту самую лунку самые доступные образы из нашей памяти – Адама и Еву. Точь-в-точь как в случае Фрейда, когда мозг моего предшественника не смог найти ничего стоящего в его подсознании и потому заполнил пустующее место силы полководцами из памяти. Мы не переживаем из-за тех двоих, мы переживаем из-за пустующей лунки, где занимали место двое». Спустя неделю после наделавшего шуму интервью умерла любимая собачка прославленного психиатра, а спустя две недели умер он сам. Ибо его мозг ни в подсознании, ни в памяти не смог отыскать ничего

подходящего, чтобы заполнить пустующую лунку, где занимала место собачка. Эта смерть стала уроком для нас живущих; значит, следует любить то и тех, которые имеют замену либо в нашей жизни, либо в памяти. Человека убивает то, чье пустующее место он не способен заполнить. Пустота гипнотична.

Город голову потерял, так как не мог заполнить под гипнозом пустоты ту саму лунку, оставшуюся от пропавших. Да, наши сны заполняли эту лунку образами Адама и Евы, но как только мы просыпались, явь наставляла на нас словно двустволку ту парную пустоту. Верно, после войны становилось всё больше женщин, рожающих двойню, но эта парная пустота поглощала всё без остатка. В городе не осталось и тех, кто мог бы четко вспомнить тех двоих. Соседи противоречили друг другу; одни говорили, что до войны они пропадом пропадали на улицах, целыми днями слонялись, как хиппи, другие утверждали, что они жили замкнутой, как у суфиев, жизнью, неделями не выходили из дома. Наш традиционный спиритуалистский интерес к тем, о которых мы ничего не знали, знали лишь по слухам, превратил в миф тех двух неизвестных. Полгорода не верило в их существование, а остальная половина – в небытие.

Спустя полтора года во время раскопки фундамента для стройки здания обнаружили массовое захоронение, но среди костей не обнаружили ничего, что могло бы относиться к тем двоим, ибо судебно-медицинская экспертиза, отметая все сомнения, доказала: эти сваленные в кучу скелеты принадлежат ученикам одного и того же класса одной и той же школы, которых одного за другим расстреляли в голову и закопали в одной и той же яме. К сожалению, имена этих бедных школьников включили в список жертв войны, хотя родители очень надеялись, что имена их детей попадут не в «книгу мертвых» нашего города, а в список без вести пропавших, то есть тех, на чье возвращение можно было бы надеяться. Пропасть без вести – надежда, даруемая войной. Скелеты подростков, которые показывали по телевидению с утра до ночи, которые тиражировались на страницах медиа, в очередной раз стали душить в слезах жителей города: война давно закончилась, а нас всё еще продолжали убивать.

– Кость… Кости… Вот что вспомнил, ты ведь брал интервью у старого художника… Он искал тайны творчества в костях. Может, разыщешь его? Пускай расскажет об этом массовом захоронении. Интересно, как искусство воспринимает эту картину войны?

За то время, когда главный редактор бросил передо мной тему, «как кость», и до той минуты, когда я появился в общежитии, где обитал старый художник, в мире умерло так мало людей, что этого никто не заметил. Вместо старого художника меня на пороге встретили два знакомых, два грязных паука; один захватил восточную часть двери, другой – западную, словно древние иудейские пророки. Соседи-художники, замаравшие руки разноцветной кровью искусства, заявили, что он внезапно пропал во время войны (бог знает, в который уж раз), и захлопнули передо мной облупившиеся двери мира искусства. Я побежал вслед первой пришедшей в голову мысли; художник, наверно, под предлогом войны перебрался к Уле. Зачастую женщины распахивают объятья не перед жаждущими их любви, а перед жаждущими их заботы. Соседи уборщицы Ули тоже один за другим заявили, что женщина как под землю провалилась после войны, и поспешили домой, держа продуктовые сумки, оттягивающие их руки, и тем самым напоминая древнего человека, устало возвращающегося с добычей в свою пещеру.

Кажется, я нашел двух пропавших обитателей нашего города, но никаких доказательств их вчерашнего бытия и сегодняшнего небытия не имелось. Они – Адам и Ева нашего ставшего адом города, бог войны на сей раз изгнал их из ада…

ЛАЧИН

Futurum exactum[1]

Рассказ
соч. 94

Ubiguc daemon (Повсюду дьявол)
средневековая пословица

I

Как обычно бывает в истории, никто не понимал, что наступает.
Станислав Лем, «Мир на земле»

И поныне я ещё трепещу, вспоминая волны песчаных барханов, оазисы, живящие водой, и пальмы, простёршие над ними тень. Почему-то сперва вспоминаются пески и безмолвие, и лишь потом – пережитый в них ужас.

Даже серебряные легионы Траяна не заходили столь далеко, ни на юг, ни на север, как забрела наша центурия, в год четвёртый правления Диоклетиана (288 г.). Это было волей Януария, под чьё начало мы были отданы, гонимого жаждой открытий. Наш легион остался в далёкой Сицилии, когорта – на развалинах Карфагена, и две трети манипулы полегло от жары, лихорадки и жажды, оставшаяся сотня была сведена в одну центурию. Узнав о наградах, наверняка ожидающих нас по прибытии, мы не испытали удовольствия, ибо были изнурены: нас оживляли лишь стычки с местными племенами, но, рубя и коля, ты чувствуешь, что молодость растрачена, и, утомлённый песками, кровью и солнцем, с отчаянием вглядываешься в отражение в луже, в котором не видишь уже ничего человеческого.

Вторым гражданским лицом был я, тогда начинающий ритор, третьим – Кинфия, вольноотпущенница и подруга Януария, уже не встававшая с носилок, несомых двумя рабами-сирийцами. Её не обременяли раскалённые доспехи, но казалось, что материя лёгкого платья продавит это истомлённое тело.

Мы шли вдоль побережья, и на шестой день после песчаной бури, заставившей нас держаться ближе к морю, завидели портовый город, чьи плоские крыши, желтевшие под солнцем, и тонкую, высокую белую башню обозревали с нескрываемой радостью. Море было спокойно, как поверхность щита, заброшенного в мирное время, и мы были не прочь уподобить наши щиты его зелёной глади.

Мы встали лагерем в пятистах шагах от ближних домов, у пальмового леса, плавно подымавшегося на холмы. Весьма скоро к нам пожаловали несколько полунегров в роскошных платьях до пят, с белыми повязками на головах, в клубки этих материй были воткнуты перья. Выведать наши намерения им удалось с немалым трудом: мы плохо изъяснялись на местных наречиях, они же не владели ни латынью, ни греческим. А намерения были мирными, что объяснялось и усталостью, и незнанием обстановки. Ввиду этого незнания центурион решил отправить в город не более десяти человек, дабы не рассредоточивать силы; в этой десятке был я. Хороня мечи в длиннополых плащах, идя вдоль берега, мы подошли к домам со стороны моря. Ряд рыбачьих лодок стоял неподвижно. Воздух тяжелел от разгоравшегося солнца, облепляя нас всё более плотно; хотя слышались крики и перепалка торговцев, а на

[1] *Futurum exactum – в латинском языке – будущее время совершенного вида, указывает на событие, которое произойдёт в будущем, причём факт этого грядущего события может быть основанием для других, более поздних событий.*

улицах визжали мальчишки, эти звуки не могли поколебать атмосферы оцепенелости; вялый плеск волн только подчёркивал это. Темнокожие варвары, сидя за столиками под натянутыми полотнищами, церемонными движениями подносили ко ртам и отставляли напитки в маленьких чашках; куча мальчишек окружила нас, глазея и оживлённо переговариваясь.

Мы направились к завиденной впереди площади, и маленькие оборванцы потянулись следом; только чувство достоинства римских солдат не позволило нам обернуться и убедиться окончательно, что они насмехаются над нами.

Каменные плиты площади, казалось, обжигали сквозь сандалии. Окованная кольцом коричневых каменных зданий, она напоминала арену для травли львов или поединков гладиаторов. Высота домов не превышала двух этажей, однако узкие улицы были оживлённы. Удивляло малое количество женщин, и что они как-то по-зимнему плотно укутаны. Их лица до глаз были закрыты платками. Не отходя от стен домов, они оглядывали нас – как нам казалось, боязливо. Старики с головами в белых платках, негритята, разносящие питьевую воду, вообще – много негров; и отовсюду стойкий запах баранины. Толстые мясники насмешливо оглядывали нас, ловко обезглавливая куриц, и было неприятно, как они переводят взгляд с нас на кровавые фонтаны из птичьих шей. Мы были рады, что не взяли с собой Кинфию, хоть она и гневалась, притопывая ножкой, и презрительно щурила посиневшие глаза. Мы и сами уже не очень радовались этой прогулке, ибо город не располагал к спокойствию. К тому же – Януарий в этом соглашался со мной – никто из современников или историков древности не ведал о подобных чужеземцах, их богах и обычаях. Однако мы немало ещё прошагали по улочкам, и Януарий рассматривал в лавочках бусы, кольца, покрывала и ковры для Кинфии, думая, на что их можно выменять. Книжных лавок и волчиц[1] мы не приметили ни одной.

Притомившись, мы уселись в тени на второй, меньшей площади напротив маленького дворца розового камня. К тому же здесь отступал запах бараньего мяса и шкуры, казалось, пропитавший весь город. В двадцати шагах от нас небольшая толпа наблюдала за группой людей с двумя барабанами, кажется, фокусниками. Они сидели на корточках вокруг жаровни, один бросил в неё зёрна ладана, другой бил в барабан. Затем они принялись выкрикивать нараспев что-то вроде заклинаний, хриплыми гнусавыми голосами. Открыли картонную коробочку, вытащив из неё скорпионов, и один из оборванцев подставил нижнюю губу жалам насекомых. Меж тем его товарищ усадил руку длинными иголками. Третий, очень смуглый бородатый верзила, снял головную повязку, обнажив выбритый череп, и в этот череп его товарищ стал вбивать длинный толстый гвоздь. Струйки крови стекали по бороде жертвы, казавшейся бесчувственной. Вокруг его товарищи извивались под бой барабанов. Когда гвоздь накрепко заколотили, из толпы вышел человек и попытался вытащить его, что удалось с немалым трудом. Человек, из которого вытащили гвоздь, весь в крови, сел на корточки, а в толпе, смеясь, передавали друг другу гвоздь.

Вечер в пустыне наступает внезапно. Может, главной причиной возвращения спешным шагом было желание видеть Кинфию – в этом краю женщин нельзя было даже разглядеть толком. Вдогонку нам слышался унылый, протяжный полупоющий голос, будто с какого-то возвышения, будто созывающий горожан на что-то, для чего-то. С чувством облегчения мы прошли было мимо трёх скученных пальм в ста шагах от лагеря, как вдруг нас остановил женский смех. Меж стволами что-то происходило. Я, Януарий и Маний, бывший четвёртый центурион шестой когорты, подошли и заглянули за деревья. Мы были поражены, увидев Кинфию, и не одну. Она стояла, пригнувшись, упёршись руками в колени, а высокий полуголый негр в белых штанах улыбался и похлопывал её по заду, запустив руку под полу её плаща.

[1] *Проституток, так их называли в Римской империи; лупанарий (публичный дом) от латинского слова «lupa» – волчица.*

Я удержал Януария, уже вынимавшего меч. Парочку даже не смутило наше появление. Кинфия спокойно окинула нас взглядом и разогнулась – мне кажется, она должна была сделать это быстрее. Чёрный варвар белозубо оскалился нам и, развернувшись, побежал в сторону города. Януарий ударил её по лицу тыльной стороной ладони и подтолкнул вперёд. Растерянно улыбнувшись мне с Манием, она пошла с нами. Януарий с Манием были бледны как смерть; полагаю, я тоже.

Возвратившись, Кинфия не показывалась из носилок. Януарий хмуро чертил на песке геометрические фигуры, после взялся за стригиль[1]. Напрягая слух, можно было вновь различить унылое полупение, слышанное нами при возвращении. Сон нескоро одолел нас; центурион удвоил караул.

На следующий день меня разбудили с криками, и вновь я увидел вокруг себя смертно-бледные лица, и в большем количестве, чем вчера. Кинфия исчезла, и с нею один из её рабов. Второго сирийца уже пытали огнём, но он лишь стонал и кричал, а потом выдохнул непонятное: наша родина уже в далёком прошлом; имея в виду то ли Рим, то ли родные свои края, а потом уже только кричал. Его распяли на дереве; казалось, он уже слился со стволом, цветом кожи и корявыми узлами мышц, казалось, он рад и торопится слиться.

Совещание было кратким. Решили отказаться от приступа, ввиду утомлённости солдат после дальнего перехода, незнания сил противника и, главное, причины исчезновения Кинфии. Похищена ли она? Вряд ли это было возможно, а вчерашнее происшествие делало вероятным побег. Выслали пять человек; Януарий, снедаем двойным бешенством – любовника и бывшего хозяина – настоял на своём участии, и моём, как товарища. Во главе центурион поставил уже не его, а Мания, как бывшего центуриона. И поныне мне непонятно, как не учли мы простого обстоятельства – незнания местного языка; никто не мог предположить, что нам, примчавшимся в город, попадётся мальчишка в набедренной повязке, со странными ужимками указывавший куда-то пальцем, зовя за собой. В городе царило оживление, гомон усилился вдвое, бородатые мужчины в чёрных и коричневых одеждах сбивались в кучки, гортанно тараторя, и с весёлым оживлением указывали на нас чёрными и коричневыми пальцами. Женщины в чёрных и зелёных покрывалах с обмотанными лицами, завидев нас, бросались прочь семенящим шагом, пригнув головы. На малой площади, где вчера под барабанный бой вбивали в череп гвоздь, мальчишка оторвался от нас, исчезнув в одном из проёмов розовокаменного дворца, по-прежнему казавшегося безлюдным. Бросившись следом, мы вбежали с центрального входа, через распахнутые, тяжёлые кованые двери. Залы и комнаты соединялись ведущими вверх и вниз лестницами и какими-то немыслимыми переходами, чередуясь с двориками, устроенными террасами; если на улицах мы видели одних мужчин, то это здание было просто набито женщинами, жирные неопрятные старухи визжали на нас из дверных проёмов, упитанные девочки с подведёнными глазами убегали по коридорам и выглядывали из-за занавесок, под ногами путались чёрные и зелёные покрывала, ковры и бараньи шкуры. И до сих пор мне неведомо, почему мы бежали столь уверенно, будто зная куда, и наши сандалии еле касались выщербленных мраморных плит, пока не забежали в маленькую комнату, сплошь покрытую коврами, где под потолком качался фонарь, а возле окна с резной решёткой полувозлежала на подушках босоногая смуглянка в очень широких штанах, штанины казались пузырями, и полупрозрачной рубашке. И уж совсем удивительно, что мы сбились там все впятером, уставившись на незнакомку, будто чего-то от неё ожидая, и ожидание не оказалось напрасным. Она говорила на языке племён, лежащих к северу, знаемого Януарием, и он переводил, благо слова медленно спадали с пухлых полунегритянских губ.

[1] *Стригиль, или эстригилис (от латинского strigilis, греч. στλεγγίς) – длинный тонкий металлический скребок, использовавшийся в греко-римской культуре для очищения тела от пота и иной грязи. Тогда не знали мыла.*

Когда, семь дней назад, песчаная буря накрыла нас с головой, и мы бежали к морю, наш бег тянулся многими веками. Ах, зачем мы бежали веками? Зачем не растворились мы в песчаном облаке? Зачем, непосвящённые, мы вторглись в вечный город? Ибо он вечен, а колонны наших храмов унесены водами Леты, и камни в мозаиках наших домов, разъединившись, унесены той самою бурей.

Она повернула голову и улыбнулась в окно, влажно и чувственно, матовому блеску пальмовой рощи и зелёному кусочку моря, а до меня дошла вдруг вся нелепость положения: мы стояли, запыхавшиеся, слушая бред этой варварской Пифии, а между тем Кинфия была в положении неведомом. Я оглянулся: та же мысль читалась на лицах трёх моих спутников, а четвёртый призывал нас с порога. И, сгрудившись уже в помещении следующем, мы увидели Кинфию.

Она лежала навзничь, нагая, на красном кирпичном полу, и я вдруг сообразил, что это единственный островок красного во всём, что мы видели в этом чёрно-коричнево-зелёном городе. Её рёбра вздымались, но без стонов и вздохов, глаза были закрыты. И не сразу мы заметили на красном полу растекающуюся кровь, но зато сразу поняли, что это конец.

Януарий встал на колени в её головах, она раскрыла глаза, столь же зелёные, сколь синими они бывали в гневе, и они говорили по-гречески, и голоса их были тише, чем голос надежды.

– Ах, Кинфия, слышал я, что от ветра пустыни мы бежали веками, и камни мозаик нашей виллы, разъединённые, смешаны с пылью времён.

– Нет, Януарий, ошибается дочь варваров с раздутыми ноздрями, и раб мой ошибался тоже. Сей город сам тогдашним ураганом принесён, из будущих веков, что далеко за нашими плечами[1], и в ней же он скоро сокроется.

– Скажи, каких они племён, мы приведём легион, искрошив их мечами, уцелевшие будут распяты.

– Не хватит крестов и мечей, о брат мой по духу и муж мой. Ибо весь мир подобным пребудет городом, даже… даже мы, Януарий…

Они умолкли, нагая Кассандра – навек, и зрачки её поголубели. Януарий ещё оставался на коленях, когда я ужаснулся увиденному, ужаснулся главным образом тому, что не слышал и не видел этого раньше – двое наших солдат и Маний бились на мечах у порога и в коридоре, и ещё поразительнее было, что схватка протекала беззвучно, и так же беззвучно проходило дальнейшее: появление высокого негра в белых штанах, что был под пальмами с погибшей, прыжок Януария, обнажившего меч, его падение с коротким копьём в груди и кровью изо рта, короткая схватка высокого варвара с Манием, – последний всадил негру меч в живот, и тот, с мечом в брюхе, продолжал душить противника, и оба, застыв на секунду статуями, рухнули вместе, – и мой побег, и также не издавало ни звука шествие по улицам людей в чёрном, стегавшим себя плетьми по плечам и спинам, разевая рты в молчаливых воплях. И только когда добежал я до последних домов, то в третий раз обволокло меня заунывным гортанным речитативом, как при первом уходе из города и пред вчерашним отходом ко сну, и обернувшись, я успел приметить чернокожего человека на балкончике высокой белой башни, сверлящего небеса неведомым призывом.

Солдаты были построены, ряды железа двинулись вперёд. Столь снедало нетерпение и ветеранов, и новичков, что нас даже мало удивило чудесное приближение городской окраины вплотную к морю. Но поражала неожиданная картина, раскрывавшаяся по мере приближения к главной площади через почему-то безлюдные улочки. Казалось, всё население города собралось на площади, вокруг воздвигнутого помоста, где разместились бородатые туши в раззолоченных одеяниях. Напротив них цепочка полураздетых женщин плясала под звуки каких-то трещоток,

[1] *Древние полагали, что будущее находится за спиной человека (оно неизвестно), а прошлое – перед глазами.*

тряся упитанными животами и большими задами. Толпа внизу заходилась криками восторга. Всё это было очень необычно, особенно для уже побывавших в городе, где и лупанариев было не сыскать, но не оттого мы застыли, похолодевши, ибо взоры наши устремились вверх, выше толпы, выше танцовщи́ц, выше толстяков в высоких креслах – туда, где на трёх крестах были распластаны три тела, Януария, Мания и – о боги! – Кинфии. С минуту мы не верили глазам, узрев трёх римлян в положении рабов, потом надсадный рёв всколыхнул щиты и лезвия, и, не дав приказа к атаке, центурион уничтожил бы дисциплину, и он её не уничтожил. Центурия помчалась на врага, числом подобного легиону, но вышло странное и в войнах небывалое: с непостижимой быстротой и столь же непредставимым визгом ринулись варвары к морю, прочь от нас, мы бежали следом, и у окраинных домов узрели в передних, дальних от нас рядах мчащихся чёрных свиней, уразумев не сразу, что горожане обращаются в свиней, и почему-то дома вокруг нас были всё те же, хоть мы бежали, и не сразу мы уразумели, что здания тоже бегут, обрушиваясь в волны вместе со стадом животных, и тонкая высокая башня не приближалась, а утончалась, понижаясь от погружения, и визг животных перекрыл распевный голос с балкона под башенкой, когда влага морская уже пожирала его.

Мы стояли на берегу, опустошённые пережитым и увиденным больше любого из прежних боёв, и даже обратный путь в родные земли оставил меньше рубцов в наших умах. Рим стоит на месте, и Тибр течёт в обычном направлении, только всё больше монахов вокруг в одеяниях чёрных, а значит, права была Кинфия, вовсе не века мы бежали от бури в пустыне, а чёрный город был ураганом примчат, из далёких веков, что ещё за нашими плечами, и когда-нибудь предстанет он нашим глазам. Но я до этого уже не доживу.

II

Вся беда в том, что мы слишком мало живём в будущем.
Элиас Канетти, «Ослепление»

И сейчас нелегко мне вспоминать топь болот, холод металла в руках, тишину леса, под аккомпанемент шума листьев, и дрожь пальца на курке. Почему-то сперва вспоминаются запах болота и ощущение курка, и лишь потом – вся последующая жуть.

Мало кто из партизанских отрядов шёл на запад, оставаясь в тылу врага, с таким упорством, как мы, весною сорок четвёртого. Единственным гражданским лицом был я, встретивший войну студентом факультета классической филологии. Наша (стала моей) стрелковая дивизия НКВД осталась в сорок первом в земле и плену, полк – почти только в земле, искрошенный, разорванный на клочья мяса и раздавленный в кровавую жижу пулями, бомбами, осколками и гусеницами, и четыре пятых остальных полегло от голода и ран за последующие три года, блуждая в болотах и вступая в стычки с противником, оставшиеся два десятка шли на запад. Это было волей Яневского, бывшего комполка, под чьим началом мы действовали, снедаемого жаждою мести, но в немалой степени и нашею волей, ибо, убивая и теряя товарищей, ты теряешь привычку к мирной жизни, а отчасти и человеческое обличье, желая одного – убивать никогда не имевших сего обличия и заставивших тебя, пусть отчасти, также его потерять. Ни к одному населённому пункту не подходили мы с такой опаской и после столь жарких дебатов, как к этому городу, ибо он не значился на картах и никому из нас не был известен.

В разведку пошла сержант НКВД Янушка, единственная женщина среди нас. Только она в отряде носила не бахилы и валенки, а хромовые сапоги, всегда прилежно начищенные, что только оттеняло изнурённость и невесомость её фигурки. Но шла в разведку всегда она – женщина вызывает меньше подозрений.

Часа через три, окатив нас радостью видом своей гривы в просветах листвы, она ввергла отряд в ещё большее недоумение касаемо происходящего.

«Город не так уж мал. Но прохожих почти нет. Одеты странно. Не по-нашенски, но гражданские. К чужакам не приглядываются. Полицаи... вроде есть. Вроде? Да, потому что над двумя дверьми надпись «*Полиция*», хотя по-русски. И ещё всякие странности. Надписи часто не русские, вообще не славянские, но и не немецкие. Но это всё ещё цветочки». «Давай уж, ягодки выкладывай». Янушка присела, и мы вслед за Яневским присели кругом, впечатление было такое, что вестница не верит в нашу способность перенести следующую новость на ногах. «Там... вроде как война закончилась. Победа. Но всё странно». «Как закончилась, что странно? Говори толком». Янушка помолчала, глядя перед собой растерянной азинькой[1]. «Детали подозрительные. Плакат висит: «*Здесь установят обелиск в честь партизанов*». Окончание на -*ов*». «Значит, фрицы писали», – воскликнул кто-то. «Погоди, почему тогда в честь партизан?» «Не знаю». Она привалилась к пню, затянулась самокруткой, протянутой Козюрой, выдохнула. Облачка дыма таяли в потеплевшем воздухе, вместе с рождавшимися в наших умах гипотезами, после секундной проверки на правдоподобие. «Это не всё. Там плакаты висят. На досках, большие. Написано: «*В предверии Дня Победы*...», с большой буквы оба слова, а дальше, внизу, «*Защитники Бресткой крепости. Брест-кой*», – она посмотрела на меня, видно, как на филолога. – «Второй «*с*» не хватает». Я кивнул. «Забыли букву», – предположил Яневский, задумавшись. «Так это б ничего, там ещё написано «*Оборонна Севостополя*». С двумя «*н*» оборона. А Севастополь через «*о*». Сев**о**[2]».

Обедали молча – если в ожидании разведчицы версий и предложений было много, правдоподобных и требовавших обсуждения, то теперь их легион истаял со струйками дыма, выдохнутыми Янушкой и Козюрой. После часового совещания – пяти человек, без меня – Яневский объявил следующее: по видимости, противник использует новую тактику, неизвестную нам ни по опыту, ни из обучения (неудивительно, ибо мы без малого три года не имеем информации о новых приёмах диверсий), возможно также, что этот приём ещё неизвестен НКВД. А именно: на оккупированной территории появилась зона (зоны), где создаётся видимость, что война окончена разгромом вермахта, для заманивания партизан и мирного населения, с целью их окружения с пленением или уничтожением. Этим объясняются ошибки в объявлениях, явно составленных немцами. Прохожие могут быть как немцами, так и пособниками оккупантов из советского населения. Остаются вопросы (например, почему полицию не назвали милицией, для маскировки), но за неимением лучшего будем исходить из вышесказанного. Задача на завтра – взять языка.

Мой сон прервался резко и грубо, как и большинства, подрагивавшего в равной степени от утренней прохлады и услышанной вести. Янушки не было. Возможность дезертирства отметалась знанием её характера, не говоря уже об отношениях с командиром, версия похищения представлялась немногим менее вздорной, самовольная отлучка – вероятнее всего, хотя и это звучало странно. Совещание на сей раз было кратким. Входим в город, вместе, не выказывая наличия оружия. Риск, помимо необходимости розыска пропавшей, оправдывался подмеченным ею – город довольно безлюден (к тому же Янушка была там к полудню, а сейчас раннее утро), прохожие не приглядываются к чужакам (может, и не различают их), военных не обнаружено. Подозреваю, что не последнюю роль в решении командира сыграло его личное чувство.

---

[1] *Неологизм Андрея Белого означает «милое растерянное существо».*

[2] *В начале мая 2018 г. в городе Курган появились баннеры с орфографическими ошибками, посвящённые Дню Победы, с надписями «Оборонна Севостополя» и «Защитники Бресткой крепости». Пресс-служба горадминистрации заявила, что не заказывала данные конструкции. Об этом, в частности, сообщалось в соцсети «Вконтакте». Написание «партизанов» вместо «партизан» постоянно встречается в РФ. Так же писали и нацистские оккупанты, в своих объявлениях о партизанах.*

Уже при виде первых улиц мы ощутили, как нелепо выглядим в столь разношёрстных одеждах-обмотках – шапки-ушанки, пилотки и моя фетровая шляпа, бахилы и валенки вперемежку с лаптями, хотя, может, это было к лучшему, ведь мы вуалировали свою сплочённость, идя не единой колонной, а по обе стороны улицы, в каждом ряду поодаль друг от друга. Время года оправдывало разнобой наших одеяний: контратаки холода сменялись ласточками весны – вот каждый и оделся по своему разумению. Объединяла нас только длиннополость плащей, под коими чутко дремало оружие. Труднее всего было понять, когда немцы поспели провести-выстроить все эти дороги-дома, и ещё удивляла малость прохожих, идущих большей частью торопливо и смотря под ноги. Необычность их одежд, у женщин часто непристойно вызывающая, не удивляла, просто укрепив подозрение, что это не советские граждане. Трудно восстановить в памяти последовательность всего происшедшего, помню лишь, что подходили к одному из нас – у маленького сквера он полуобернулся, слегка поднимая руку, вроде незаметно указывая на что-то – и пятеро наших как бы невзначай медленно подошли, прочли на пустом пьедестале: *«Здесь будет установлен памятник М.Т.Калашникову»*, посмотрели на рельеф оружия и вырезанные в камне чертежи, переглянувшись, отошли. Штурмовая винтовка Хуго Шмайссера с её же чертежами перевела худшие наши подозрения в уверенность, новость пошла по цепочке, один из нас перешёл улицу оповестить остальных[1]. Я знатоком оружия не был, может, сам не заметил бы, но подметил другое – на скамейке метрах в десяти от меня сидела полная женщина, довольно молодая, роясь в большом зелёном пакете на коленях, потом подняла голову и крикнула мальчишке лет пяти, залезшему на дерево и с жеребячим смехом выёрзывавшему носом из листьев: *«я сказала – по жопе получишь!»*. Не «попе», «попке», а на «ж». Русский-то она выучила, но путает синонимы, не зная, какой уместнее для крика на улице, а может, и не знает синонимов, язык ей не родной, и учила она его не у нас – это я объяснял товарищам, когда посланный нами к другой колонне, вернувшись, вывалил ответную новость: в двух кварталах отсюда, на огромадном деревянном щите, под надписью «*Слава победителям*!» красуется нацистский танк[2].

Обмен вестями спаял наши колонны в единый штык, прорезавший улицы вслед мальчонке в шортах, что подбежал к нам, талдыча: *«ваша тётя там, там»*, указывая вперёд, и Яневский поверил, поверили все – в этом невозможном городе, среди женщин в брюках и с оголёнными пупками, надписей на непонятном языке и пары промчавшихся мимо невиданных автомобилей, где даже моя фетровая шляпа, предмет шуток товарищей, была реальней и объяснимей окружающего, не было смысла и возможности действовать обычной тактикой, требовалось за что-то ухватиться, чему-то поверить, тем более тому, что Янушка нашлась, и, не уточняя, кто это говорит и откуда ему сие известно, мы перешли на скорый шаг, потом на полубег, бег, по прямой, со слегка омноголюдившейся улицы слева на нас указывали пальцами, что уже мало нас волновало, не волновало и то, куда делся мальчуган, взметнувший бегущих следом по лестнице на не помню какой этаж, забежавший в распахнутую дверь и не обнаруженный пятью влетевшими следом (остальные заняли лестницу на случай нападения), а обнаружился рослый голый мужчина лет тридцати, стоявший за столом лицом к нам, с чёрными прядями на плечах и сигаретой в руке, лицом и телом схожий с Демоном Врубеля, в окружении книг (на столе, стульях, этажерках, в шкафу), и если неудивительно, что мы поверили мальчугану, то куда более странно, что мы,

---

[1] *19 сентября 2017 г. в Москве на пересечении Садовой-Каретной и Долгоруковской улиц был открыт памятник М. Т. Калашникову с изображением схемы винтовки Шмайссера, разработанной в нацистской Германии. Автор памятника скульптор Салават Щербаков в интервью корреспонденту РБК признал, что в проект «могла закрасться» ошибка.*

[2] *Баннер с изображением нацистского танка (а также, кстати говоря, перевёрнутого российского флага) вывесили в 2016 г. в одном из торговых центров Благовещенска.*

запыхавшиеся, оторопевши слушали лихорадочный монолог из пухлых, слегка негритянских губ нагого незнакомца.

– Здравствуйте, товарищи. Я попал-таки в прошлое, да? Я не пьян. Вы знаете, там, в будущем... повсюду фюрер. Он вылезает отовсюду. С плакатов, надписей, оговорок в разговорах... **Бальзак** говорил – в людскую массу надо врезаться как пушечное ядро или проникнуть как чума. Врезаться в нас фашисты не смогли, проиграли. Теперь проникают чумой. Пока получается. Был такой революционер... **Ульрика Майнхоф**. То есть для вас ещё будет. Говорила: Гитлер в вас. Говорила послевоенным немцам. Она была права. Будет права. Однако потом, после неё, стало ещё хуже. Станет хуже. Гитлер в нас. В постсоветских. Возможно, он даже во мне. Я уже не верю себе. Я сужу по мелочам – шутки, проговорки, анекдоты... Вокруг одни гитлеровцы. Дьявол кроется в деталях. Это знали многие, давно. Итальянцы, например. Il diavolo sta nei dettagli. Испанцы – el diablo esta en los detalles. И я всегда хотел попасть в прошлое. Чтоб было ясно, кто на чьей стороне, где наши, где фашисты. И я попал, чёрт!

Он говорил, театрально жестикулируя, будто на сцене, напоминая итальянца или испанца старых времён, коих цитировал (впрочем, его чистый русский язык и обрезанный пенис выдавали, что это наш, горский еврей или кавказец), потом обернулся к окну, картинно разведя руками, как на полотнах старых мастеров, и тогда только до меня дошла вся нелепость положения: мы стоим, застыло, слушая речь сумасшедшего, забыв, что ворвались сюда в поисках Янушки. Ту же мысль я прочёл на лицах Яневского и двух товарищей, а Хабибулин рванул на себя дверь справа, вскрикнул, и рванувшись за ним, мы увидели Янушку.

Она сидела на полу, прислонившись к стене, над красной лужицей, сразу слева от входа в комнату, тянувшуюся вглубь, по причине узости комнаты все, кроме Яневского, протолпились вперёд, она прохрипела: *«наденьте сапоги»*, сапоги стояли у стены возле истекавшей кровью, и я с Яневским обули её, встав на колени, и важнее того, чем-куда она ранена, было то, что она хочет сказать, но не желала говорить разутой, блеск хрома сапог всегда был её отличием, и вопреки рассудку я скажу, что мы были правы, не озаботившись раной, а на коленях её обувая, хотя я кожей чувствовал, что ребята смотрят на нас как на ненормальных, и пусть сидела она на полу враскорячку, но сапоги вновь подняли её над бытом, ужасом повседневности, и, вновь блистая ступнями и икрами, она говорила с командиром, будто наедине, но так, что мы понимали, что вправе это слушать.

– Этот гражданин не сумасшедший. Просто ошибается. Он не в прошлом, он в своём времени. Там, в лесу, мы проблуждали десятилетия. Ох, зачем мы блуждали так долго? Но он прав в остальном. Здесь дьявол, повсюду. Он в воздухе, в мелочах... Везде. Идите на запад отсюда, по улице, на празднество. Сборище. Вас никто не заметит. Только тихо там сидите... пока сможете.

Она уронила голову, а мы метнулись налево, на выстрел, узрев длинноволосого безымянца лежащим с пистолетом в руке и кровавой лентой из под правого уха, секундой позже с лестницы ворвались трое наших, тут же повернув обратно – вслед за командиром мы устремились вниз, и по широкой обсаженной тополями улице на запад, строевым шагом, не бегом, и уже не ведомые никем, но едва ли не уверенней и целенаправленней прежнего, через пару сотен шагов завидев толпу людей в открытом кинотеатре, и подойдя, выстроились в ряд позади остальных, прикованные глазами к огромному экрану метрах в семидесяти от нас.

Показывали военный парад, на Красной площади. Судя по военной технике и форме, парад победы над рейхом. Но пятеро из нас уже знали, что дьявол в деталях, да и все мы это знали, после виденного в городе. И когда показались на экране георгиевские ленточки, мы переглянулись лишь слегка, вполоборота, поняв, что все всё видят и указывать на что-то нет нужды. Завидев кресты с георгиевской симво-

ликой, переглянулись уже не вполоборота, а мысленно, а я не мог оторвать от них глаз, с трудом в это веря, ибо видел подобный крест на груди начальника отдела пропаганды ВВС КОНР, майора РОА А.П.Альбова. Мы стояли безгласыми и при виде триколора, того, что носили члены фашистского СРМ, коих мы видели в Бобруйске сорок третьего. Даже рассмотрев императорский герб на советских грузовиках и бронеавтомобилях, уже убедившись, что это реконструкция бригады РОА[1], оставались мы недвижны, только стоявший в середине грузин Григорий выступил на полшага вперёд, словно желая лучше удостовериться в прохождении на Красной площади фашистского парада под видом антифашистского. А потом на экране появился поп в раззолоченном облачении, таких мы видели на оккупированных территориях в открытых оккупантами церквах, только поплоше одетых. И сказал, подвывая, что в Великой войне, её бедствиях виноваты безбожники, война была карой господней, но народ образумился, обратился к богу, потому-то мы и победили. Позже, задним числом, поняли мы последние слова Янушки, после совета тихо вести себя добавившей: *«пока сможете»*, а тогда мы вскричали, взревели, различая на сцене попа в окружении гражданских и догадавшись, чьё откормленное блеслоглазое лицо отражает экран, и не пойдя на безумный поступок, командир уничтожил бы дисциплину, но и он был доведён ad extra[2]. Два десятка плащей распахнулись, выпуская на волю оружие, четырёхгранные штыки Мосина, сапёрные лопатки и ножи, и с надсадным *«ура»* отряд пошёл в штыковую против сотен людей, точнее, через них, к дебелой туше на помосте, но вышло необъяснимое: толпа зрителей, повскакав с мест, визжа и оборачиваясь к нам блажными глазами, бросилась вперёд, и мчась за ними, мы видели, как стадо свиней со сцены исчезает неведомо куда, не сразу поняв, что вскакивая на сцену, толпа обращается в свиней и, вомчавшись в экран, пропадает в его глубинах, и когда мы достигли сцены, она опустела, только на экране удалялись свинячьи зады визгунов, потом на их фоне явилась знакомая двухметровая рожа оратора, испуганно хрюкнула, и экран потух, обратившись белым полотнищем. Мы переглянулись. Обернулись. Вокруг стоял лес. Места знакомые, метрах в ста была наша последняя стоянка. Туда мы и направились, молча, измотанные больше, чем любым из бывших и последовавших боёв и походов.

По предложению – не приказу – командира никому мы не рассказывали о происшедшем, остерегаясь психушки и тюрьмы, промолчали и вторую половину восьмидесятых, во избежание насмешек, и не ведал никто, девятого мая какого года мы обсуждаем, съезжаясь на День Победы. Ныне, через сорок шесть лет, в девяностом, впервые поминаю я этот день в одиночестве, последний оставшийся в живых, и решаюсь поведать бумаге случившееся. Всё больше странного вокруг, настораживающего, в деталях, мелочах, и, кажется, прав был схожий с Демоном обнажённый незнакомец, права была и Янушка, мы проблуждали в лесу десятилетия, увидев картину грядущего, и скоро предстанет она глазам ныне живущих. Надеюсь, я до этого не доживу.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 31.10.2022

---

[1] *РОА – «Русская освободительная армия», организация в составе вермахта, воевавшая против СССР. СРМ – «Союз русской молодёжи», нацистская организация, по образцу гитлерюгенда и гитлердойче, созданная из числа советских молодых людей, перешедших к нацистам. В ноябре 2016 г. на Красной площади провели реконструкцию парада 1941-го, но на грузовиках и бронеавтомобилях Красной армии разместили императорский герб, фактически реконструировав РОА.*

[2] *Ad extra – до последней степени, до крайней степени (лат.)*